

Золотые крылья

Глеб Пономарев

Глеб Владиславович Пономарев

Золотые крылья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69946363

SelfPub; 2023

Аннотация

Россия, 1890-е. Александр Стефенссон – юноша, учащийся в столичном университете. С самого детства Александр мечтает полететь. Он придумал модель аэроплана, способного развивать невиданные доселе скорости и подниматься на такую высоту, которая раньше казалась недостижимой. Во время прогулки юноша встречает Гладерику Дельштейн-Орлову, которая – о чудо! – горит той же мечтой, что и он. С этого момента и начинается тернистый, полный испытаний путь к их заветной цели, пройдя который, их ожидает долгожданная и вожеленная награда...

Содержание

Глава 1. Путь мечтателей.	11
Глава 2. Шаг к мечте.	28
Глава 3. Знакомство.	47
Глава 4. Лучшие из лучших.	60
Глава 5. Прыжок.	75
Глава 6. Лес.	88
Глава 7. Неожиданный визит.	98
Глава 8. Тренировки.	133
Глава 9. Ночной полёт.	157
Глава 10. Совет.	231
Глава 11. Ввысь!	260
Глава 12. Новые горизонты.	314
Эпилог.	322

Глеб Пономарев

Золотые крылья

«Человек не имеет крыльев и по отношению веса своего тела к весу мускулов в 72 раза слабее птицы... Но я думаю, что он полетит, опираясь не на силу своих мускулов, а на силу своего разума.»

Н. Е. Жуковский.

Они казались такими пушистыми... И тем не менее – такими исполинскими, величественными. С набором высоты облака всё больше и больше стали напоминать комочки белой шерсти, разбросанные по лоскутному покрывалу полей, озёр, лесов и речек и переносимые всевозможными порывами майского ветра. Впрочем, сидящему в кабине аэроплана человеку было совсем не до них.

Высотомер плавно отсчитывал набранные футы, прерываясь лишь на те моменты, когда аппарату необходимо было сохранить стабильную скорость. В такие моменты воздухоплаватель выравнивал аэроплан горизонтально относительно земли, и тот, поддавшись воздушным потокам, свободно парил в безграничном пространстве – царстве солнца, ветра и облаков.

Золотистые волосы лётчика, не до конца сокрытые шлемом, развевались на встречном ветру, словно тысячи змеек.

Если бы на такой скорости у него отсутствовали защитные очки, его глаза бы уже давно высохли, а любая пылинка причиняла бы невыносимую боль. Кабина была стандартной: открытой, с небольшим лобовым стеклом, которое защищало разве что от прямого задува воздуха от мотора. Зашипело радио, и вскоре из наушников послышался узнаваемый даже через помехи голос:

– Гладерика! Гладерика, как слышно? Это «Эдельвейс».

– Саша? Но как? – воскликнула удивлённая девушка. Ветер заглушал её речь, даже когда та перешла на повышенный тон.

– Не ожидала, да? – голос рассмеялся. – Всё-таки подпустили меня наблюдать за полётом моей птички. Как самочувствие, капитан?

– В норме, – уже спокойным голосом ответила Гладерика.

– Назови эшелон, Гладерика.

– Эшелон два-три. Как тебе такое, «Эдельвейс»?

– Да вы умнички! И ты, и «Идиллия»!

Гладерика улыбнулась. В разговор вмешался другой мужской голос, донёсшийся из радио:

– «Эдельвейс», довольно болтать. Не трать заряд рации. «Аурус», бери два-шесть, затем по спирали на снижение.

– Так точно, Роман Иванович, – сказала Гладерика. – Связь по глиссаде?

– По глиссаде. Конец связи.

– Конец связи.

– Смотри не свались, птичка! – донёлся напоследок голос Александра.

– Так точно, «Эдельвейс»! – воскликнула девушка. На её лице появилась целеустремлённая ухмылка – верный знак того, что свою задачу она выполнит с наилучшим результатом.

Коротко прошипев, рация затихла. Предстояло преодолеть триста футов, а затем, замерив скорость аэроплана и собственное самочувствие, начать спускаться на аэродром.

«Два-четыре, – рапортовала самой себе Гладерика». Спидометр неумолимо замедлял вращение стрелки, в какой-то момент замерев на месте – скорость более не росла.

«Два-пять...». Чуть ранее этой отметки скорость постепенно начала ползти вниз. Зафиксировав этот факт, Гладерика направила рычаг немного от себя. «Идиллия» почти выровнялась горизонтально, и скорость вновь немного подросла. Забрав себе двадцать лишних узлов, лётчик вновь направила рычаг на себя. Задрожали рули высоты – она почувствовала вибрацию от них через тросы, что вели к рычагу. «Давай, малютка, – прошептала Гладерика, – давай, ещё сотню. Ты же Александрова дочь... Тебе и не такое должно быть под силу!»

Помогли не то уговоры, не то восходящий поток, не то увеличение расхода керосина – уже через пару минут Гладерика с радостью отсчитала про себя нужную цифру: «Два-шесть». Замерив на хронометре время пересечения потолка,

одной рукой она вытащила из бокового кармашка небольшой блокнот с карандашом и, зажав рычаг между ног, сделала необходимые записи. Впервые за весь полёт девушка оглянулась вокруг кабины. Вокруг простиралась неопишущая, чарующая, поистине волшебная картина. На горизонте зелёные леса и поля мешались с бело-голубой небесной гладью, рисуя неуловимыми оттенками очертания гор и холмов. Чуть ближе к ней киноплёнкой плыли деревеньки, рощи и пруды. С такой высоты она не могла различить ни силуэты отдельных деревьев, ни волн на поверхности водоёмов, ни, конечно же, людей. Держа рычаг между ног, Гладерика спрянула блокнот и карандаш в кармашек, а затем в порыве восторга и триумфа раскинула руки в стороны.

– До чего же здорово! – воскликнула она, вдыхая полной грудью чистый высотный воздух.

Внезапно ей захотелось расстегнуть все ремни, что так неприятно сковывали её движения, снять жаркий и душный её волосам шлем вместе с очками и, расправив руки, словно крылья, полететь в тандеме с красавицей «Идиллией»!

– Вот, что чувствуют те, у кого есть крылья... – сказала про себя Гладерика. – Спасибо тебе, Саша... За то, что дал мне эти крылья. Спасибо, Саша!

Настала пора снижаться. Девушка осмотрела панель приборов и, удостоверившись в норме показателей, потянула рычаг вправо. Почувствовав крен, по указанию инструкторов она повернула голову в сторону земли, попутно оттяги-

вая рычаг от себя. Вновь задрожали рули высоты. Аэроплан, доселе не видевший солнца за облаками, яростно сопротивлялся мощной стихии ветра. Вибрация нарастала. Гладерика заметила это, но, будучи сконцентрированной на снижении, списала это на работу элеронов. Оттянув рычаг ещё немного, девушка начала выравнивать аэроплан...

Внезапный толчок чуть не расшиб Гладерике лицо о приборную панель. К счастью, приложилась она лишь щекой, отделавшись ушибом. Она посмотрела на мотор, звук которого из равномерного шума превратился в то нарастающий, то затихающий гул. Из его выхлопной трубы с резкими хлопками вырывался язык пламени. Гладерика почувствовала, как её лицо мигом покрылось потом. Однако об этом явлении её предупреждали. Инструкции к действиям в чрезвычайных ситуациях она максимально чётко выучила до полёта. Переключив тумблер, лётчик потянула рычаг на себя. Мотор закашлял, захрипел, пламя прекратилось. Лопасты поддались набегающим потокам. Гладерика тотчас нажала на кнопку рации.

– Роман Иванович! «Эдельвейс»! Приём!

– «Аурус», Роман Иванович на связи.

– Внештатная ситуация. Предположительно – помпаж.

Эшелон – два-два.

– «Аурус», сохраняй спокойствие. Держи курс ровно, избегай сваливания. Продолжай снижение по плану.

Из-под радиопомех Гладерика расслышала какой-то шум

и стук. Вскоре до неё донёлся голос Александра:

– «Аурус»... Гладерика! «Эдельвейс» на связи. Доложи о самочувствии.

– Самочувствие в норме.

– Давление?

– В норме.

– Принято, – отрезал он. – Следуй инструкциям Романа Ивановича. Помпаж исправляется повторным запуском мотора. Попробуй дёрнуть ручку стартера.

Гладерика потянулась к рычагу под сиденьем. Однако даже после десятка вращений мотор не завёлся.

– Не работает, – доложила она.

– Не переживай, в крайнем случае аэроплан рассчитан на приземление без мотора. В таком случае след... – на этом моменте помехи полностью заглушили голос Александра.

– «Эдельвейс», Саша, приём, – сказала Гладерика в шипящую рацию.

Бесполезно. Связь оказалась прерванной. Запросив ответ ещё пару раз, девушка поняла, что дело безнадежно.

– Чёрт!.. – выругалась девушка. – Надо садиться. Без мотора...

Внезапно «Идиллия» резко накренилась под напором бокового ветра. Гладерика машинально дёрнула рычаг в противоположную от крена сторону. Послышался треск и хруст разрывающегося полотна. Теперь девушка почувствовала первородный, поистине животный страх. Оглянувшись на

крылья, она оторопела: лоскутки тканевой обшивки неистово болтались на ветру, а сквозь оголённый деревянный каркас виднелся обрывок троса. Аэроплан потерял управляемость и стал неистовыми толчками лететь в бездонную пропасть, ловя малейшие колебания воздуха, кои теперь стали для него словно барьерами и плотными заслонами...

Глава 1. Путь мечтателей.

– Что за ерунда? Пойдём уже, хватит здесь торчать!

Неожиданный возглас разбудил задремавшего за партой юношу. Тот вздрогнул, а затем, оглянувшись вокруг, забавной физиономией уставился на нарушителя его спокойствия.

– Ха-ха-ха, какая у тебя всё-таки смешная рожа! – засмеялся он, подойдя к нему. – Вставай, на прогулку опоздаешь.

– Коля? Чего тебе нужно? Какую ещё прогулку? Разве уже вечер?

– Седьмой час пошёл, ей-богу. Забился, как плесень, в глубокую каморку, света белого не видишь – разве так должен выглядеть образцовый столичный студент?

– Ради Бога, оставь меня в покое, – проговорил сонный юноша, протирая глаза. – Я зачитался трудом Лилиенталя и незаметно задремал.

– Неужто настолько скучное чтение?

– Наоборот, Коля. Впрочем, вряд ли сия наука будет тебе интересна. Можешь не звать на прогулку. И так знаю, что это будет скучнейший вечер со смолянками.

– Ошибаешься, брат, – ответил ему Николай. – Это будет преинтереснейший вечер. Да, мы пригласили благородных девиц, однако совсем не для того, о чём ты можешь помышлять. Ваня Орлов будет демонстрировать работающую модель субмарины, о которой он вычитал в «Двадцати тыся-

чах лье» Жюля Верна.

– Неужто ему это удалось выполнить? – с удивлением и некоторым недоверием спросил юноша.

– А то! Своими глазами видал. Здоровенная машина, натуральнейшее чудо, прости Господи.

– Чудес наука не знает. Есть лишь временно необъяснимое.

– Вот и проснулся наш маленький зануда, – в шутку ласково протянул Николай. – Вот что, Саша: пойдём сейчас. Если и дальше сидеть здесь, всю жизнь за формулами прозеваешь.

– Назови хоть один аргумент в пользу того, что мне надо идти туда, – настаивал он. – Мои идеи – и есть жизнь.

– Скучновато... Ну хорошо. Во-первых, свежий воздух. Поскольку мой отец – превосходный доктор, о полезных свойствах воздуха я могу рассказывать часами.

– Пожалуй, о пользе оного я сам слышан. Однако этого недостаточно.

– Во-вторых, демонстрация субмарины.

– Эта посуда потонет, – скептически махнул рукой Александр. – У Вани отсутствует теоретическая база. Ха, а знаешь, почему я уверен в его провале? – он злорадно усмехнулся. – Он просто не взял меня в инженеры. Если бы я руководил теоретической частью проекта, успех был бы ему обеспечен. Хм... – на секунду призадумался он. – А знаешь что? Пойдём, Коля. Я хочу посмотреть лично на то, как эта ржавая бочка пойдёт ко дну Невы вместе с его косым паро-

вым двигателем.

– Отрадно слышать, что хотя бы это увлекает тебя, – улыбнулся Коля. – Тогда собирайся и выходи.

– Погоди... Я возьму кое-что. Не хочу, пусть даже на время прогулки, зря терять время.

Сказав это, Александр пощупал книжную полку, а затем вытащил оттуда пару листов бумаги.

– Что это? – спросил Николай.

– Это чертежи моего аэроплана. Однако они всё ещё нуждаются в доработке.

– Ты ни разу нам не показывал эти чертежи, однако...

– Это правда. Хотелось сохранить в секрете. Впрочем, основная часть выполнена, поэтому я могу лишь поправлять некоторые детали.

– Это ты молодец. Ну ладно, идём, идём скорее! Девушки уже заждались!

В жаркую летнюю пору большинство студентов желали заниматься на свежем воздухе, поскольку в помещениях становилось невыносимо душно. Вечером же территория Васильевского острова оказывалась оккупированной учащимися – гимназистами и студентами. Александр Стефенссон, о котором недавно шла речь, не любил больших и шумных обществ, предпочитая им сидение в собственной комнатке или же посещение университетской библиотеки. Юноша справлялся со всеми заданиями и сдавал практически все экзамены на высший балл, исключая, пожалуй, лишь спорт. Внеш-

ности он был типично варяжской: гордая, осанистая фигура, широкие плечи, русые волосы, выразительные черты лица и большие, вечно любопытные, голубые глаза. Его не интересовали светские забавы его сокурсников, которые, по его словам, «вечно пьяны и не способны на великие свершения». Однако даже такой его оценки избежали двое парней: Николай Кирсанов и Иван Орлов. Первый ему приглянулся за необыкновенную живость и умение поглощать знания на лету. Именно Коля мог в самые трудные моменты вытянуть его на прогулку по вечерней столице, тем самым немного снимая накопившиеся тревоги и переживания. С Ваней же у Александра отношения не задались с самого начала, поскольку тот был таким же своенравным и упрямым, как и он сам. Однако было в Орлове что-то, за что юноша хоть и сдержанно, но всё же восхищался им. Это была невероятная работоспособность, трудолюбие и практичность. Не проходило и дня, как Иван не задумал бы какую-нибудь новую машину или устройство. Чаще всего его работы терпели неудачи, однако среди сотен различных поделок и изобретений попадались и толковые. Примером плода воспалённого ума Вани является пресловутая субмарина, прототипом которой выступил аппарат, выдуманный великим французским писателем.

Стоит сказать, что Александр не столько хотел увидеть крах его изобретения. Нет, он не был злорадным или завистливым. Больше всего ему хотелось именно взглянуть на это

творение, полюбопытствовать о его устройстве, узнать о характеристиках, по возможности предоставив разумную критику. Именно в этом он видел смысл общения между людьми – в обмене опытом и знаниями, в совместном решении вопросов и проблем окружающей действительности. «В конце концов, если так подумать... Его практические навыки и мой багаж знаний вместе образовали бы превосходный тандем, – размышлял он. – А Коля был бы отличным Гермесом между моим и Ваниным миром. Сколько бы мы смогли создать вместе!.. Не только аэроплан. Нет... И в космос, и на Луну мы бы полетели!»

Тем временем, двое товарищей вышли на набережную Невы. На перекрёстке Университетской и Дворцового моста скопилось много народу. Александр узнал в этой массе то знакомое, с вечно горящими глазами, выразительное лицо – Ваню Орлова. Тот держал в своих руках довольно внушительных размеров медный сигарообразный предмет.

– Пойдём поближе! – воскликнул Коля и жестом руки позвал Александра следовать за ним. – Ваня!

– Вот он, гений нашего города, – иронично молвил Александр. – Ну, коль уж позвал, нечего отгораживаться.

Иван обратил внимание на зовущего, и, протиснувшись с моделью из толпы, подошёл к друзьям.

– Привет, Ваня, – поприветствовал его Николай, пожав тому руку. – Ну и махина. Тяжёлая?

– Фунтов тридцать, не меньше, – сказал Иван. – Здрав-

ствуй, Саша.

– Да, привет, – пожал протянутую ему руку юноша. – И как же она работает?

– О, всё до боли просто, – начал Иван. – Сердце моей субмарины – большая батарейка, оббитая резиной для изоляции. Я заметил, что если пропустить ток по спирали, та начинает раскаляться. Собственно, двигателем служит простая спираль из меди, опущенная в резервуар с водой. Воду субмарина берёт из реки с помощью этого клапана, – с этими словами Ваня поднёс модель поближе к Александру и показал ему маленькое отверстие в корпусе. – Нагреваясь и испаряясь, вода приводит в действие двигатель Стирлинга, который и вращает вал с закреплённым на конце гребным винтом. Просто как всё гениальное, не правда ли? – ухмыльнулся он.

– Да уж... – призадумался Александр. – Ты действительно многое предусмотрел. Однако я готов с тобой поспорить, что без твоего вмешательства она не поплывёт.

– Что ты такое говоришь? – поднял глаза Ваня. – Поплывёт, и ещё как!

– Говорю же тебе: могу поспорить. Не на деньги, таковых не имеется, – ехидно прищурился Александр.

– Если ты так уверен, – горящим взглядом посмотрел на него начинающий инженер, – то пусть же любая нелепица будет участью проигравшего. Свидетелем же пусть выступит наш общий товарищ Николай. Согласен ли ты, Стефенссон,

на такое условие?

Тут взгляд загорелся и у Александра.

– Замечательно! Пари можно считать заключённым.

– Да.

Оба изобретателя пожали друг другу руки, а Коля разъединил их своей ладонью.

– Пройдёте же ко зрителям! – воскликнул тот.

– С удовольствием, – улыбнулся Иван. – И пусть же благодарная публика рассудит нас.

Десятки любопытных юношеских и девичьих глаз уставились на подошедшую к ним тройцу. Спустившись к небольшой платформе, Иван поднял над головой своё творение.

– Дамы и господа! – торжественно начал он. – Позвольте же мне завершить свои последние приготовления перед запуском сего прекрасного аппарата. Я назвал его «Цитадель». Пусть же она послужит цитаделью науки и инженерной мысли!

– Лишь бы она не стала цитаделью Ла-Рошель, – с улыбкой молвил Александр.

Пару девиц в белых кружевных перчатках прыснули со смеху от неожиданной шутки. Это заметил Иван, однако это лишь сильнее его раззадорило. Открыв крышку, он соединил провода, что были спрятаны за ней.

– Итак, дамы и господа, едва «Цитадель» коснётся поверхности воды, по моей задумке она должна будет погрузиться в воду под собственным весом. Затем, набрав нужное количе-

ство воды в резервуар, в ней заработает чудесный двигатель сэра Стирлинга.

В рядах послышался шёпот удивления и обсуждения изобретения. Александр и Николай переглянулись. Иван же тем временем, закрыв крышку, плавно опустил субмарину на поверхность воды. Саша, скрестив руки на груди, самодовольно смотрел на модель. С таким же самодовольным выражением лица смотрел он на то, каким напряжённым становился с каждой секундой Иван. «Цитадель» не просто не погружалась. Поймав невское течение, она, словно гигантская сигара, легла таким образом, что водозаборный клапан оттопырился наверх, и, блеснув пару раз закатными лучами июльского солнца, плавно ушла под Дворцовый мост под недоумевающие взгляды зрителей.

– Но... Как... Неужто Саша незаметно сломал мою «Цитадель»?.. Однако он даже пальцем её не тронул... Каким образом? – растерянно бормотал Иван, смиренно провожая взглядом своё творение и результат многонедельной работы.

– Я могу рассказать, почему это пари мне было выиграть столь легко, – сказал подошедший к нему Александр.

– В чём же дело?! – воскликнул раздосадованный Ваня.

– Да-да, я сам изумился. Честно говоря, – заключил Николай, – мои ставки-то были равны.

– А дело в том, что где-то в Элизиуме на тебя разочарованно только что посмотрел один древнегреческий математик... – нарочито печально промолвил Саша.

– Господи... Да как же я...

– Именно, Ваня. Не стоит пренебрегать законами Архимеда, когда делаешь аппарат, столь тесно взаимодействующий с ними. Тебе всего-то нужно было откатать из «Цитадели» воздух. Я заметил это по клапану, который служил отличным его проводником.

– О Боже, да как я мог забыть об этом несчастном законе?! – вновь воскликнул Иван – так, что все зрители обернулись на его возглас. Однако уже через несколько мгновений люди начали расходиться.

Александр заметил, как из разбредающей в разные стороны толпы к ним поспешила одна девушка с длинными золотистыми волосами и красивыми чертами лица, одетая в униформу воспитанницы Смольного института благородных девиц.

– Прошу прощения, *messieurs*, за моего незадачливого *cousin* Ивана, – выпалила она, оказавшись перед ними.

– Приятно познакомиться, сударыня, – откланялся и поцеловал ей руку Николай. – *Je suis Nicolas Kirsanov*¹, а это – *mon ami*² Александр Стефенссон.

– Приятно познакомиться, *mademoiselle*, – неуверенно ответил Александр, ограничившись лишь поклоном. Посмотрев на него, девица по-доброму улыбнулась.

– Меня зовут Гладерика, я из рода Дельштейн-Орловых, –

¹ Я – Николай Кирсанов (фр.)

² Мой друг (фр.)

ответила им реверансом девушка. – Мой братец вечно выдумывает всякие нелепости, из-за чего сам же и страдает. Ещё раз прошу прощения за него.

– Нет же! – ответил раздосадованный таким представлением Иван. – Мои изобретения редко терпят провалы.

– Можно ли так сказать о модели паровоза, что окатил паром нашу бедную служанку madame Лизавету семь лет назад?

– Это было давно, Гладерика, и ты сама прекрасно помнишь, по чьей вине произошла катастрофа паровоза «Солидарность». Я, доверив тебе управление системой подачи пара, по своей неосмотрительности решил отлучиться по важным делам. Вернуться же мне пришлось из-за твоих криков и красной от пара служанки.

Александр и Николай улыбнулись. Гладерика заметила это и, улыбнувшись им в ответ, завершила разговор:

– Смею напомнить, мой дорогой незадачливый братец, что когда эта страшная бочка начала пыхтеть, а из предохранительного клапана стала сочиться тонкая струйка пара, я тотчас позвала Лизавету. И, как только та подошла, её тут же окатило, однако я догадалась открыть второй кран, а затем и вовсе потушить костёр.

– Mademoiselle Гладерика, вы настоящая изобретательница и повелительница паровых машин! – восхитился её находчивости Николай.

– Ах, ну что вы! Мы – дети новой эпохи. Мы понимаем

устройство сложных механизмов на подсознательном уровне.

– Ваша правда... Ходят слухи, что в скором времени мы покорим Луну и космос!

– Судя по тому, каким неистовым галопом погнал нас ко звёздам технический прогресс, очень вероятно, что сие чудо удастся лицезреть собственными глазами! – восторженно воскликнула Гладерика. – Ах, если бы вы знали, как мне хочется взглянуть на нашу родную планету откуда-то издалека! Обрести крылья, расправить их, и однажды, забравшись на головокружительную высоту, воспарить над полями, горами, лесами, озёрами, реками и деревнями...

– Смею напомнить, Гладерика, что полёт на Луну – это вовсе не чудо, а вполне осуществимый концепт, – впервые вмешался в разговор Александр. – Это возможно, если соорудить достаточно большой двигатель Циолковского.

– Двигатель Циолковского?.. – удивилась девушка. – Право же, вы милы, когда мечтаете.

Александр смутился, однако виду не подал.

– Да, возможно сейчас я лишь мечтатель, и предел наших чаяний – это аэропланы. Однако нет ничего невозможного ни для меня, ни для вас, Гладерика. Равно как и для вас, Николай и Ваня, нет ничего невозможного. Ибо мы – люди. Мы создали огромные и могущественные города, построили гигантские корабли, плавим сталь в исполинских печах и пробуем оторваться от земли. Совсем скоро мы подчиним себе

звук, электричество и свет, и тогда вся Вселенная падёт ниц у наших ног!

– Ах! – вздохнула Гладерика. – Как же вы красиво говорите!

Их разговор прервал вечерний звон колоколов, а затем – идущие куда-то многочисленные группы студентов. Александр пристально посмотрел на Гладерику. Что-то было в ней таинственное и манящее, словно непрочитанный том трудов известного учёного. Однако самое главное – она источала ту животворящую энергию, что ценил он, словно капли воделенной воды в пустыне.

– Дамы и господа, знаете ли вы, кто к нам приезжает с визитом? – спросил проходящий мимо студент у группы товарищей.

– Никак Александр Фёдорович Можайский, – ответил Николай.

– Кто?.. – переспросил изумившийся Александр.

– Можайский, Александр Фёдорович.

– Он?! Но как... Как я мог упустить... Почему ты мне не сказал? – спросил возмущённый Александр.

– Вселенская загадка, – подмигнул ему Николай. – Теперь ты всё знаешь.

– Где будет проходить его лекция?

– В главной аудитории математического факультета.

– Когда же?

– Завтра.

Александр задумался. «Во что бы то ни стало попаду туда! – твёрдо решил он». Видимо, это читалось на его лице, поскольку трое стоящих рядом с ним улыбнулись.

– Александр, – внезапно Гладерика подошла к нему и практически прошептала ему на ухо, – можно ли поговорить с вами tete-a-tete?

– Безусловно, – ответил вновь смутившийся юноша.

Ваня сразу понял намерения своей двоюродной сестры, поэтому решил подыграть:

– В общем, мы с Николаем отлучимся ненадолго. Разыскать нас можно у продуктовых лавочек на Университетской. На лекцию г-на Можайского я тоже приду. Удачного разговора!

– Спасибо, братик, – улыбнулась ему Гладерика. – Спасибо, monsieur Nicolas, за ваше прекрасное общество!

– Это я вас должен благодарить! – воскликнул Коля. – Впрочем, нам действительно надо отлучиться. Orevoir!

– До свидания! – ответила девушка.

В небольшом сквере, куда они зашли после неудачи Вани с субмариной, ныне остались только они вдвоём.

– Мы с вами наконец одни, – сказала Гладерика. – Можно отбросить все формальности и наконец-то поговорить с вами, Александр, как мечтатель с мечтателем. Смею предположить, что во мне вы так же, как и я в вас, узрели нечто необыкновенное. Я прочитала это по вашему взгляду, коим вы смотрели на меня во время разговора.

– Это правда, – согласился Александр. – Я увидел в вас ту энергию, которой не хватает большинству людей. Вы будто бы созданы для осуществления своей мечты.

Воцарилось молчание, которое, однако, длилось недолго. Его нарушила девушка:

– А расскажите о себе, Александр.

– Личность я довольно скучная. Родился в далёких северных краях, там окончил реальное училище. Рекомендован директором в наш столичный университет. Не имел друзей, кроме листов бумаги и книг.

– У вас захватывающая история! – воскликнула девушка. – Как же я хотела прожить среди книг всю свою жизнь...

– Не думаю, что вам бы это пошло на пользу, – улыбнулся юноша. – Книги вредят зрению, а у вас и без очков прекрасные и большие глаза. Ах, что же это я...

– Смущаете, Александр, – молвила Гладерика.

– Лучше расскажите о себе. Насколько я понял, вы из дворянского рода Орловых?

– Вы правы! Я родилась недалеко от столицы. В десять лет меня отдали в Смольный институт, и томлюсь я в нём по сей день. Лишь в детстве знала я забавы с моим двоюродным братцем. Кажется, и всё.

– По крайней мере, ваша жизнь размеренна и идёт своим чередом...

– Но я не хочу этого, Александр! – воскликнула Гладерика, и жар окатил её лицо. – Больше всего на свете я бы хо-

тела выпуска из этого трижды проклятого института. Моя главная мечта, как я уже сказала вам ранее – расправить собственные крылья и полететь! Полететь не только над землёй, но и над нашим человеческим естеством. Представляете ли вы, что значит – видеть души окружающих как на ладони? Читать каждый нюанс в их жестах, научиться понимать их! Вместе с тем – увидеть поля, леса, озёра, реки и горы с высоты птиц, парить среди воздушных мановений! Увы, милый Александр, в наших силах лишь молиться Богу о даровании нам ангельских крыльев.

– Отныне не будет этого! – громко ответил Александр – так, что Гладерика вздрогнула от неожиданности. Он просунул руку за пазуху пиджака и достал те листы, что взял с книжной полки. – Взгляните на эти чертежи.

Гладерика взяла листы. На них разными чертами и линиями был выведен фас и профиль будущего летательного аппарата.

– Что это? Скажите, ради Бога!

– Чертежи аэроплана, Гладерика. Вы когда-нибудь представляли аппарат, способный разогнаться до ста пятидесяти узлов и летать на высоте более трёх тысяч футов? Это огромная высота, поверьте мне. Только представьте, как можно будет свободно подняться на такую высоту и воспарить над всем этим бранным миром! И я обещаю вам: рано или поздно этот аэроплан будет построен. Построен специально для вас. Лишь вы смогли обратить внимание на простого северя-

нина, живущего на гроши и не представляющего на данный момент никакого интереса для нашего общества. Лишь вы смогли принять мою мечту, поскольку вы понимаете меня. С самого раннего детства я так же, как и вы, мечтал о том, что однажды не только я, но и всё человечество обретёт крылья – и полетит! Я свято верю: обретя способность к полёту физическому, человек воспарит и над своими переживаниями, и над своим горем, и над проблемами. Он сможет, благодаря высоте, найти источник своих страданий, а найдя его – всё исправить и понять. Ведь только подумайте: тысячи и тысячи лет люди не могли себе даже представить, как выглядит земля с отличной от их обзора точки. Правильно ли я говорю, Гладерика?

Девушка изумлённо слушала его. В её голове роились тысячи мыслей и вариантов ответа, но один из них, кажется, был самым лучшим:

– Александр... Подняться высоко в небо я мечтала с самого детства. Именно поэтому несколько лет тому назад я попросила своего двоюродного брата тайно связать меня с клубом воздухоплателей. Они пообещали взять меня в свои ряды, как только я выпущусь из Смольного института.

– Постойте... Клуб воздухоплателей... Это, случаем, не эскадрилья «Золотые крылья»?

– Да-да, именно она! – ответила радостно Гладерика. – Я научусь летать! Обязательно!

– Я верю в вас, милая Гладерика, – ответил Александр. – Я

знаю, что вы во что бы то ни стало добьётесь заданных вами целей. Я помогу вам в этом. Ни один инженер не предлагал того, что предлагаю сейчас я.

Внезапно на лице Гладерики появилась странная улыбка. Она более напоминала ухмылку, не будучи при этом злой. Глаза, чуть прищурившись, придали ей весьма уверенный вид. Это заметил Александр:

– Ваша улыбка... Она изменилась. Вы смотрите так... Целеустремлённо, будто бы видите свою мечту уже перед носом.

– Что вы! – прежняя улыбка вновь вернулась на её лицо, и Гладерика рассмеялась. – Но знаете... Мы полетим, Александр. Вы и я. Обязательно полетим. Вот увидите. И пусть же время будет тому свидетелем!

Глава 2. Шаг к мечте.

Аудитория шумела сотнями различных голосов. Сегодня в ней должна была состояться лекция великого человека – основоположника русского воздухоплавания Александра Фёдоровича Можайского. Множество студентов были заинтересованы в его деятельности, но больше всего желал увидеть и лично пообщаться с ним его тёзка – Александр Стефенссон. Именно поэтому вместе с Ваней (в котором он совсем перестал видеть конкурента и врага) и Николаем они уселись на самых первых рядах, приготовившись слушать о достижениях человечества на пути к покорению неба.

– Кстати, – обратился Ваня к Александру, – какую же нелепицу выдумаешь мне ты?

– Самой твоею большой нелепицею можно считать твой провал на публике. Большого я от тебя не хочу.

Иван призадумался.

– Добрый ты человек... Я полагаю, на сим наше пари можно считать закрытым?

– Конечно! – молвил Александр.

– Господа, это замечательно, – с улыбкой сказал Николай, сидящий между ними. – Ну же, пожмите друг другу руки в знак примирения.

– Ты прав, – согласился Иван и протянул своему недавнему сопернику руку.

– Ныне – мир, – пожал её Александр и едва заметно улыбнулся.

Тут послышался голос профессора:

– Господа, прошу всех успокоиться и занять свои места. Александр Фёдорович прибудет с минуты на минуту!

Зал мигом затих, студенты расселись по своим местам. Вскоре дверь в аудиторию отворилась, и в просторный зал вошёл пожилой мужчина с пышными усами, на скулах перерастающими в не меньшей пышности бакенбарды, чёрном фраке с золочёными эполетами на плечах, со строгим и внимательным взглядом. Между рукой и телом он держал свиток крупного листа бумаги. Все присутствующие встали в знак приветствия. Окинув взглядом затихших слушателей, он размеренно прошёл за кафедру, где и начал свою речь:

– Здравствуйте, уважаемые студенты. Я – Александр Фёдорович Можайский, контр-адмирал императорского флота. Прошу, садитесь.

– Что за лист он с собой притащил? – шёпотом спросил Николай у сидящего рядом Ивана.

– Должно быть, собственные зарисовки, – предположил тот. Увидев недовольные взгляды Александра и сидящего рядом преподавателя, Иван сразу же замолчал.

Вывесив с помощью преподавателей лист бумаги на доске, на котором был изображён диковинный летательный аппарат с разных сторон, он повернулся к сидящим в аудитории и, прокашлявшись, продолжил:

– Господа! Все вы – студенты лучшего в стране университета. Кто-то учится уже на выпускных курсах, а кто-то из присутствующих ещё только начинает свой профессиональный путь. Я надеюсь, что мой рассказ будет одинаково интересен и тем, и другим. Тема моей лекции, – с этими словами Александр Фёдорович чуть вышел из-за кафедры, сложив руки за спиной, – «Полёт человека». Вообще, что значит – полёт? Можно ли считать некое состояние падения физического тела тем же, что и, положим, полёт птиц? На этот вопрос я отвечаю с точки зрения науки. Согласно закону всемирного тяготения сэра Ньютона, любое тело, находясь на земле, испытывает на себе эту самую силу. На протяжении многих тысячелетий она прочно удерживала нас, людей, на поверхности нашей родной планеты. Ровно так же, как эта сила удерживает и птиц, не умеющих летать. Позвольте, я изображу данное явление графически, – сказал он и повернулся к доске, где нарисовал подобие птицы и плоскость, а из центра птицы к плоскости провёл стрелку, написав справа от неё букву «F». – Мой рисунок есть не что иное, как описание действия силы тяготения. Птица, желающая полететь, не сможет этого сделать, покуда действие тяготения будет сильнее всех прочих. Кто из вас может сказать мне, за счёт чего летает птица?

– Она овладела тайной эфира, – пошутил кто-то из присутствующих, после чего под редкий смех студентов был осажен профессором.

Ваня, очевидно, шутки не оценил, поскольку мгновенно поднял руку. Его заметил Александр Фёдорович.

– Прошу.

– Птица летает за счёт формы своего оперения, – выпалил Ваня. – Потоки воздуха, создаваемые взмахами крыльев, направляют её вверх. Этой силы достаточно, чтобы преодолеть силу тяготения.

– Что же, вы сделали попытку. Однако ответ не совсем корректен. Хочет ли кто ещё попробовать?

Ваню словно окатило кипятком. Он, хотя уже давно вырос из капризного и обидчивого мальчика, всё же с багровеющим лицом резко опустился на своё место. Тут руку поднял Александр.

– Я вас слушаю, – сказал Можайский, увидев руку юноши.

– Птица летает за счёт подъёмной силы, – ответил, встав с места, Александр. – Дело действительно в форме её крыльев. Закон Бернулли гласит: сила давления в жидкостях и газах обратно пропорциональна их скорости. Давление снизу крыла птицы выше, поскольку скорость воздушного потока под крылом птицы ниже. Это давление и удерживает птицу в воздухе. Это и есть подъёмная сила.

– Превосходный ответ, – удовлетворительно молвил Можайский. – Действительно, это так: если взглянуть на крыло птицы в его профиль, можно увидеть, что оно чем-то напоминает каплю, – с этими словами Александр Фёдорович изобразил на доске крыло птицы в разрезе. – Вы видите,

что верх крыла немного выпуклый. Проходя сквозь небесную гладь, крыло как бы разделяет воздушный поток надвое. Один устремляется под него, а второй – поверх. Поскольку частицы воздуха должны сойтись равномерно в одной точке за крылом, тому их потоку, что устремился над крылом, потребуется больше скорости, так как и расстояние, преодолеваемое им относительно частиц под крылом, вследствие выпуклости крыла становится больше. И здесь в силу вступает закон Бернулли, который, как правильно указал студент, описывает силу давления в жидкостях и газах. Давление под крылом становится больше, нежели над ним, поэтому птица и удерживается в воздухе. Надеюсь, я доходчиво объяснил вам данное явление.

Можайский нарисовал вторую стрелку, которая вела от центра птицы вверх. Ваня решил не сдаваться, посему повторно поднял руку.

– Я вас слушаю, – вновь обратил на него внимание Можайский.

– Позвольте, может ли птица удержаться исключительно на подъёмной силе? Ведь даже самое лёгкое пёрышко, какой бы формы ни было, рано или поздно упадёт на землю, не приложи оно для удержания в воздухе никакой силы. Что-то же должно удержать птицу в небе помимо подъёмной силы и восходящих потоков ветра?

– Вы верно заметили, молодой человек. Действительно, – с этими словами Александр Фёдорович начертил третью

стрелку, которая указывала вправо от центра птицы, – здесь имеет место быть реактивная сила. Сжигая энергию, полученную при потреблении пищи, птица машет крыльями, как бы опираясь их площадью на воздушные потоки и концентрируя их под крыльями, и отталкивается от воздуха, словно лодочник своими вёслами от поверхности воды.

Ваня с удовлетворением уселся на место, скрестив руки на груди.

– Впрочем... Не вы ли – Иван Николаевич Орлов? – всмотрелся Можайский в его лицо.

– Я, – взволнованно ответил юноша, пытаясь вспомнить, откуда тот знает его имя.

– Рад, что узнал вас. Не соблаговолите ли вы зайти ко мне после сей лекции? У меня есть к вам разговор.

– Так точно, – кивнул Ваня, будучи ещё более сконфуженным.

Александр с удивлением взглянул на товарища. Он решительно не мог понять, какое дело может быть у такого человека к обычному столичному студенту. «Впрочем, – подумал юноша, – они же все дворяне. У них свой мир... Никто даже не удивился». И действительно: оглянувшись, Александр не увидел ни одно смотревшее на них лицо. Тогда юноша решил не терять времени зря. Обмакнув перьевую ручку в чернильнице, он принялся делать зарисовку профиля крыла, дав оглавление данной теме: «почему летают птицы?». Можайский тем временем продолжал:

– Итак, мы знаем, что на птицу при полёте действует несколько сил: сила тяготения, сила тяги, подъёмная сила и, наконец, сила сопротивления воздуха. Здесь мы приблизились к очень важной части полёта. Смотрите сами, – сказал Александр Фёдорович, изобразив на доске от центра птицы ещё одну стрелку, ведущую влево. – Сопротивление воздуха может очень ощутимо затормозить тело, летящее в небесном пространстве. К примеру, когда из безграничного космоса до нас долетает некое небесное тело, что мы ныне называем «метеорами», оно практически полностью сгорит в нашей атмосфере, ведь его скорость просто колоссальна – следовательно, так же колоссально и сопротивление, а равно и трение с воздухом. Тело раскаляется, плавится, теряет массу и скорость, долетая до поверхности Земли маленьким камнем, коих, как считают учёные, на нашей планете бесчисленные множества. Эта сила огромна, и тем она ощутимее, чем быстрее движется тело. Полностью избежать её влияния не получится, однако можно уменьшить её последствия для тела. Все тела летающих птиц похожи на веретено, а их перья столь гладки, что воздушный поток не сталкивается ни с одним препятствием, попросту огибая туловище.

Все трое – Александр, Ваня и Коля – заинтересованно слушали его. Первые двое старались усердно записывать каждый факт.

– И вот теперь мы подошли к самому главному: как использовать полученные знания на пользу нам, людям? Ответ

на это уже дала инженерия: нужно лишь построить достаточно лёгкую и сильную машину, чтобы та смогла поднять в воздух человека. Попросту говоря, нам нужны аэропланы. Взгляните, господа, на тот плакат, что повесил я вам в начале лекции, – указал рукой он на чертёж. – Именно так я представляю, как будет выглядеть первый отечественный летательный аппарат.

Александр присмотрелся к рисунку. Аэроплан представлял собой длинный фюзеляж наподобие каяка, к которому с двух сторон были прикреплены огромные крылья прямоугольной формы. Чертёж впечатлил его, хотя он и отличался от его разработок. Все остальные студенты с интересом разглядывали рисунок.

– Наши французские, английские и немецкие друзья уже всю занимают разработками подобных летающих машин. Нам не следует отставать от них. Целью моей лекции было рассказать вам о полёте. Надеюсь, я смог вас заинтересовать, уважаемые господа. В течение всего дня я буду находиться у вас в университете, общаясь с преподавателями. Вы можете подходить ко мне и задавать различные вопросы. На сим же я с вами прощаюсь. Спасибо за внимание, – закончил свою речь Можайский. – Любите небо, господа! Полетели птицы – полетим и мы.

Студенты встали и, проводив Александра Фёдоровича аплодисментами, стали собираться. Собрались и Александр с Колей и Ваней.

– Не знаю, как вам, – сказал Николай, – но мне лекция показалась скучной. Я наслушался о подъёмной силе и сопротивлении воздуха от Саши.

– Как ни странно, но мне было интересно послушать о том, что я и так знаю, – сказал Александр. – Кстати, Ваня, что за дело у тебя к Можайскому может быть?

Ваня пожал плечами.

– Ума не приложу. Александр Фёдорович является меценатом эскадрильи «Золотые крылья», куда настойчиво с моей помощью рвалась моя двоюродная сестричка.

– Какие же связи у тебя с эскадрилейей? – спросил Коля.

– Самые прямые. Мой отец очень дружен с Романом Ивановичем Корниловым – тамошним командиром. Я регулярно получаю от него самые различные новости, а с недавних пор командование эскадрильи занято набором новых воздухоплателей и инженеров.

После этих слов Александр осознал, что сейчас – самое время испытать удачу. Какое-то чувство гордости и бывшего соперничества всё ещё не давали ему сделать это, но чем дальше секунды уходили от сказанной Ваней Орловым фразы, тем меньше шансов, думалось юноше, оставалось у него.

– Ваня, раз уж тебя вызывают... – начал он, – не можешь ли ты замолвить за меня словечко?

– Хочешь в «Золотые крылья»? – улыбнулся Ваня. – Я ещё не знаю, зачем меня вызывают.

– Признайся, ты тоже просился туда. К тому же, тебя возь-

муг с большей охотой только лишь по праву рождения.

– Не надо здесь рассказывать эти сказки. В нашем современном обществе человека ценят не за происхождение, а за его достижения. Я скажу тебе так: если в нашей беседе речь зайдёт об эскадрилье, я упомяну тебя.

– Спасибо тебе большое, – склонил голову Александр, внешне оставаясь спокойным. В его сердце же поселилась то жгучее ожидание чего-то приятного и захватывающего, а вместе с этим, хоть ещё ничего не было решено, – и надежда.

– Эх, братцы, хотелось бы и мне вступить в ряды эскадрильи, – улыбаясь и поправляя волосы, молвил Николай, стоящий между ними.

– А тебе зачем? – спросил Ваня.

– Я же тоже хочу полететь... Или, по крайней мере, дать возможность полететь другим.

– Правильно мыслишь, Коля, – поддержал своего друга Александр. – Ваня, сможешь же ты и за него словечко замолвить?

– Я подумаю... По крайней мере, не могу отказать. Признаться честно, и мне бы хотелось видеть вас двоих под руководством Романа Ивановича.

– Мы будем тебе благодарны, – пожал ему руку Александр. – Что же, а сейчас, джентльмены, я отлучусь в библиотеку. Вынужден покинуть вас.

– До скорого, – попрощался Николай и пожал ему руку.

– Бывай, – ответил Ваня.

Свернув за угол, Александр пошёл в сторону университетской библиотеки, оставив Николая и Ваню наедине.

Вечером этого же дня Александр сидел в своей комнате, в свете настольной лампы чертя устройство авиационного двигателя. Вокруг было темно и тихо. Почти все его соседи либо задерживались на работе допоздна, либо проводили время в прогулках, либо наоборот – рано ложились спать. Глаза слипались и у Александра. Пообещав себе лечь спать сразу после того, как он дочертит начатый контур, юноша сжал в руках линейку с карандашом.

На лестничной клетке послышались шаги, которые направлялись к квартире Александра. Спустя мгновение он услышал стук в свою дверь.

– Кого же это могло занести ко мне в столь поздний час... – тихо бормотал он про себя, поднимаясь с места. Подойдя ко двери, он спросил громче, – Кто там?

– Свои, Саша, – послышался знакомый голос из-за двери.

Открыв, Александр увидел перед собой Колю, который держал в руках лист бумаги.

– Коля? Отчего так поздно?

– Ваня передать просил, – протянул Коля ему лист.

– Что это?

– Просьба... Приглашение. Да, скорее оно. Приглашение на беседу в администрацию университета.

Такое приглашение, как правило, не предвещало ничего

хорошего ни для кого из студентов, поэтому Александр поёжился и пристально всмотрелся сперва в лист, который не был ещё открыт, а потом в невозмутимое лицо своего друга.

– По какому вопросу? Неужто я что-то натворил? Или моя индифферентность по отношению к университетской футбольной команде вызвала недовольство? Я решительно не понимаю причин...

– А... Прошу прощения, брат. Тебя хочет видеть Александр Фёдорович.

– Он?! – лицо Александра стало ещё более напряжённым, хотя внутри него все эмоции развернулись в противоположную сторону.

– Ты не рад, что ль? – усмехаясь, спросил Николай. – Меня-то он визитом обделил. Значит, не замолвил Ваня за меня словечко...

– Когда приходите?

– Видимо, в приглашении и написано, – пожал плечами Коля.

– Спасибо, брат. Даю слово, что сделаю всё возможное, чтобы Александр Фёдорович взял тебя, – пожал ему руку Александр.

Николай в ответ лишь улыбнулся и, откланявшись, покинул квартиру своего товарища.

В назначенное время Александр вошёл в комнату ректора университета.

– Здравствуйте, Пётр Васильевич, – поздоровался он и склонил голову перед сидящим за столом Никитиным. – Добрый вечер, ваше превосходительство, – склонил он голову перед Можайским, который сидел чуть поодаль.

– Добрый вечер, господин Стефенссон, – ответил ректор. – Знакомьтесь, Александр Фёдорович, это – ваш тёзка, Александр Стефенссон.

Можайский внимательно всмотрелся в его лицо.

– Славно, именно вы мне и нужны, – проговорил он немного дрожащим голосом, прокашлявшись в конце. – Пётр Васильевич, не можете ли вы нас оставить с Александром наедине на некоторое время?

– Безусловно, – откланялся Никитин и, встав со своего места, вышел из своего кабинета.

– Славно, славно, – сказал Можайский, когда шаги ректора отдалились. – Прошу, садитесь на освобождённое место.

– Благодарю вас, – вновь склонил голову Александр и сел за место ректора. – Итак, ваше превосходительство, чем же я могу быть вам полезен, позвольте спросить?

– Отвечая буквально на ваш вопрос, решительно всем!

– Позвольте?..

– Я был удовлетворён вашими ответами на сегодняшней лекции. По ним сразу стало понятно, что вы – тот человек, который явно заинтересован в теме воздухоплавания. Надеюсь, я, как бывалый моряк и пожилой человек, прочитал вас правильно?

– Вы правы, ваше превосходительство. Ce sujet m'intéresse³.

– Славно! – удовлетворённо молвил Можайский. – Господин Стефенссон, так ведь?

– Так точно.

– Господин Стефенссон, насколько сильно вы заинтересованы в данной теме? – спросил Можайский и прищурил глаза, положив руки на стол и вперив взгляд в Александра.

Юноша всё понял по его взгляду. Конечно, старик Можайский обо всём знает. Знает не только о его проекте аэроплана, а и о его основных характеристиках. Он сейчас просто-напросто испытывает его, проверяя его способность представить своё изобретение. «Ему мог разболтать лишь Ваня. А Ване... Чёрт возьми. Либо Коля, либо Гладерика, – подумал Александр. – В любом случае... Либо сейчас – либо никогда более!». Сделав короткий вдох, юноша ответил:

– Ваше превосходительство, я настолько заинтересован в теме воздухоплавания, что у меня есть собственный проект летательного аппарата.

– Ça semble intéressant⁴, – сказал Можайский, не отводя взгляда от лица Александра. – И что же это за проект?

– К сожалению, я не был уведомлён о целях визита к вам, ваше превосходительство, посему подробные и точные чертежи лежат в университетской библиотеке. Я сделаю, если

³ Данная тема мне интересна (фр.)

⁴ Звучит интересно (фр.)

вы позволите, некоторые зарисовки на бумаге, а если вы пожелаете – я принесу основные чертежи.

– Если вам нужен лист для объяснения, можете взять один у Петра Васильевича. Карандаш также в вашем распоряжении. Я внимательно слушаю вас.

– Благодарю, – сказал Александр и, взяв лист бумаги с карандашом, нарисовал фюзеляж и два крыла. – Для начала – характеристики. Скажу сразу, что я не представляю точную её массу, поскольку не знаю точное количество деталей. Мотор будет установлен такой, что сможет разогнать машину до ста пятидесяти узлов. Её крыльевые поверхности позволят набрать ей высоту в три с половиной тысячи футов над уровнем моря. Летательный аппарат рассчитан на одного воздухоплователя при дополнительной полезной нагрузке и на двух при её отсутствии.

– Неужто ваша форма двухъярусного крыла поможет набрать такую высоту? – спросил удивлённый Можайский.

– Так точно. При наборе высоты и скорости растёт и сила у завихрений. Двухъярусная форма крыла будет в большей мере расщеплять набегающие вихри на мелкие, ничего толком не значащие. К тому же на такой большой скорости традиционная конструкция рискует просто развалиться. Моя модель гипотетически может выдержать и виражи.

– Вот как... – молвил Александр Фёдорович. – Что же, мне достаточно этого. Скажите, Александр, являетесь ли вы дворянином?

– Н-никак нет, ваше превосходительство, – проговорил явно растерянный таким неожиданным вопросом юноша.

– А кем будете?

– Из ремесленников.

– А ваши батюшка с матушкой откуда?

– Из северной провинции, из глухой деревни.

– Вот оно что... Славно, – молвил Можайский. – Должен отметить, господин Стефенссон, что вы и впрямь человек блестящего ума. Сказать по секрету, моя модель летательного аппарата смогла лишь оторваться от земли, но не пролетела и десятка метров, рухнув недалеко от места запуска. Я вижу, что, поработав над проектом в соответствующей обстановке, вы сможете достигнуть таких высот, каких не достиг ещё ни один инженер. Что же... Можете ли вы дать мне слово, что ваша машина достигнет такой высоты?

– Так точно, ваше превосходительство, – твёрдо ответил Александр, чувствуя, как жар окатывает его с головы до ног. – Мой аэроплан полетит, и полетит так высоко, что увидеть его станет возможно лишь птицам.

– Красиво говорите, мой друг. Вы прошли то испытание, что я вам – грешен! – приготовил. По правде говоря, ваш друг Иван Орлов мне рассказал о вашей разработке. Я сперва не поверил, решив, однако, вас расспросить подробнее. Вы же сами понимаете – такие высоты могут нам только сниться. Что же... Славно, господин Стефенссон! Теперь ваше пожелание, после чего мы можем считаться квитыми.

– Что вы... Я не вправе просить у вас что-либо, – смутился Александр.

– Я настаиваю, мой друг, – усмехнулся Можайский. – Надеюсь, служба в рядах эскадрильи «Золотые крылья» пройдёт для вас с пользой. Им требуются такие умы, как вы. Согласны ли вы с сегодняшнего дня состоять в ней? Ведь это, по словам Ивана Николаевича, кажется, было вашим волеизъявлением?

– Так точно, ваше превосходительство, – ответил Александр. Со стороны стало заметно, как загорелись его глаза. – Я согласен.

– Славно! И всё-таки ваше желание так и не было высказано.

Тут-то Александр и вспомнил о своём друге, который тоже изъявил желание вступить в ряды эскадрильи. К тому же, именно так он и представлял совершенный тандем: втроем – и никак иначе. Можайский уже доставал лист бумаги, как юноша сказал:

– Ваше превосходительство... Пожелание касается моего друга – Кирсанова Николая Андреевича. Если вам сие будет не в тягость – не сообразовали ли вы написать рекомендацию и на него? Он так же, как и мы с Ваней, достоин, по моему мнению, должности в рядах эскадрильи.

– Какие же у вашего друга превосходные стороны?

– Он понимает меня с полуслова и во всех моих задумках готов поддержать меня. Он живой и умный, ему по плечу

любые знания, которые он может поглощать так, как поглощает воду паровой двигатель.

– Что же, я не должен просить у вас иного. В ряды эскадрильи войдёт и ваш друг Николай Кирсанов.

– Благодарю вас, ваше превосходительство, – встал и склонил голову Александр.

– Ныне мы квиты, – усмехнулся Можайский. – Прошу обождать меня несколько минут, пока я буду писать рекомендательные письма. По окончании полугодового курса и сдачи по нему экзаменов вы будете направлены в Ш-бург для занятия инженерной работой.

– Вас понял, ваше превосходительство.

– Вашим наставником и куратором инженерного отделения назначен мой давний знакомый – Герр Фридрих Браун, ein bekannter Ingenieur in seiner Vaterland⁵. Командиром всей эскадрильи является Корнилов Роман Иванович. Будем надеяться, что в январе-феврале всё будет спокойно! Покамест учитесь, мой друг, получайте знания, работайте. Дерзайте, господин Стефенссон, – и полетите. Обязательно полетите!

– Благодарю вас, – сказал Александр.

Его сердце ликовало. То, к чему он так долго стремился, наконец, открылось ему. «Следующие полгода пролетят незаметно, – подумал Александр. – Господи, слава Тебе! Как всё неожиданно повернулось...». Он не мог дождаться, когда Можайский допишет письма. Ему казалось, что всё долж-

⁵ Известный на своей родине инженер (нем.)

но было происходить по одному лишь мановению – быстро и легко. Время шло своим привычным темпом, но Боже мой, какое оно, оказывается, медленное! Как долго водит перо Александра Фёдоровича по бумаге, выписывая слова вежливости и просьбы! Едва написав письма, Можайский поблагодарил юношу за визит, а тот, откланявшись, проследовал к выходу. Предстояло долгих шесть месяцев томления в застенках аудиторий, библиотеки и квартиры. Впрочем, как ощущал себя Александр, эти мелочи полностью заслуживают того, чтобы их перетерпеть. Выйдя из кабинета, он направился по длинному университетскому коридору ко дверям, ведущим на Университетскую улицу...

Глава 3. Знакомство.

Поезд равномерно выстукивал ритм своими колёсами. За окнами простирались заснеженные поля и хвойные леса. Несмотря на лютый мороз, в купе ощущалось приятное тепло. Александр сидел ближе к окну, всматриваясь в живописные пейзажи. Тишина между путниками нарушалась посапыванием Коли, который, спустя несколько толчков и покачиваний, опустил голову на плечо Стефенсону, чем не мог сконфузить того. Сидящий напротив них Ваня Орлов широко улыбнулся. До приезда в Ш-бург оставалось немногим более часа. Расписание сего пригородного поезда прекрасно совпадало с жизненным ритмом Александра, поэтому он не чувствовал себя уставшим. Близилось пять вечера.

– Вот уж не думал, – нарушил молчание Ваня, отвлѣкшийся от книги, – что окажусь вместе с вами в одном купе, господа.

– Я – тем более, – ответил Александр. – Не думал, что буду сотрудничать с тобой.

– Однако я не вижу ничего в том зазорного.

– А я, думаешь, вижу? Знаешь, Ваня, я бы хотел сохранить дружбу с тобой.

Орлов промолчал и вновь уставился в окно. За окном повалил крупными хлопьями снег. Начинаясь сумерки погружали местность в волшебную, чарующую атмосферу.

От осознания красоты пейзажа Александр почувствовал, как его окатило мурашками. Он бросил взгляд на купейный столик. На нём очень органично расположился свежий выпуск «Le Petit Journal⁶», принесённый проводником экземпляр «Коммерсанта⁷» и недопитая Колей кружка чая. «Как жаль, что эта поездка длится столь недолго, – отметил про себя Александр». Вскоре до приезда на станцию назначения оставалось немногим более двадцати минут. Коля, зевая и потягиваясь, проснулся и блаженно уставился в окно.

– Ты бы хоть волосы причесал, – отметил Александр.

– Отстань, ради Бога... – ответил заспанный Коля. – Ты не представляешь... Какое блаженство спать в поездах!

– Тем не менее, скоро мы прибудем, – сказал Ваня. – Причешись, на тебя смешно смотреть!

– Где-то был мой гребешок...

Пригородные деревеньки зажигали свои вечерние фонари, а на улице темнело всё более и более. Вскоре перед путешественниками загорелись первые огни Ш-бурга...

На город медленно спустился туман. Стелясь в десятках метров от поверхности, он напоминал некий потолок, что распластался над жилищами людей, укрывая их от грозных ударов старины Мороза. Синева неба становилась всё более

⁶ «Le Petit Journal» («Маленький журнал») – парижская ежедневная газета, выпускавшаяся с 1863 по 1944 год.

⁷ «Коммерсантъ» был основан в 1889 году.

тёмной, и чем дальше путники шли по улочкам Ш-бурга, тем явнее вступала в свои законные права ночь. Из ориентиров у трёх приятелей была лишь записка с адресом и телефоном, посему до цели они прошли по многим переулкам. Как назло, ни в одном из них не встретилось ни одного прохожего. Горящий в окнах свет и городские фонари всё яснее и яснее красили кружащиеся снежинки в жёлто-пламенный оттенок. Атмосфера приозёрного маленького городка была поистине чарующей. В Александре она вообще пробудила странное давнее чувство чего-то родного и тёплого его сердцу. Он то и дело жмурил глаза, представляя свои северные края. Ему показалось, что когда-то давно он гулял ровно в такую же погоду по улицам родного города. Так же падали снежинки, так же мгла накрывала небо, и так же рядом с ним были его тамошние приятели... Впрочем, открывая глаза, Александр так или иначе оказывался в незнакомом городе, с новыми друзьями и новыми целями. Путь, судя по записке, был практически полностью пройден – троица вышла на нужную улицу. Александр решил для себя, что сейчас не место и не время предаваться бесцельным мечтаниям, и вернулся в действительность.

– Хоть бы один пьяница попался! – посетовал Николай.

– Спокойствие! Мы на нужной улице. Итак, – взгляделся в темноте в записку Ваня, – дом 21.

– Оно уже где-то рядом... Где-то на той стороне улицы...

– пробормотал Коля и взгляделся в номерные таблички. – 17,

далее 19... Вот! Нашли!

Здание из тёмного кирпича, скудно оформленное в фасаде, располагалось на противоположной стороне улицы за двумя соснами.

– Хорошее обиталище для немца, – сострил по поводу внешнего вида дома Ваня.

– Отныне оно и наше обиталище, не забывай, – хмыкнул Александр.

Все трое прошли к тротуару по ту сторону и, подойдя ко дверям, тихонько постучали.

Вскоре дверь парадного отворилась. Перед ними стояла молодая девица лет семнадцати, стройной и нежной фигуры, невысокого роста, однако симпатичная на вид, одетая в простенькое серенькое платьице, с длинными, завязанными в толстый хвост, волосами, большими серо-голубыми добрыми глазами, маленьким аккуратным носиком и приветливой улыбкой. Ожидая увидеть на пороге старого немца, юноши несколько опешили. Девица вошла в их положение:

– Доброго вечера, уважаемые судари, – поприветствовала она трёх путников, отвесив реверанс. – Чем наш дом может быть полезен вам?

– Здравия желаем, милая сударыня, – склонил голову и снял шапку Ваня. – Мы пришли к господину Фридриху Брауну, рекомендованные его превосходительством Александром Фёдоровичем Можайским. Я – Иван Орлов.

– Я – Николай Кирсанов.

– Александр Стефенссон, та’ат.

– Господин Браун о вас говорил! Очень приятно, – ответила, не сводя улыбку с лица, девица. – Проходите, дорогие судари, прошу – раздевайтесь.

Уже в сенях, когда трое юношей стягивали с себя предметы верхней одежды – шинели, шапки, шарфы и перчатки, – она представилась:

– Моё имя – Глафира Полякова. В эскадрилье «Золотые крылья» я – медсестра. Проходите, судари, не стесняйтесь. Я прикажу подать вам чай.

– Нам очень приятно, милая сударыня, – ответил с поклоном Николай. – Позвольте узнать – можем ли вы увидеть господина Брауна?

– Безусловно. Господин Браун изволил отдохнуть, однако, думаю, ради вас он пренебрежёт своим распорядком. Прошу обождать, любезные судари – покамест проходите направо, – ответила Глафира и отвесила ещё один реверанс.

– Покорнейше благодарим вас, – склонил голову Ваня и, приоткрыв лёгкую тёмную дверь, прошёл в коридор, помавив жестом своих друзей.

– Вот и славно, – сказала девица. – Оля, Олечка! – обратилась она ко служанке, —Принеси чаю трём молодым сударям.

Александр, Ваня и Коля прошли в обеденную комнату, которая представляла из себя не самый просторный, однако уютный зал с массивным дубовым столом посередине и

несколькими стульями. На подоконниках стояли вазы с орхидеями, а на полу был постелен довольно старый ворсовый ковёр. Александр уже было отодвинул стул и собирался сесть, однако Коля жестом остановил его.

– Изволь, – удивлённо и немного возмущённо сказал Александр.

– Не положено садиться без спросу, – поучительным тоном ответил Коля. – Подожди, пока нам укажут свои места.

– Здесь всего четыре стула!

– Коля верно подметил, – поддержал друга Ваня Орлов. – Сперва осмотришься, привыкни к помещению.

Александр пожал плечами и, придвинув стул, скрестил руки на груди, став рассматривать убранство зала. На деле ничего примечательного в нём не было – узоры на поверхности стола и то были интереснее, складываясь в воображении юноши в различные картинные сюжеты. Так долго он простоять не мог, в отличие от своих приятелей-дворян. Спас его скрип половиц, после которого в зал вошёл мужчина лет сорока, плотного телосложения, одетый в скромную английскую жилетку с белой рубашкой под ней. На его чуть нахмуренном лице росли умеренных размеров борода и усы, а на голубых глазах были небольшие позолоченные пенсне. Зайдя в зал, он всмотрелся в лица юношей.

– Good evening, gentlemen⁸, – поприветствовал их на чистом английском мужчина и поклонился.

⁸ *Добрый вечер, джентльмены (англ.)*

– Good evening, sir⁹, – ответил Александр. – Просим прощения за столь внезапное вторжение.

– Oh, that's nothing, we waited for you, young gentlemen¹⁰.
Вы же тые engineers¹¹, о которых говорил mr. Brown?

– You're right, mister¹²... – запнулся Александр.

– Doctor Larsen, Johannes Larsen¹³. – представился мужчина.

– Приятно познакомиться, Dr. Larsen, – улыбнулся юноша. Моё имя – Александр Стефенссон.

– Glad to meet you, Mr. Stephenson¹⁴!

– Иван Орлов.

– А я – Николай Кирсанов.

– Будем знакомы, юные господа! Прошу – садитесь.

Юноши поклонились и аккуратно заняли свои места. Тем временем вошла служанка и, накрыв на стол, принесла чай.

– Благодарю вас, – сказал ей Александр. Служанка, удивлённо взглянув на него, наспех поклонилась и поспешила покинуть зал. Тем же недоумевающим взглядом уставились на него и Коля с Ваней.

– Саша, ты чего? – усмехнулся Коля.

⁹ *Добрый вечер, сэра (англ.)*

¹⁰ *О, это ничего, мы ждали вас, юные джентльмены (англ.)*

¹¹ *Инженеры (англ.)*

¹² *Вы правы, господин (англ.)*

¹³ *Доктор Ларсен, Йоханнес Ларсен (англ.)*

¹⁴ *Рад знакомству, мистер Стефенссон (англ.)*

– Извольте, что на этот раз я сделал не так? – вздохнув, спросил Александр. – Или, по-вашему, служанка – не человек?

– Человек, конечно, кто же спорит... – молвил Ваня. – Она же даже этого не оценила! Посмотрела на тебя, как на сумасшедшего – и удалилась. Оттого мы и не благодарим прислугу.

– Я уверен, что она просто оторопела от того, что кто-то сказал ей спасибо. Вы боитесь самовольно занять место за столом, однако не благодарите тех, кто вас обслуживает, – усмехнулся Александр. – Только сейчас, прожив с вами этот день, я заметил, какие вы странные...

Ваня хмыкнул. Он никак не был зол на своего друга. Скорее уж, он поступил как истинный дворянин – в душе своей отнёсся со снисходительностью к его малому невежеству. Взглянув на Колю, Ваня прочитал в его выражении лица то же самое. Улыбнувшись друг другу, они принялись за чаепитие.

Вскоре дверь в зал вновь отворилась, и к гостям зашёл мужчина такого же возраста и телосложения, как доктор Ларсен, однако под носом у него красовались большие, пышные, завитые на кончиках усы, с чёрными волосами и морщинистым лицом. Из-за его спины выглянула Глафира.

– Guten abend, herr Stephensson, Orlow und Kirsanow¹⁵, – поприветствовал их по-немецки мужчина.

¹⁵ *Добрый вечер, господин Стеффенссон, Орлов и Кирсанов (нем.)*

Все трое сразу же узнали в нём Герра Брауна.

– Guten abend, herr Braun¹⁶, – ответил с поклоном Николай.

– Как доехали? – спросил Браун.

– Превосходно, – ответил кратко Александр.

– Удобно ли вам была поездка?

– Вполне удобна, – кивнул Иван.

– Неплохо! Что же, с Йоханнес Ларсен вы знаком, так?

– Так точно.

– Время представить наш полный команда! – объявил Браун. – Глафира, позови всех со второй этаж.

Девушка кивнула и убежала по ступенькам вверх.

– Сколько вас проживает в одном доме? – задал вопрос Иван.

– Шесть человек со служанка.

– Кто же?

– Я, – начал перечислять Герр, – Роман Иванович, доктор Ларсен, Сергей Одинцов, Глафира Полякова и служанка Ольга.

Вскоре на пороге зала возникло два лица: первый был человек пожилого возраста, низкого роста, одетый в домашний халат, с короткими чёрными волосами с залысиной, пышными усами и бакенбардами. Рядом с ним стоял молодой юноша – практически ровесник трёх друзей, стройный, одетый в белую морскую офицерскую форму. Лицо было гладко вы-

¹⁶ *Добрый вечер, господин Браун (нем.)*

бритым, а большие голубые глаза всегда были чуть прищурены, отчего взгляд его казался недоверчивым и строгим.

– Я как раз собирался отойти ко сну... Глашенька, отчего это ты меня не позвала сразу? – спросил сонный пожилой мужчина. – Юные господа, позвольте представиться – Роман Иванович Корнилов.

– Очень приятно, Роман Иванович, – ответили юноши.

– Я – Сергей Дмитриевич Одинцов. Приятно познакомиться, – поклонился стоящий рядом молодой человек.

Трое юношей также склонили головы. Церемония приветствия была закончена. Служанка по указанию Глаши принесла ещё несколько стульев, и вскоре все жильцы сидели за одним столом и ждали чая. Первым взял слово Роман Иванович:

– Итак, дамы и господа, трое талантливых, молодых и перспективных инженеров наконец прибыли в штаб-квартиру эскадрильи «Золотые крылья» и отныне являются её полноценными членами, готовые выполнять свои обязанности. Каждый из нас здесь занимается своей важной работой. К середине весны будет завершено строительство полноценного аэродрома, где будут проходить подготовку наши будущие воздухоплаватели. Эта эскадрилья формировалась большой командой энтузиастов, меценатов и мечтателей, дабы в один прекрасный день покорить небо. На протяжении долгих лет вёлся набор кандидатов и создавался командирский состав. В конце прошлого года Александр Фёдорович назначил меня

на должность командира эскадрильи, Герра Фридриха Брауна – на должность главного инженера. Здесь поясню, господа, что инженерный отдел не связан напрямую с лётным, поэтому командир и распорядок дня у вас будет разным. В задачи инженерного отдела входят разработка летательных аппаратов для будущих воздухоплателей. Медицинский отдел возглавляет доктор Йоханнес Ларсен, а его помощницей назначена медсестра Глафира Полякова.

Присутствующие слушали его речь, не забывая о чае.

– На должность инженера уже был поставлен Сергей Дмитриевич Одинцов – ваш ровесник, офицер флота, умный и сообразительный малый. Я уверен, вы обязательно поладите с ним. Вверяю вас, господа, во владение Фридриху Брауну, – усмехнулся Роман Иванович. – Я очень надеюсь на то, что вы будете дисциплинированными и ответственными подчинёнными.

Слушающий речь Герр Браун удовлетворённо кивнул.

– Далее, – прокашлявшись, продолжил командир. – Каждому из членов эскадрильи мы даём позывные. Это – наш рабочий язык. Весь радиообмен происходит с заменой наших настоящих имён на позывные. Они могут быть связаны с цветами, но могут быть и другого толка – главное, чтобы звучали они красиво и ёмко. К примеру, мой позывной – «Орлан». Дамы и господа, назовите, пожалуйста, собственные позывные.

– «Данделион», – сказал Одинцов.

– «Целандин», – ответил доктор Ларсен.

– «Ромашка», – промурлыкала Глаша.

– Прелестное дитя, – умилился Роман Иванович.

Фридрих Браун промолчал.

– У господина Брауна нет позывного по его желанию. Выберите и вы, господа! На выбор есть «Эдельвейс», «Мэйфлауэр» и «Гиацинт».

Ваня Орлов поморщился.

– Думаю, что отказываюсь.

– Вот как... Вы отказываетесь от выбора, Иван Николаевич?

– Раз вы отказались от выбора, стоит мне самому назначить вам ваш позывной. Думаю, «Лютик» отлично подойдёт. И не смейте спорить!

Александр многозначительно переглянулся с Николаем. Оба они улыбнулись.

– «Лютик», «Лютик», как мило! – пропищала Глаша. – Иван Николаевич, вам очень идёт!

– Благодарю вас, – процедил сквозь зубы Ваня.

Роман Иванович усмехнулся и продолжил:

– Ну а вы, господа? Уже выбрали?

– Пожалуй, «Эдельвейс» мне нравится больше всего, – ответил Александр.

– А мне «Мэйфлауэр», – сказал Коля.

– Превосходно! Я запишу и запомню ваши предпочтения, – кивнул Роман Иванович. – Что же, а на этом наше ве-

чернее собрание можно считать законченным. С завтрашнего дня, уважаемые господа, вы можете, будучи уже в полном составе, приниматься за работу. Цели и распорядок дня вам составит Герр Браун.

– О, распорядок готов, – сказал Браун.

– Прекрасно! На сим я желаю вам хорошенько отдохнуть перед завтрашним рабочим днём. Доктор Ларсен, Глашенька, какие у вас на завтра планы?

– Ми проведем наших patients в городье, – ответил Йоханнес. – Работы много, но ми справьимся.

– Да, – улыбнулась Глаша. – Спокойной вам ночи!

– Спокойной ночи! Пора и вам на покой, господа. Ваши комнаты – направо по коридору на втором этаже. Постель подготовлена.

– Спасибо вам большое.

– На сим спокойной ночи.

– Спокойной ночи!

Друзья прошли в свои комнаты, не отличающиеся особым изыском, однако крайне уютные, и вскоре уже лежали на новых мягких кроватях, обдумывая события минувшего дня.

Глава 4. Лучшие из лучших.

С момента прибытия Александра и его друзей в Ш-бург прошло уже больше четырёх месяцев. Перед юными инженерами Романом Ивановичем была поставлена задача: разработать модели тренировочных аэропланов для каждого из членов испытательного отделения эскадрильи «Золотые крылья». И хотя первые чертежи и эскизы появились уже спустя две недели работы, предстояло ещё претворить задумки в жизнь. На протяжении этих четырёх месяцев Александр, Коля, Ваня и Серёжа трудились не покладая рук. По ходу дела между юношами вскрывались многие нюансы: непонимание, противоречия и упрямство. Спорили между собой в основном Александр и Ваня, упрекая друг друга в глупости и неуместной настойчивости. Коля же с Серёжей старались быть между ними посредниками и примирителями, искали различные компромиссы и точки соприкосновения, говоря дипломатическим языком. Словом, мало-помалу, но дело шло.

Начались майские дни после Пасхи. От зимы не осталось и следа, жители города сменили плотные шубы на летние платья, солнце припекало с каждым днём всё больше и больше, а небо становилось всё разнообразнее и разнообразнее; облака перестали стелиться единым угрюмым покрывалом, начав играть в синеве небесной глади в причудливую панто-

миму: одни были похожи на прекрасные замки, другие – на пушистых крольчат, третьи вообще походили на всевозможную технику.

Эту дивную игру образов наблюдала Гладерика, едучи вместе с группой из двенадцати своих ровесников в автомобильном кортеже. Уже более пятнадцати минут они держали путь вдоль Л-жского озера, трясаясь по ямистым грунтовыми дорогам. Её взору открывался сосновый лес, высокой стеной отгораживая водную гладь от глади засеянных пшеницей полей. И всё же вода чувствовалась: казалось, стоит отделиться от основной автомобильной колонны, поплутать среди хвойных исполинов – и вот перед тобою раскинутся бескрайние просторы другой – загадочной – стихии. Стихия эта не была морской: солнце не играло солнечными зайчиками на тёмных волнах, как это было в столице; озеро неминуемо затягивало, жадно глотало, словно жаждущий воды в пустыне, в свою пучину ласковые лучики. Было в ней что-то волшебно-манящее. Что-то, что девушка никак не могла уловить, ибо автомобили ехали чересчур быстро...

Спустя некоторое время кортеж остановился перед воротами. Дневальный в будке, проверив документы у водителей, поспешил их пропустить. Автомобили выехали на ровную выкошенную площадку. Справа в несколько рядов располагались палатки. Повсюду стояли флагштоки с флагерами и различные ящики. Туда-сюда сновали мужики, таская коробки и устанавливая деревянные столбы. Слева Гладери-

ка заметила огромные металлические помещения в форме половинок цилиндра. Всё казалось новейшим и выглядело очень привлекательно. Автомобильная колонна повернула направо, и, остановившись возле палатки, которая выделялась среди остальных размером и расцветкой, водители принялись открывать двери приехавшим людям. На площадку перед рядами палаток высыпали юноши. Их примеру последовала и Гладерика, встав чуть поодаль остальных. Девушка толком и не смогла разглядеть их лица: на пункте сбора было темно, да и суетились все. Зато бросить на неё взгляд, кажется, успел каждый из этой большой компании: Гладерика постоянно ощущала на себе несколько смотрящих на неё с интересом пар глаз. Однако никто не спешил подходить к ней первым. Девушка решила оценить, пусть хотя бы на первый взгляд, прибывших парней. Больше всех выделялся высокий смуглый юноша, разговаривая громче всех. Гладерика отметила его эмоциональность, обратив внимание на слушающих его. Вот спорит с ним бледный, каштанового цвета волос, паренёк. «Какой он забавный, – улыбнулась девушка». Однако сразу же её взор упал на юношу, который не спешил тесниться с товарищами. Он так же стоял чуть поодаль, с интересом и взором учёного наблюдая не за происходящим спором, а за движением облаков на небе. Золотые растрёпанные волосы, уверенная стать и такое флегматичное выражение... Гладерика ненароком засмотрелась на него.

Вскоре к ним подошёл молодой человек лет девятнадца-

ти, высокий и статный, в белоснежной офицерской форме, со строгим и высокомерным выражением глаз. Рядом с ним шли Роман Иванович, доктор Ларсен и Глаша. Первым делом они подошли ко Гладерике, которая, завидев их приближение, поспешила отвесить реверанс и улыбнуться.

– Здравия желаю, милостивая сударыня, – поклонился Роман Иванович. – Позвольте представиться, я – Роман Иванович Корнилов, командир эскадрильи. Рад, что вы попали к нам.

– Здравия желаю, Роман Иванович, – улыбнулась Гладерика. – Я безмерно благодарна вашему превосходительству за оказанную мне честь!

– Что вы, не стоит, право же...

– Нет-нет-нет! Уж поверьте: если бы не вы – так и томилась бы я доселе в институте. Впрочем... Прошу прощения, – склонила голову девушка, – что отнимаю ваше драгоценное время.

– Вы не должны извиняться, милостивая сударыня! Времени у нас сегодня целый день. Однако я всё же вынужден покинуть ваше прекрасное общество ради знакомства с остальными юношами. Мы обязательно с вами поговорим на личных аудиенциях, если нам, конечно же, выпадет такая возможность, – сказал Роман Иванович, сняв фуражку и поклонившись.

– Я буду рада провести с вами время, – ответила Гладерика и поклонилась.

Натянув фуражку, Роман Иванович неспешным шагом прошёл к юноше в офицерской форме, Ларсену и Глаше. Гладерике последняя была незнакома, отчего обратила внимание она на неё только тогда, когда Роман Иванович подошёл к ним. В данных обстоятельствах стоящая в окружении мужчин девица произвела на неё удивление. В то же время Гладерика ощутила себя более защищённой и не такой одинокой. «Это первая девушка, которую я встретила с момента отъезда из города, – отметила про себя она. – Надо бы с ней поговорить... Какое у неё милое личико!».

Гладерика невольно засмотрелась на неё. Девушка заметила это, и на мгновение они встретились взглядами. Затем Гладерика увидела, как она сказала что-то сопровождавшему её мужчине. Взяв в руки подола своего платица, девушка мелкими сбивчивыми шажочками подбежала к ней.

– Прошу меня простить, сударыня, – отвесила она реверанс. – Вы же здесь единственная сударыня! Сударыням в таком положении стоит держаться вместе, не находите?

Её высокий чистый голосок умилял с первых нот. Чуть покраснев, Гладерика с реверансом ответила:

– Сперва – здравствуй, – улыбнулась девушка. – Как твоё имя, милая?

– Ой!.. – смутилась и опустила взгляд собеседница. – Я Глаша... Глафира. Глафира Полякова.

– Глашенька... Какое чудесное имя! Меня зовут почти так же: Гладерика Дельштейн-Орлова.

– Какое необычное имя!.. – пропищала Глаша. – Гла-де-ри-ка...

– Почти тёзки, правда? Ты меня не бойся, милая. Нам лучше держаться вместе, ты права, – засмеялась Гладерика. – Если что – я всегда к твоим услугам.

– Благодарю вас, сударыня, – поклонилась девушка.

– Давай между нами обойдёмся без ненужных формальностей? – улыбнулась Гладерика. – Если величать друг друга на «ты», жить станет чуточку проще.

– Да, да! Я так же думаю, – сказала Глаша. – Так вас... тебя можно звать на «ты»?

– Конечно.

– Милая, красивая Гладерика, – покраснела и расплылась в улыбке девица. – Ах да... Я же так и не представилась полностью. В этой эскадрилье я буду медсестрой. Это благодаря доктору Ларсену. Вот он, там, взгляни, – указала Глаша на бородатого мужчину в английской жилетке. – Он – главный врач. Вместе мы будем следить за вашими показателями здоровья и физической подготовкой, а также, в случае чего – лечить вас.

– Какой статный мужчина, – отметила шёпотом Гладерика, посмотрев на доктора. – Скажи, а кто стоит слева от него в офицерской форме?

– Это Гриша Добров, заместитель Романа Ивановича. Строгий до ужаса, – прошипела Глаша, – однако тренирует отлично, судя по характеристике. Надеюсь, вы поладите.

– Понятно...

Описанный Глашей Гриша Добров всё время их разговора копался в выданных ему листах бумаги, попутно делая в них какие-то записи. Из этого Гладерика сделала вывод, что он достаточно ответственен и педантичен; в противном случае он бы уже давно разговаривал со своими сверстниками.

– Miss Полякова! – вдруг воскликнул доктор Ларсен.

– Ой, прости, пожалуйста... У меня дела, нужно прямо сейчас бежать, – засуетилась Глаша. – Скажи: мы же поговорим?

– Обязательно, – улыбнулась Гладерика.

– Как здорово! Тогда до скорой встречи, милая сударыня! – спешно поклонилась девица и, подобрав полы платяца, поспешила к доктору.

– Храни тебя Бог, – склонила голову Гладерика. Повернувшись в сторону леса, она было принялась изучать окружающий пейзаж, однако резкий окрик заставил её встрепенуться и повернуться к толпе.

– В одну шеренгу – становись! – крикнул Гриша.

Все засуетились, кладя вещи на землю и становясь в линию перед командиром. Первый раз шеренга вышла невпопад: все просто заняли свободные места.

– Налево равняйся! Смирно! Проверка личного состава!

С этими словами Гриша всмотрелся в листы.

– Адлерберг!

– Я!

- Дашков!
- Я!
- Дельштейн-Орлова!
- Я! – отозвалась Гладерика.
- Друцкий!
- Я!
- Живов!
- Я!
- Лазарев!
- Я!
- Левашов!
- Я!
- Норов!
- Я!
- Одинцов!
- Я!
- Смирнов!
- Я!
- Храбров!
- Я!
- Шереметев!
- Я!

Ещё раз всмотревшись в листок и окинув взглядом шеренгу, Гриша отдал адъютанту документы, а сам, сложив руки за спину и начав бродить перед шеренгой, продолжил:

– Итак... Короткая речь по требованию Романа Ивановича-

ча. Все вы здесь собрались для одной лишь цели: научиться летать. Навыками управления аэропланом здесь овладеет каждый из вас. Я ненамного старше: можно сказать, я ваш ровесник, – вдруг остановился он перед юношей, который недавно откликнулся на фамилию Друцкий. Посмотрев пристально ему в глаза с тенью подозрительности и недоверия, Гриша продолжил, – поэтому я буду понимать ваши желания и потребности. Что касается поблажек и слов утешения, то вы можете их услышать от кого угодно, – от доктора Ларсена, от Глаши, Романа Ивановича, – но точно не от меня. Я, в силу своего положения, отнесусь к вам со всей требуемой строгостью. Убедительно прошу вас не относиться ко мне как ко своему другу или товарищу. Подобные намерения будут восприняты мною как инсинуации, чем вы оскорбите мою офицерскую честь.

Когда Гриша Добров закончил говорить, к нему незаметно подошёл Роман Иванович. Хлопнув юношу по плечу, отчего тот вздрогнул, командир эскадрильи со свойственной ему добродушной улыбкой сказал:

– Полно тебе их пугать! Эдак они из палаток завтра не вылезут. Господа... И дамы, – поправил самого себя Роман Иванович, взглянув на Гладерiku, – позвольте представить вам Гришу Доброва – моего любимого племянника. Его ответственность и педантичность всем нам очень помогут: этот малый знает своё дело и не допустит ни малейшего промаха. А теперь можно сказать и по делу: вас ожидают месяцы под-

готовки к первому испытательному полёту аэроплана совершенно новой конструкции. Ваш ровесник, студент столичного университета Александр Стефенссон, разработал проект такой механической птички, которая мне и во снах не могла прийти в голову. Поражённым данным изобретением был не только я, но и Александр Фёдорович Можайский – наш верный покровитель и великий человек. Именно поэтому вы – лучшие из лучших – и собрались сегодня здесь, в нескольких вёрстах от Ш-бурга, чтобы через несколько месяцев показать, на что вы способны. Мы верим в вас и желаем, чтобы ваши мечты обязательно сбылись. Впрочем, летать научатся здесь все из вас. Гриша, что у нас ещё не сказано?

– Позвольте взглянуть, – посмотрел Гриша в бумаги, – Хм... Новобранцам положено раздать позывные.

– Точно! Итак, дамы и господа, каждый из нас в эскадрилье носит свой позывной. Это сделано не только для ощущения престижа, но и для краткого обозначения нас во время различных испытаний. Я ношу позывной «Орлан», Гриша – «Гладиолус», доктор Ларсен – «Целандин», Глашенька у нас «Ромашка», ну а теперь, друзья мои, ваш черёд. Выберите, пожалуйста, один из предложенных на бумаге позывных. Возле того позывного, который вы выбрали, поставьте свою подпись. Гриша, передай им бумагу и карандаш.

Гладерика стояла предпоследней в шеренге, отчего ей отвелось всего два доступных варианта: «Кортес» и «Аурус». «Негусто, – подумала Гладерика и подписалась под вторым

вариантом».

– Нечего делать, – усмехнулся стоящий справа от неё паренёк.

Девушка посмотрела на него глазами, полными шутиливо-го сочувствия и отчаяния.

– Закончили? – спросил Роман Иванович.

– Так точно, – ответил Гриша и, забрав у новоявленного «Кортеса» лист бумаги с карандашом, встал рядом с командиром эскадрильи.

– Запомните свои позывные. Отныне они ваши полноценные вторые имена, по которым к вам будут обращаться на тренировках и испытаниях. Будет очень неловко, если кто-то из вас забудет собственное же имя, не правда ли? – улыбнулся командир. – А теперь давайте закончим наше приветственное слово троекратным «ура» Александру Фёдоровичу, – прервавшись на секунду и набрав в лёгкие воздуха, Роман Иванович пробежался глазами по каждому из новобранцев. – Нашему покровителю Александру Фёдоровичу...

– Ура! Ура! Ура-а-а! – воскликнули двенадцать кандидатов; так, что эхо от них отразилось от окружавшего аэродром с одной стороны леса.

– Добро, братцы. Теперь можно и расположиться, – широко улыбнулся Роман Иванович. – Жить будете в палатках, а об основных нюансах вам доложит Гриша на вечернем построении. Вольно разойтись!

– Вольно! – повторил команду Гриша, снова смотря в бу-

маги. – Сейчас я вам назову номера ваших палаток. Жить будете в парах по фамилиям, за исключением Дельштейн-Орловой, – сказал юноша, посмотрев на неё. – Палатка номер 1: Адлерберг и Дашков. Палатка номер 2: Друцкий и Живов. Дельштейн-Орлова, ты в палатке с Глашей.

– Так точно, – ответила Гладерика.

Когда распределение по палаткам было закончено, и Гриша скомандовал «разойтись!», Гладерика поспешила ко своей новой знакомой. Идя по территории аэродрома, девушка отмечала про себя его планировку. В нём имелись техническая территория, жилая зона, радиотехническая зона и тренировочный лагерь. На окраине жилой зоны, практически у лесной опушки, располагалась небольшая тёмно-зелёная палатка с ярко-красным крестом. Вокруг росло множество цветов, среди которых был поставлен стол с лавками. Подойдя поближе, Гладерика увидела, что Глаша, нацепив себе на голову белую шляпку, мирно спала, прильнув к ножке стола. Это прекрасное, милое, такое нежное создание, казалось, было рождено одним из цветков, что распустились на полянке. Гладерика невольно залюбовалась этой картиной: лежащая среди цветов милая девица, а солнышко, светя сквозь пробелы в хвое, оставляло на её простеньком платыице причудливые продолговатые следы.

Гладерика взглянула на стол. Прямо на краю лежала раскрытая тетрадь, в которой, помимо различных формул, рецептов и конспектов, на полях были выведены пушистые ко-

тята, сердечки и цветы. Девушка присмотрелась: в правом верхнем углу красивым курсивом по-французски, по-немецки и по-английски было написано «любовь». Гладерика почувствовала, как от увиденного у неё затрепетало сердце. «Какая же она всё-таки милая, – подумала про себя девушка. – Просто невозможно быть такой лапушкой!». У Гладерики возникло жгучее желание взять на руки Глашу и затискать её. Она уже было наклонилась, как вдруг услышала, как её уста что-то нашёптывают. Это были слова, сказанные по-английски. Девушка прислонила ухо прямо к её губам и прислушалась:

– This is the hydrogen peroxide... And this is the iodium...¹⁷

После этих слов Гладерика едва слышно прыснула со смеху. Чуткая Глаша услышала это и, приоткрыв один глаз, внезапно вскочила, попутно стукнувшись о стол головой. Гладерика тотчас отпрянула.

– Ай! Кто здесь? – испуганно пропищала она, уставившись прищуренными от дневного света глазами в Гладерика, и ухватилась руками за ушибленное место.

– Прости, пожалуйста, что разбудила тебя. Ты так мило спала! Не ушиблась?

– Гладерика? Это вы? – зевая и потирая ушибленную макушку, спросила девица.

– Да, это я. Меня к тебе поселили. Будем вместе жить, – улыбнулась она.

¹⁷ Это перекись водорода... А это йод... (англ.)

– Погодите... Это как? Значит я... Значит я буду жить с вами, милой сударыней, в одной палатке?! – спросила изумлённо Глашенька.

– Да, ты права. Ты же покажешь мне здешний быт?

– Обязательно покажу! И на озеро сходим искупаться.

Здесь у нас с доктором Ларсеном весело!

– Я рада, – рассмеялась Гладерика. – Скажи, милая, ты живёшь в этой палатке с красным крестом?

– Да, конечно, – улыбнулась Глаша. – А мне жить-то больше и негде. Доктор спит в штабной палатке, а я... На самом деле, без тебя мне было бы до ужаса скучно.

– Вдвоём мы не пропадём и не заскучаем. Ты разрешишь войти?

– Конечно, конечно! Милая Гладерика, почувствуй себя как дома! – воскликнула Глаша и, приоткрыв занавес палатки, пригласила жестом девушку.

– Спасибо тебе за твою доброту, – сердечно молвила Гладерика и, пройдя в палатку, поставила мешок с вещами на небольшой столик.

С того момента и началась у Гладерики новая, полная испытаний и трудностей, но такая интересная жизнь. Родной дом практически ничего для неё уже не значил. Вечером всем должно было явиться на построение, где им объявят о распорядке дня и тренировках. А покамест девушка могла спокойно расположиться на кровати и погрузиться в размышления, всё дальше и дальше уносящие её в чертоги Мор-

фея...

Глава 5. Прыжок.

С момента прибытия на аэродром прошла неделя. За это время Гладерика и одиннадцать юношей начали привыкать к здешнему распорядку. Они учили «Лётный устав», написанный Можайским и Романом Ивановичем, технику безопасности, устройство аэропланов, основы навигации и метеорологии, а утром и вечером тренировали свои физические навыки, бегая, отжимаясь, подтягиваясь и прыгая в длину. Гладерика с первых же дней показала большой интерес и энтузиазм и хорошо справлялась как с физической, так и с интеллектуальной нагрузкой. Сложные и загруженные дни разобщили кандидатов. Между собой юноши почти не общались, а девушка и вовсе предпочитала проводить всё своё свободное время с Глашей. Их дружба, наоборот, всё крепчала и крепчала с каждым прожитым вместе днём.

Наконец, настал день перед испытанием. На одном из вечерних построений Гриша Добров объявил о его начале:

– Чтобы на первом же испытании определить, кто из вас достоин, а кто просто разобьётся, мы начнём с прыжков с парашютом. На самом деле, – чуть ухмыльнулся Гриша, – можете воспринимать это как безобидную шутку. Так захотел Роман Иванович, и в этом я с ним не согласен, поскольку вы ещё ничего не знаете. Тем не менее: завтра подъём в шесть утра, пробежка и гимнастика. Затем вам выдадут комплект

лётной формы. Получение в штабе в девять утра. Завтрака не будет, чтобы не убить ваши желудки. Потом для всех желающих будет более плотный обед, нежели в обычное время. Всем всё ясно?

Так на следующий день Гладерика вместе с товарищами оказалась на западной окраине аэродрома, где на небольшом пригорке располагалась вышка. При ближайшем рассмотрении она казалась исполински высокой. Гладерике искренне казалось, что такая тонкая и длинная конструкция просто не может удержаться вертикально, ибо её кажется возможным сдуть малейшим порывом ветра. Девушка стояла в синем уставном полётном костюме, состоящем из цельного комбинезона со множеством петелек и карабинов, синих перчаток и коричневых кожаных сапог с застёжкой-молнией сзади, а также с увесистым рюкзаком за плечами. На лоб себе она надела авиационные очки, полученные в том же штабе. В таком образе отважной испытательницы она то и дело ловила на себе пристальные взгляды стоящих рядом юношей. Вместе с остальными воздухоплавателями Гладерика приступила к разминке перед прыжком. За ними всеми внимательно наблюдал юный подполковник Гриша Добров с медицинским патрулём во главе с доктором Ларсеном.

– Ох! – воскликнула девушка. Молния сзади правого сапога полностью сползла вниз, обнажив её щиколотку с белым носочком. – Глашенька, милая!

Глаша тотчас подбежала к подруге.

– Не могла бы ты мне застегнуть молнию? Ох, ну что за напасть?.. Попрошу Романа Ивановича заказать новую пару...

– Конечно, – спохватилась девица и, присев к ногам Гладерики, быстрым движением застегнула непослушный ботинок. – Бога ради, будь аккуратнее! – воскликнула Глаша и, встав, обняла девушку.

– Ну-ну, милая, – обняла её в ответ Гладерика. – Это мелочь, обычная тренировка. А представь на мгновение, если мне придётся падать с огромной высоты, и я не смогу ни сгруппироваться, ни парашют раскрыть.

Бедная Глаша усердно начала представлять, как Гладерика камнем падает с облака. От страха девушка вскрикнула и закрыла лицо руками.

– Вообразить страшно...

– Именно поэтому я и выполняю тренировочный прыжок.

Глашенька улыбнулась и, увидев на себе строгий взгляд Гриши Доброва, отбежала к медицинской палатке. Подполковник, тем временем, обратился ко Гладерике:

– «Аурус», запомнила порядок действий?

– Так точно.

– Повтори.

– Действие первое: рапорт на фонограф и радио при чрезвычайной ситуации, – начала Гладерика.

– Верно, – ответил Гриша. – Каким образом должен быть составлен рапорт?

– «Роман Иванович, «Гладиолус», это «Аурус». На борту

ЧС. Далее – описание ситуации, например «помпаж двигателя» или «деформация правого или левого крыла». Подготовка к эвакуации».

– Верно. Каким образом происходит эвакуация из «Идиллии»?

– Шаг первый: отстёгивание ремней безопасности и фиксация высоты при работающем высотомере. Шаг второй: разворот корпуса в противоположное от винта направление. Шаг третий: продвижение по фюзеляжу в сторону одного из крыльев. В случае их деформации – выполнение прыжка с хвостовой части.

– Всё верно, – немного с удивлением произнёс Гриша. – В целом, ты готова. А как происходит непосредственно сам прыжок?

– В зависимости от высоты отсчитать необходимое количество секунд. Затем – дёрнуть за кольцо. Осмотреть целостность купола парашюта. На высоте ста пятидесяти метров сгруппироваться для мягкой посадки.

– Правильно.

– Рада стараться, – улыбнулась девушка и приложила ладонь к козырьку.

– Братцы! – воскликнул Гриша. Затем, посмотрев на Гладерику, чуть запнулся и добавил, – и сестрицы, в одну шеренгу – стройсь!

Вскоре перед ним возникла стройная линия строго по росту.

– Равняйся! Смирно! Проверка перед прыжком. Адлерберг «Старгейт»!

– Я. К прыжку готов, – своим спокойным и ровным голосом отчеканил Степан.

– Дашков «Тюльпан»!

– Я. К прыжку готов.

– Дельштейн-Орлова «Аурус»!

– Я. К прыжку готова.

Перечислив так весь лётный состав эскадрильи, Гриша отдал команду проследовать к месту выполнения прыжка.

– Прыгаем строго по очереди. Адлерберг – пошёл.

– Так точно! – ответил Стёпа и с рюкзаком на плечах полез по длинной лестнице наверх.

Через две, а то и три минуты юноша стоял на небольшой площадке, откуда шёл небольшой трамплин. Внизу вышки стоял микрофон, а сверху – небольшой громкоговоритель, через который Гриша подавал команды.

– «Старгейт», для прыжка чуть согни колени. Отталкивайся так, будто летишь с обширной скалы в море. Пальцы заблаговременно держи на кольце. Едва ноги оттолкнутся от трамплина, выпускай парашют. Держись строго за стропы и сгруппируйся для посадки. Как понял?

– Вас понял. Пальцы заблаговременно на кольце, выпустить парашют сразу после толчка, руки на стропях, группировка для посадки, – повторил, немного запинаясь, Степан.

– На счёт три разбегайся и прыгай, – сказал Гриша. – Раз!

Два! Три! Пошёл!

Гладерика вперила взгляд в вершину вышки. От неё оторвался человеческий силуэт. Тотчас же он покрылся тенью раскрывшегося купола парашюта. С высоты парашютист казался Гладерике похожим на большой одуванчик. Поймав поток воздуха, силуэт понесло в сторону озера. Создалось ощущение, что таким потоком «Старгейт» отнесёт в сторону ближайшей лесопосадки, откуда он уже не сможет выбраться без посторонней помощи. Однако всё обошлось: Адлерберг сделал плавный поворот и приземлился в нескольких десятках метров от вышки. Ткань купола упала рядом с ним. К нему тут же подбежали доктор Ларсен с медсестрой Глашей, принявшись замерять у него пульс и расспрашивать о самочувствии. Вскоре Адлерберг встал на ноги и подошёл к Грише.

– Прыжок выполнен. Самочувствие в норме.

– Рапорт принят, – приложил руку к козырьку командир. – Оставайся здесь и помогай другим.

– Так точно, – ответил Стёпа и направился переодеваться ко штабной палатке.

Вторым по счёту шёл Ваня Дашков с позывным «Тюльпан». Его прыжок завершился спустя несколько минут после команды подполковника мягким приземлением около шеренги. Тот ощущал себя ещё более уверенно, чем прыгнувший до него Адлерберг. Гриша удовлетворительно взглянул на юношу. Отправив того переодеваться в палатку, он повер-

нулся к шеренге.

– Дельштейн-Орлова – пошла.

Внутри Гладерики всё будто бы съёжилось. Она ощущала, как часто стало биться её сердечко.

– Так точно, – ответила девушка и медленным, но уверенным шагом прошла к лестнице.

Примерно на трети подъёма она уже изрядно устала. Ладони скользили по протёртой деревянной поверхности ступенек, а рюкзак стал невыносимо тяжёлой ношей. «Ну, если я доберусь туда, – попыталась отшутиться про себя Гладерика, – это будет половиной всего дела». На протяжении всего пути в её голове обрывки фраз и цитат из «Лётного устава» мешались со внезапными мыслями о возможных внештатных ситуациях во время прыжка и предстоящего полёта. Наконец, последняя ступенька была преодолена. Гладерика забралась на небольшую крытую площадку, где помимо трубки громкоговорителя находился небольшой столик. Едва она встала двумя ногами на деревянные доски, из мегафона донёсся голос Гриши:

– «Аурус», перед прыжком сгибай колени, – как ответственный инструктор, Гриша готов был повторить каждому человеку один и тот же порядок действий, – отталкивайся от трамплина. Едва перестанешь чувствовать доску, дёргай за кольцо. После этого группируйся для посадки. Да... И руку держи на кольце! Как поняла?

– Вас поняла, – ответила Гладерика. – Рука на кольце,

прыжок в длину, выпуск парашюта сразу после прыжка, группировка для посадки.

Подул ветер. Под его напором вышка слегка качнулась. Гладерика ощутила это, и лёгкий холодок пробежал по её телу. В то же время девушка почувствовала какой-то прилив свежести. Вокруг неё простиралось обширное поле и лесополоса. Где-то на горизонте синела гладь озера. Закрыв глаза, она расправила руки, ощущая, как прохладный поток треплет её золотистые волосы. Это был момент спокойствия, продлившийся лишь мгновение. Настала пора прыгать. Гладерика нащупала кольцо у правого плеча и продела сквозь него указательный палец, а также надела на глаза защитные очки.

– Готовься, на счёт три прыгаешь, – скомандовал Гриша.

Девушка вздохнула и подошла к трамплину. Высота её несколько не пугала; скорее уж, она беспокоилась за возможные неисправности во время прыжка.

– Раз. Два. Три. Пошла!

Резкий голос подействовал на девушку словно толчок. Оттянув назад левую руку, она присела, а затем со всей силы оттолкнулась от выпирающей доски, нырнув в безграничный воздушный океан...

Всё было отработано и заучено до автоматизма. Сама того не осознав, девушка дёрнула за кольцо. В следующее мгновение Гладерика почувствовала, как, не успев набрать скорость, большой купол парашюта будто бы потянул её вверх. Поджав колени и взявшись за стропы, она тем самым под-

готовилась к приземлению. Теперь девушка плавно спускалась на площадку, где с её высоты она могла видеть глазающих на неё товарищей, стоящих в одну линию. Спуск должен был продлиться секунд двадцать, не больше. Гладерика не смотрела на землю. Она полностью предалась тому захватывающему дух ощущению полёта, что свежим потоком окатил её сразу после прыжка. Девушка дёрнула стропы в правую сторону – и парашют послушно накренился в нужное направление. До посадки оставалось немногим более двадцати метров. Гладерика уже наметила место, куда ей следует приземлиться. Несколько секунд – и девушка ощутила, как её сапоги мягко и глухо врезались в траву. Увидев, что купол парашюта вследствие отсутствия ветра опускается прямо на неё, Гладерика отбежала в сторону, попутно снимая прочно закреплённый поперечными лямками парашютный рюкзак. Тут же к ней подбежали доктор Ларсен с Глашей. Последняя бросилась ей на шею.

– Гладечка, родная! Как же красиво ты летела! Настоящая богиня! Как ты?

– Спасибо, милая. Всё хорошо, – радостно сказала девушка и погладила подругу по спине. – Это незабываемые впечатления. Тебе тоже стоит попробовать!

В разговор вмешался подоспевший Йоханнес:

– Исфольте, miss, заниматься сфоей работой! – строго сказал он своей помощнице.

– Простите, – смутилась Глашенька. – Гладечка, дай свою

рученьку.

Гладерика послушно протянула своё запястье. Глаша зажала вену на ней двумя пальцами и, отсчитав на часах полминуты, сообщила показатели пульса доктору:

– Сорок три. Помножим на два – получится восемьдесят шесть.

– Фосемдеят шест... – молвил доктор Ларсен. – Спокойна, like an elephant. Так и запишем!

Гладерика гордо улыбнулась. Наверняка её товарищи всё прекрасно слышали, ибо приземлилась она в десятке метров от них. Некоторые и впрямь начали перешёптываться. Впрочем, в шеренге и по стойке «смирно» они всё равно мало что могли друг другу сказать, ибо тут же получали нагоняй от Гриши. Строевым шагом Гладерика подошла к нему и подала рапорт:

– Прыжок выполнен. Самочувствие в норме.

– Рапорт принят. Вольно, «Аурус». Иди переодеваться и помогать другим.

– Так точно, – улыбнулась девушка и прошла к палатке.

Уже сидя за столом в штабе, она наконец начала осознавать, что недавно испытала. Раз за разом в голове у неё прокручивались моменты прыжка. В особенности отпечатался в памяти пейзаж с высоты вышки и ветер, что покачивал её.

– Как прошёл прыжок? – спросил её обыкновенно молчаливый Стёпа Адлерберг, расправляя стропы своего парашюта.

– Это было нечто невероятное! – воскликнула девушка. – Я ощутила себя настоящей птицей! Как жаль, что полёт продлился столь мало...

– Признаться честно, я бы спрыгнул ещё раз.

– И я! Вот что, мальчики: давайте как-нибудь устроим тайные ночные прыжки?

В разговор вмешался Ваня Дашков:

– Я не против. А для полноты ощущений пригласим на ночные прыжки наших братцев из инженерного!

– Да! – радостно кивнула Гладерика, представив, с каким смешным выражением лица будут лететь её друзья.

– Саша, Коля, Ваня Орлов, Серёжа... – пересчитал их вслух Стёпа. – Где же мы возьмём четыре лишних обмундирования?

– Хм... А вот об этом мы не подумали, – сказал Ваня. – Нам известны их замеры? Возьмём – да и закажем у нашего поставщика дополнительные лётные комплекты. Подписи-то подделывать умеем.

– Да, да, известны! – заявила Гладерика. – Все наши данные хранятся в папочке у Романа Ивановича. Я видела их, когда меня к вам принимали.

– Хе-хе, считай, что их нет. Возле его палатки постоянно выставлен дневальный, – почесал в затылке юноша. – Но на то я и князь Дашков, что всегда придумаю выход из любого положения. Стёпа, как нам быть?

– Самый очевидный способ – подкупить дневального,

дабы он раздобыл нужные нам данные, – рассудил спокойно Адлерберг.

– Точно-точно! – подхватила Гладерика. – Я подкуплю его своей обаятельностью и женскими чарами.

– Неужто вы готовы сразу использовать столь мощное оружие? – иронизировал Ваня. – Я думаю, сперва сойдут простые уговоры, а затем – небольшая сумма.

В тот же миг в палатку вошёл следующий по списку – Милорад Друцкий, которого все в клубе называли просто «Милей». Это был единственный человек в их команде, позывной которого совпадал с его кратким именем. Среди товарищей он слыл ответственным, добросовестным, хотя и вспыльчивым парнем. Адлерберг пожал ему руку.

– Гладерика, – прошептал девушке на ухо Ваня, ухмыляясь во весь рот, – можешь не отпираться. Ты же так поддержала затею с ночными прыжками вместе с инженерами лишь потому, что среди них – твои близкие друзья?

– Ну, как сказать... – не растерялась Гладерика. – Мне просто понравились прыжки. Согласись, с моими друзьями я смогу встретиться в любой свободный от тренировок день.

– Твоя правда. Что же, *c'est clair*¹⁸.

– Где больше двух – говорят вслух, – вмешался в разговор Миля.

– Вас не касается, – в шутку грубовато ответил Ваня. – Как прыгнул, дружище?

¹⁸ Понятно (фр.)

– Всё в абсолютной норме. Мы же будущие воздухоплаватели!

– Так точно! Наши аэропланы вот-вот будут готовы. Кстати, знаешь, как я назову свою птичку?

– Как же?

– «Мирабель»! Каково?

– Неплохо, неплохо. Слишком умиротворённо, – отметил Миля. – Моя будет называться более звучно. О ней и обо мне не стыдно будет написать в газетах!

– О! И как же?

– «Глория»! – воскликнул юноша.

Незнамо от чего Ваня Дашков вдруг расхохотался. Завязался довольно яркий спор, прекратившийся лишь прибытием следующего товарища. Эту толпу пришлось выгонять на улицу уже самому Грише, который в очередной раз посетовал на существование своих подчинённых и пообещал составить рапорты об их поведении высшему начальству. Гладерика восприняла это легко, с улыбкой. Всё это ей казалось таким обыденным и привычным... Ей не на что было жаловаться. «Этот день я определённо запомню на всю жизнь, – подумала она». Также подумала она и об организации ночных прыжков – так, чтобы ни одна живая душа их начальников не узнала о такой шалости. День, тем временем, постепенно клонился к завершению. Сложив парашюты и собрав всё необходимое, команда направилась ко своим палаткам...

Глава 6. Лес.

А что же сам Александр и его друзья, работавшие над аэропланом в инженерном отделе под руководством Фридриха Брауна? С момента вступления в эскадрилью «Золотые крылья» юноша ни разу не выезжал из Ш-бурга, не побывав даже на базе. Четыре молодых инженера трудились не покладая рук над моделями аэропланов, рассчитывая их ЛТХ¹⁹, собирая миниатюрные модели и отчитываясь перед командирами в коротких телеграммах. Такая практически непрерывная работа (Герр Браун был неумолим и бессердечен, позволяя отдыхать лишь по воскресеньям и большим праздникам), компенсирующаяся лишь короткими прогулками четверых друзей по городу, изрядно утомили Александра. В то время как у Гладерики не было времени, чтобы прилечь ненадолго и поразмышлять, Александр был рад даже короткой прогулке. Именно поэтому в один из воскресных вечеров, когда Браун объявил о свободном времени, он, не предупредив никого, вышел из дома №21 и, повернув направо, устремился на окраину города.

Лес... Сколько тайн и загадок таили в себе тысячи ветвей и миллионы листьев, шуршащие под нежным апрельским ветерком? Никакому мудрецу не под силу освоить те знания,

¹⁹ *Лётно-технические характеристики*

что приобрели могучие старики-дубы, дивы-берёзы и стойкие сосны. Порой кажется, что деревья сделали бы нас самыми сильными существами на этой планете, если бы могли разговаривать. Иногда даже создаётся впечатление, будто бы зелёные исполины имеют некое сознание – ощущение собственной роли в огромном механизме леса. Увы... Кажется, свою историю, свой опыт и знания они навечно сокращают в своих густых кронах, переговариваясь друг с другом на совершенно непонятном для людей языке – языке шелеста листвы, едва ощущаемых запахов и жестов клонящихся от ветра ветвей...

Сегодня вечером Александр решил посетить это дивное, местами зловещее – но такое манящее место. Взобравшись на небольшой пригорок, он заметил едва различимую сквозь густую луговую траву тропинку, ведущую к опушке обширного соснового бора на берегу. Солнце скрылось за наступающими тучами, которые, по прогнозам метеорологов, под утро должны были окатить город дождём. Пока что это небесное представление покрыло бор неповторимой мистической аурой.

Юноша подошёл к опушке и всмотрелся в темень чащи. Заблудиться в ней не представлялось возможным: с двух сторон лес окружали поля, с севера на него смотрело озеро, а с противоположной стороны дорога вела напрямиком в Шбург. Он не рассчитывал находиться здесь долго. Его подгонял график и риск строгого выговора от герра Брауна. Зайдя

на пару сотен метров вглубь, он заметил недалеко от основной тропинки небольшую и уютную полянку с поваленным деревом на ней. Усевшись на него и сложив руки на груди, Александр осмотрелся. На лес медленно опускалась мгла. Своими белыми лапами она обнимала каждое дерево, впивалась сероватыми когтями в каждую веточку, в каждый листик, проникала в самые густые и непроходимые чащобы, куда нога человека не то что не ступала – она боялась сделать даже шаг в их сторону. Опустилась она и на юношу. Он почувствовал это – с севера повеяло холодком.

– Ну вот я и один... – чуть слышно, почти шёпотом, промолвил Александр.

От осознания полнейшего уединения, от стелящегося тумана и иссиня-серых тяжёлых туч по рукам и ногам Александра пробежали мурашки, а тело окатила приятная дрожь. Он закрыл глаза и запрокинул голову, вдыхая влажный и свежий приозёрный воздух.

– Ни одна живая душа здесь меня не потревожит... – уже перешёл на шёпот юноша. – Затем, перейдя на свой второй родной язык, добавил, – *dessa platser påminner mig mycket om mitt hemland... Jag undrar hur det går för mina föräldrar²⁰?*.. У матушки, должно быть, всё так же накрыт для меня стол... Как же хочется хоть на миг покинуть эту осточертевшую мастерскую!

²⁰ *Эти места очень напоминают мне мою родину... Интересно, как поживают мои родители? (швед.)*

Ветерок задул несколько опавших листьев прямо под ноги Александру. Тот с некоторым безразличием посмотрел на них, переведя затем взгляд на крону дерева.

– Всё-то ты, должно быть, знаешь, – чуть улыбнулся он, смотря на зелёный шатёр, что гостеприимно раскинулось над ним. – Ты видело много несчастий, горя и смерти. Под тобою гибли животные в борьбе за выживание, ты наблюдало, как высыхают старшие твои сородичи, ты знаешь, каково это – когда вокруг тебя летит вся жизнь, а ты стоишь и стоишь... Мудрое ты, должно быть?

Конечно, дерево не могло ответить ему на его человеческом языке. Однако листва в ответ на его речь затрепетала под порывом северного ветра, будто бы кивая. Заметив данное обстоятельство, Александр вновь ухмыльнулся.

«Здесь и деревья умеют слышать... – подумал юноша. – Пожалуй, не стоит их донимать своими размышлениями вслух. Их язык, язык деревьев – это молчание, вековое и стойкое. Помолчу и я...».

Сумерки окатывали долину всё больше и больше, всё стремительнее и стремительнее. Теперь лес, погружённый не только во мглу, а и в темень вечерней поры, стал похожим на место из народных сказок и поверий. Закрыв глаза вновь, в воображении Александра начали всплывать различные знакомые образы. Вот мать и отец, готовят дома в каменной печи хлебные лепёшки. Отец владел пекарней, поэтому изделия из муки ему давались лучше всех в их маленьком се-

верном городке. Вот младшая сестрёнка Ингрид, всё кланчит у родителей горячий ещё хлеб. На улице сыро и холодно, а внутри их дома так уютно и так приятно пахнет... Вот реальное училище, куда он поступил после гимназии. Выстроенное из тёмного кирпича, оно скорее походило на крематорий, однако лица в нём были такие светлые и радостные! Учитель физики Карл Петерссон, сосед по парте Йорве. Вот первое его очарование – русская гимназистка Ольга Румянцева, которая всегда обижалась, когда её называли Хельгой... Все эти образы, непонятные решительно никому, представляли для Александра одно из самых ценных сокровищ. Его детство прошло счастливо, и воспоминания о нём не могли не отпечататься в его голове тёплыми сладкими помыслами. Однако на воспоминаниях о его первой любви его сознание внезапно перенесло его в студенчество, в те времена почти как год назад, когда он вместе с Ваней и Колей грезил о полётах и о членстве в эскадрилье. Тотчас в голове возникло приятное, милое личико с аккуратным носиком, розоватыми щёчками и алыми, похожими на лепестки нежного цветка, губами.

– Гладерика... – не смог сдержать молчания Александр.

Образ девушки, до сей поры прочно выстроившийся у него в воображении, мигом пропал.

«Не выходишь ты у меня из головы, – подумал юноша, впервые за долгое время опустив взгляд. – И за что же ты мне так приглянулась? Не могут же это быть лишь твои слова

о мечте. Я был бы совершеннейшим дурачком, если бы очаровался столь незначительною деталью... До чего же дурной повод».

Эта мысль молнией пронзила его ум, резонируя в сердце некоторым беспокойством.

«Чем же я в ней очаровался? Да и очаровался ли я вообще? Что же это со мной, право?.. Сколько раз я вспоминал о ней? Боже мой, столько вопросов – а есть ли хоть один ответ?»

Становилось заметно темнее. Кроны деревьев с каждой минутой становились всё менее и менее приветливыми, облачаясь в угрюмые оттенки вечера.

«Прежде всего, стоит быть честным с ней и с самим собой, – заключил Александр. – Чего хочу я? Конечно, хочу видеть её! Желая слышать её голос! Я не силён в метафорах и сравнениях, но мне кажется, что уста Гладерики звучат так, словно исправно работающий механизм... Словно как часики, как трель звонка. То, что всегда приятно слушать. Боже мой, неужто до такого ничтожества, до таких пошлых сравнений довёл меня герр Браун? Прости меня, Гладерика. Я ведь даже порядочного письма написать тебе не смогу».

И тотчас же Александр ударил себя по щёкам.

«Неужто ты столь слаб? Напиши, обязательно напиши, – обратился он к самому себе в мыслях. – Пусть даже мои слова останутся без ответа, пусть оно будет написано отвратительно, но таким образом я буду честен как с ней, так и с

самим собой... Всё будет хорошо.»

Юноша едва заметно улыбнулся. Стемнело так, что сумерки начали скрывать стволы деревьев, смешивая их с единым густым зловещим фоном. Встав и отряхнувшись, Александр направился в сторону города.

– Ты кем себя фозомнил?! – неистовствовал Браун, который напал на Александра с того мгновения, как юноша переступил порог дома и закрыл дверь. – Я требоват извинений!

– Es tut mir leid, Herr Braun, das wird nicht wieder vorkommen²¹, – сказал на ломаном немецком Александр. – До сей поры я никогда не покидал столь надолго этого дома. Заверяю вас, что не ставил своей целью послушаться вас, потому как точных ограничений вы мне не давали.

– Не даваль? Ты говоришь, не даваль?! Вам ясно быль дать понять, что выходних у вас лишь воскресенье! – настоял Браун. – Ты использоваль его в своих корыстных целях!

– Позвольте...

– И зачем я только приехал сюда, где северный ветер и непослушный ученик, – покачал головой инженер. – Об этом будет доклад лично Роман Иванович!

Не в силах что-либо сказать в ответ, Александр опустил голову. Его мысли были далеко-далеко от этого места. Ему нужно было лишь пройти в свою комнату.

²¹ *Прошу прощения, господин Браун, такого больше не повторится (нем.)*

– Разрешите идти, Herr Braun, – сказал он. – Я со смирением и с полным осознанием своего плачевного положения готов ко всем последствиям.

– Я рад, что ты понимаешь свой вину. Разрешаю.

Едва затворив за собой дверь в свой кабинет, Александр уселся за заваленный чертежами и формулами письменный стол и достал чистый лист бумаги. Затем, отыскав среди завалов перо и чернильницу, он занёс руку над белоснежным полотном. Кончик словно бы сам стал вырисовывать буквы, которые соединялись в слова, слова – в предложения, а те превращались в абзацы письма. И просидел он вплоть до того, как не была закончена последняя строчка:

«Милая Гладерика!

Уже как больше полугода мы с вами никоим образом не общались. Я потерял уверенность, дойдёт ли это письмо до того места, где находитесь сейчас вы. Что уж говорить: я даже не уверен, что вы ещё помните меня. Помните ли вы наш с вами первый и последний разговор, когда мы сидели с вами на лавочке в парке и впервые тогда разделили друг с другом нашу общую мечту? Отчего-то он остался у меня в голове. Даже в моменты самой напряжённой работы, когда мозг кипит, а кисть руки буквально отсыхает от количества выписанных ею формул и расчётов, звонким эхом резонируют внутри меня ваши слова. Не могу забыть я ваше выражение лица и ваши глаза тогда. Подумать только: прекрасная девица после окончания института вдруг пуска-

ется в опасную для жизни авантюру... Мог ли кто-нибудь представить себе что-либо подобное? Чтобы хрупкая девушка, воспитанница Смольного института, вдруг резко переменяла свой прежний образ жизни ради собственной загородной мечты?.. Я искренне восхищаюсь вами. Для меня вы – живой пример целеустремлённости и старания. Я верю, что вы преодолеете любые трудности на пути ко своей мечте и будете победительницей – отважной и стойкой.

Как я уже писал ранее в этом письме, порою работа кипит столь стремительно, что рука буквально перестаёт ощущаться. Однако прогресс в нашем деле присутствует: чертежи вырисовываются всё более точные и правдоподобные. Более того – спустя столько времени я смог поладить с вашим двоюродным братцем Ваней. Человек он незаурядного ума и, признаться честно, я боюсь, что при такой скорости поглощения новых знаний и учении на своих ошибках он очень скоро обгонит и меня, и Колю, и Серёжу Одинцова, и даже самого Герра Брауна. Словом, он подаёт огромные надежды. Не беспокойтесь за нас: мы содержимся в тепле и уюте, а еда готовится вкуснейшая.

Могу ли я о чём-либо просить вас, господжа Гладерика? К сожалению, вас нет сейчас рядом, чтобы ответить на сей вопрос. Я отвечу на него сам: право же, нет. Я могу лишь уповать на ваш ответ. Я буду ждать его, и ждать ровно столько, сколько того требует время! Каковы у вас условия? Как проходят ежедневные занятия? Что происходит

на испытаниях? Мне интересно решительно всё! Как и вашего ответа, буду я дожидаться и долгожданной встречи с вами. Храни вас Господь, милая Гладерика.

Искренне ваши,

Александр Стефенссон»

Глава 7. Неожиданный визит.

Человек не может работать вечно. В конце концов, даже совершенный с виду механизм рано или поздно будет нуждаться в техническом обслуживании и ремонте. Станки на фабриках стоят выключенными и холодными всю ночь, для автомобилей существует множество мастерских, а уж самолеты и вовсе большую часть своей жизни проводят на земле. Для людей таковым «ремонтом» вполне может являться отдых. Он практически всегда приятен для нашего тела и души, каким бы образом ни проходил. А уж особенно приятным он становится после долгой и изнуряющей работы, когда человек ощущает его заслуженность. Сам по себе отдых – полезное дело, позволяющее нам восстановить силы перед новыми начинаниями и связанными с ними трудностями. Однако имеет это дело под собою один подлый нюанс: от него становится сложным отказаться в нужное время. Всё же для отдыха должен быть отведён строгий отрезок дня, иначе бы пословица «делу – время, потехе – час» просто бы не имела смысла. Методичный и уместный отдых обязательно вдохновит нас на новый отрезок труда, и можно быть уверенным – после оно всё равно настанет пора покоя.

Эти простые истины были неизвестны герру Фридриху Брауну, который видел смысл своей и чужой жизни лишь в непрерывном труде. На этой почве между ним и его под-

чинёнными – Александром Стефенссоном, Колей Кирсановым, Ваней Орловым и Серёжей Одинцовым – возникли непримиримые противоречия, и с каждым днём недовольство и зубной скрежет юношей нарастали. Сам Браун, хоть и был непоколебимым и твёрдым в своих намерениях, однако не мог не обладать толикой эмпатии. По крайней мере, с каждой неделей продуктивность юношей падала всё ниже и ниже. Порой доходило до того, что они проводили за одной страницей из книги весь день, а под конец проводили лишь пару тонких линий на ватмане. Такое положение дел Брауну, конечно же, не нравилось. Рано утром, в одну из очередных суббот, он позвал всех юношей на кухню.

– Meine freunde, – начал герр, деловито свесившись над кухонным столом, – вы поработали на славу всё это время, поэтому сегодня я решил дать вам выходной. Вы вольны идти в город или оставаться в доме.

Юноши переглянулись между собой. В глазах у них читалась радость и облегчение от этой внезапной и приятной вести.

– Мы вам благодарны, – склонил голову Ваня Орлов. – Надеемся, что и вы отдохнёте.

– О, ja, ja, отдых мне не помешать!

– Разрешите идти?

– Разрешаю, – отчеканил Браун и первым покинул кухню.

Через некоторое время все четверо стояли у входной двери, приготовившись выйти. Александр, натянув перчатки на

руки, уже было потянул за ручку, как вдруг с внешней стороны послышался стук.

– Войдите, – сказал неуверенно юноша.

Едва дверь приотворилась, как на пороге возникло сразу несколько фигур людей.

– Excuse us²², – молвил стоящий впереди всех доктор Ларсен – уже знакомый Александру бородатый мужчина с золотыми пенсне на носу, – можем ли мы фойти?

– Доброе утро, доктор! – учтиво поздоровался Александр. – Прошу, располагайтесь.

Обыкновенно тихая прихожая наполнилась шумом и людьми. Вскоре четырём юношам пришлось потесниться, поскольку шестеро гостей заняли всё пространство тесного коридора. Однако Александр узнал лишь троих из них. Один – доктор Ларсен собственной персоной. Вторая – вечно следовавшая за ним, как дочка за отцом, медсестра Глаша. В самом конце переступила через порог девушка в голубом летнем платье, кружевными рукавами и милой шляпкой цвета платья, из-под которой пышно вились золотистые локоны. Взглянув на неё, Александр едва не вздрогнул. Внутри него сильно ёкнуло сердце. Это была Гладерика.

«Как... Мне, должно быть, это снится? – подумал он».

Невольно он засмотрелся на неё. Нет, вернее сказать, – залюбовался. Только сейчас он осознал, что до этого никогда не замечал подлинной её красоты. На тонкой её шее, ближе

²² Простите нас (англ.)

к левой щеке, виднелась едва заметная родинка. Глаза были не просто голубыми, как отметил Александр при первой их встрече, а скорее походили на два сапфира цвета океана. И такие бездонные... Казалось, лишь раз взглянешь ей прямо в них – и они просто смоят тебя стремительным потоком. При этом они не были отягощены теми невыносимо тяжёлыми и бесполезными размышлениями, коими обыкновенно не то притворно, не то по-настоящему тешат себя многие читающие люди. Глаза её были умными, но не страдальческими – и одно лишь чудо способно было вычленить эти два состояния из двух разных противоположностей. Её милая и непринуждённая улыбка предназначалась всем, но одновременно никому. Она была, скорее, формой вежливости, которая вошла в привычку, и теперь без неё девушка не проживёт и дня. Аккуратный носик, слегка вздёрнутый вверх, не добавлял ей аристократизма и холодности, однако придавал её внешнему виду капельку кокетства – ровно столько, сколько требовалось юной девице. И всё это сочеталось на её лице в чарующий нежный образ – столь нежный, что и взглянуть лишний раз было боязно.

Гладерика поспешно откланялась и поприветствовала юношей. Её голос растворился в потоке приветственных слов от остальных присутствующих в прихожей, поэтому Александру было лишь видно, как она шевелит губами. Однако на одно короткое мгновение девушка взглянула на него. Взглянула не то с любопытством, не то с удивлением, словно

бы не ожидала его здесь увидеть. Тотчас отведя взгляд, она склонила голову перед ним и потянула за рукав свою подругу.

Тем временем, к Александру протиснулся и протянул ему руку высокий смуглый юноша.

– Приветствую! – бойко поздоровался он. – Меня зовут Милорад Друцкий, позывной «Миля», благо он совпадает с моим кратким именем. – Ты, верно, Александр Стефенссон? Это ты разрабатываешь мой аэроплан?

– Во-первых, приветствую, – пожал руку ему в ответ Александр. – Во-вторых, ты абсолютно прав, я – Александр Стефенссон. В-третьих, твой аэроплан разрабатывается не только мною, а и моими друзьями – Колей Кирсановым, Ваней Орловым и Серёжей Одинцовым.

– Знай же, что мы с нетерпением ждём результатов вашего труда. Как вам здесь вообще?

– Живём потихоньку, – сдержанно ответил Александр. – Если это вообще можно назвать жизнью.

– А как иначе?

– Существование, *функционирование*... Впрочем, по воскресеньям нам выпадает шанс выспаться, а сегодня герр Браун изволил дать нам выходной.

– То-то же я смотрю, вид у вас неважный.

– Это точно.

– Что же, рад был с тобой познакомиться. Мы вас, кстати говоря, – на этой фразе Миля отвёл Александра чуть в сто-

рону и продолжил шёпотом, – то есть я, Ваня и Гладерика – хотели пригласить на одно интересное мероприятие, задуманное нами.

– И что же это?

– Скажем чуть позже, – подмигнул он. – Ладно, желаю тебе удачи! – чуть склонив голову, Миля отдалился.

В общей суматохе и за разговором с новым знакомым Александр упустил из виду Гладерику. В сенях её не оказалось. «Видно, она вышла на улицу, либо на кухню прошла, – подумал юноша. – Так или иначе, я не уверен, что она хочет со мной говорить». Он вспомнил, как девушка взглянула на него, ничего не сказав, и уверенность в грядущем разговоре с ней у него в это же время куда-то улетучилась, будто бы желания этого у него никогда и не было.

– Дамы и господа, давайте же соблюдать личные пространства друг друга и не толпиться в прихожей, – призвал Ваня Орлов. – Пройдёмте либо на кухню, либо на улицу, и все вместе проведём время.

Его увещевание сработало, и толпа прошла на кухню. Там служанка Оля наспех приготовила всем гостям чай, и вскоре между ними завязались разговоры.

– Неужто герр Браун – деспот хуже нашего Гриши Доброва? – недоумевал Миля, выслушав жалобы Вани Орлова и Коли. – В жизни не поверю! Вы просто не знаете, как этот Ирод в эполетах издевается над нами. Пусть свидетелями мне будут мои товарищи – Гладерика, Ваня и Стёпа!

– Всё так и есть, – горячо закивал головой Ваня Дашков. – По крайней мере, вы, инженерный отдел, не метаетесь по территории всего аэродрома, словно футбольные мячи.

– Мы метаемся среди своих мыслей, – парировал его тёзка. – Мы бы с радостью размялись на свежем воздухе. Кстати говоря, как у вас с видами спорта?

– О чём вы говорите? – скорчил притворную удивлённую гримасу Миля. – Самое большее, что вам может предложить господин Григорий Добров – брусья, гири и перекладины.

– И при таких больших размерах аэродрома у вас нет даже футбольного поля? – спросил Коля.

– Никак нет.

– Ба! Ты слышал это, Саша? – обратился Коля ко своему другу.

– Да уж, небывалые вещи, – лениво кивнул юноша и уткнулся в чашку с недопитым чаем.

Коля обратил внимание на настроение Александра: оно казалось ему подавленным. С самого начала беседы тот не проронил ни слова и то и дело бросал взгляды на окружающих его людей. Николай был очень внимательным, особенно к состоянию близких, посему ему не составило труда отследить взгляды своего друга. Посмотрев туда же, он увидел милое личико Гладерики и её синие глаза, любопытно смотрящие куда угодно, но не на Александра. Коля быстро допил чай, откланялся и, встав из-за стола, тронул его за плечо.

– Саша, – шепнул он ему, – следуй за мной.

Александр вздрогнул от неожиданности, однако беспрекословно повиновался. Через миг они уже были на втором этаже, в комнате Коли.

– Изволь, – с интонацией, выражающей недовольство, начал Александр, закрыв дверь.

– Я тебя, считай, спас от тягостного тебе общества, – шутливо промурлыкал Коля, однако далее продолжил уже серьёзно. – Ну же, я вижу, что тебя что-то очень сильно тревожит. Я даже знаю, что.

– Во-первых, я, кажется, не просил тебя о помощи. Во-вторых, не мог бы ты пояснить, что ты можешь знать?

– Я всё понял по твоему взгляду. Здесь и слепой заметит, что чаще всего ты смотрел на сидящую напротив тебя девушку с прекрасными золотистыми волосами. Вот я и подумал, что данный расклад событий тебя тяготит.

– Послушай меня, Коля, – уже с явным раздражением в голосе сказал Александр, – откуда тебе знать, что меня тяготит, а что – нет? Если я пару раз взглянул на неё – это уже значит, что меня необходимо спасать из этого положения? Так будь добр, выручи всех сидящих за столом юношей, которые каждую минуту обращаются к ней и разглядывают её, словно иностранную диковинку. Что тебе нужно от меня?

– Позволь отметить, что ты был единственным из всех юношей, кто сидел, понуро уткнувшись в чашку с чаем. К тому же Гладерика – не единственная девушка, находящаяся там. Юноши так же охотно бросают взгляды и на робкую Гла-

шеньку, и на нашу служанку Олю.

– Направить бы твои дедуктивные способности в нашу рабочую область. Вот скажи мне, пожалуйста, что ты путного предложил за последний месяц работы? Какие идеи – исконно твои? – попытался перевести разговор в другое русло Александр.

Коля пожал плечами.

– Не знаю. Право же, я не силён в свежих идеях.

– Это я заметил за те годы, что мы знакомы. Тебе лишь бы за девицами наблюдать. Ты же у них популярный, приятный в общении, всегда находишь, чем заинтересовать и как поддержать беседу...

– Тебе удобней так думать... Я понимаю тебя, – тихо произнёс Коля и повернулся к окну. Впервые с начала разговора его лицо приняло на мгновение напряжённое выражение, но затем взгляд его стал расслабленным, мечтательным. – На самом деле, я никогда не был популярным у девиц. Все те прогулки с институтками – сплошной самообман, ведь ходил я с большой компанией юношей. Те, конечно, тотчас отнимали у меня любое преимущество в беседах, но мне просто хотелось находиться в понимающем меня обществе. А оно, в сущности своей, никогда таким не являлось.

На секунду Коля прервался. Слышно было, как беседуют гости на кухне, да шелест густой зелёной листвы за окном.

– Да и собственной мечты у меня нет, – вскоре продолжил он. – Все меня считают прекрасным другом и хорошим

соратником в начинаниях. Однако я мечусь от одной воли к другой, находя в каждой из них что-то близкое моему сердцу, пусть даже отдалённо. Эдакая жизнь паразита, понимаешь? Пошлая, бесцельная и гедонистическая жизнь. Впрочем, если и можно что-либо поменять, то необходимо хотя бы мечту заиметь. Что ты на это скажешь, Саша?

Александр молча смотрел на своего друга. Видя его всегда беззаботным и беспечным, прямо сейчас он предстал перед ним совершенно в другом облики. Взгляд его был глубоко несчастным – настолько, что пристально понаблюдав за ним, можно было испугаться.

– Ты молчишь, – усмехнулся Коля. – Всё-таки мы с тобой разные. Я, чёртов эгоист, об этом забыл. Ты живёшь в ином мире и мыслишь другими категориями. Мы расквитаемся друг с другом, если ты расскажешь мне о своих проблемах.

– А что здесь рассказывать... – усмехнулся в ответ Александр. – На самом деле, ты прав: я очень часто смотрел на Гладерику. Только почему она не смотрит на меня в ответ? Ты считаешь это справедливым? Знаешь, недавно я написал ей письмо, и уже хотел отправить ей, как она появилась у нас вместе со своими новыми товарищами, – последнее словосочетание юноша произнёс с долей неприязни. – За что мне дарована такая несправедливость? Самое скверное, что я на протяжении всего того времени, что она находится у нас, не нахожу себе места и никак не могу подобрать нужные сло-

ва...

– Это же не всё? – после некоторых размышлений молвил Коля. – Это не просто глупая симпатия. Скажи мне... Что-то же произошло, когда ты остался с ней наедине в парке ещё тогда, год назад? А когда ты сбежал из нашей мастерской?

Поразмыслив немного, Александр ответил:

– Да, ты прав... Мне сложно об этом говорить, посему я прошу прощения, если что-то в моём описании будет неполным. В общем, сколько ты меня знаешь, я всегда был человеком достаточно замкнутым. Днями сидел, запершись, либо в своей комнате, либо в маленькой библиотечной комнатке, читая книги о физике и чертя всякие модели летательных машин. Я жил этим, и, в сущности, ничего более мне было не нужно. У меня была мечта: увидеть однажды изобретённый мной аппарат в собранном и рабочем состоянии, но более того – полететь на нём, увидеть землю с высоты птиц, в сущности – обрести собственные крылья! Ты же понимал мою мечту? Не бойся сказать мне правду, прошу.

– Если быть с тобою честным, то на первых порах ты мне казался просто чудачком. Будучи интересным собеседником и хорошим другом, в годы нашего обучения в реальном училище ты не вызывал у меня ничего иного, кроме недоумения и снисходительной улыбки. Однако, едва мы поступили в столичный университет, где оказалось полно таких же чудачков, каким мне казался и ты, я перестал тебя воспринимать таковым. Наверное, именно тогда я и понял твою мечту

и то, чем ты живёшь.

– Спасибо за откровенность, брат, – почесал в затылке Александр. – В общем, дело обстояло таким образом. В тот судьбоносный день, когда мы узнали о лекции Александра Фёдоровича, я и познакомился с Гладерикой. Не в моих обычаях обсуждать людей за их спинами, однако доложу тебе, что она с первых же минут покорила меня. Ты, верно, думаешь: ну, приглянулась ему её походка, её изящная талия, миловидное лицо, длинные золотые волосы. Однако не это в ней оказалось самым главным. Знаешь, Коля, какое чудо произошло?

– Расскажи, – с улыбкой произнёс Коля.

– Она оказалась мечтателем. И мечта у неё была такая же, как у меня: обрести крылья. Понимаешь, Коля? Впервые в жизни мне встретился человек, который понял меня и мои стремления. Тогда я ей показал мои чертежи, а она сообщила, что зачислена в эскадрилью «Золотые крылья». И с того самого момента она не уходила из моей головы, являясь то в воспоминаниях, то во снах, то ясным образом посреди работы. Понимаешь ли ты, что значит для меня нынешний расклад событий?

Александр закончил говорить и немного перевёл дух. Взглянув на Колю, он увидел, что тот сидит со спокойным, стоическим выражением лица. Внезапно в голове юноши промелькнула одна мысль: Коля всё понял, и понял ещё долго до его исповеди.

– Мне ясны твои стенания, – молвил Коля, задумчиво вглядываясь в стоящие у него на столе предметы. – Можно сказать, об этом я догадывался и без твоего разговора. Ты любишь её, Саша.

Слова эти ножом прошлись по сердцу Александра.

– Люблю? Да как же так... Как это может быть? Чтобы я – и так?.. Господи...

– Это ясно, как безоблачный день. Ну, а в лесу, стало быть, ты практически признался себе в этом, иначе бы не написал ей письмо. На самом деле, тебя видно насквозь, словно ты не человек, а ледяная скульптура.

– Почему сразу же ледяная?.. – не то смутился, не то возмутился Александр. – А насчёт леса... Да, ты прав. На самом деле, ты очень умный человек. Ты просто виртуозно умеешь это скрывать, и в этом твоё преимущество. Порой скрыть свой ум от окружающих гораздо сложнее, чем обрести его.

– Уж не знаю, воспринимать ли мне это как комплимент, либо же оценить твоё мимолётное остроумие, – усмехнулся юноша. – Я, конечно, неправ в том, что назвал тебя ледяной скульптурой. Гораздо более резонным было бы назвать ею нашу дорогую Гладерику. Вот что, мой друг, – собрался с мыслями Коля и вдохнул в лёгкие побольше воздуха, – мне ты помочь никак не сможешь. Мой образ жизни, как бы это очевидно ни звучало, является лишь моим, и под силу его изменить лишь мне. Ты же находишься в той ситуации, когда всё только начинается, и ваши судьбы надо направить в

верную сторону. И что-то мне подсказывает, что верное направление – это не отдаляться друг от друга. Я помогу тебе с этим.

– Это будет очень признательно с твоей стороны, однако изволь пояснить, каким именно образом ты собрался мне помогать. Я безмерно тебе доверяю, но не навредишь ли ты своими действиями Гладерике?

– Успокойся и впредь не волнуйся. За время моих похождений по различным компаниям и прогулками с девицами я научился кое-чему, – подмигнув, Коля вернул своему лицу прежнее беззаботное выражение. – Прислушайся.

Александр наострил уши. Из кухни более не доставались голоса; лишь Оля напевала своим тонким голосом какой-то романс.

– Слышишь? Все ушли на прогулку. Нас, по-видимому, оставили здесь. «Семеро одного не ждут», кажется так? – пожал плечами Коля. – Но именно это сыграет нам на руку, ибо данное обстоятельство будет служить нам козырем в предстоящей беседе.

– Погоди... Ты хочешь провернуть всё именно сегодня? Именно сейчас?

– Если не сегодня – то когда, по-твоему?! Уже через пару часов их отвезут обратно на аэродром, и тогда уж мы встретимся в лучшем случае лишь на испытательном полёте нашего самолёта. А пока они гуляют по этому скучному городку, давай развлечёмся.

– Что? – спросил Александр. Это прозвучало от него несколько наигранно, однако за те месяцы, что они находились в этом доме, юноша действительно практически забыл слова «развлечения», «покой» и «отдых».

– Развлечёмся, – уже более заискивающе сказал Коля и, порывшись в выдвижном ящике своего стола, достал колоду карт. – Столько времени они ждали своего часа!..

Прошло немногим более часа, прежде чем в прихожей слышались голоса. Александр с Колей заблаговременно спустились на кухню. Вскоре после того, как дом вновь наполнился шумом, на кухню зашёл Ваня Орлов.

– Так вот вы где! Почему с нами не пошли? – спросил он громко у них.

– Сидели, обсуждали выполненную и предстоящую работу, – пожал плечами Коля.

– Вы чудаки, не иначе.

– Может и так... Слушай, где сейчас Гладерика?

– Должна была зайти в дом. Им скоро уезжать обратно на аэродром. А что, дело какое у вас к ней?

– Да, надо бы переговорить насчёт одного деликатного вопроса.

– Я понял, – протянул Ваня и взглянул на Александра. Всё это время тот сидел молча. – Не смею выпытывать больше. Ищите её либо в прихожей, либо в комнатке у Глаши.

– Благодарю, – сказал Коля и повернулся к Александру. –

Пойдём.

Однако в прихожей ни Гладерики, ни Глаши не оказалось. Тогда они вдвоём поднялись наверх и, отыскав дверь Глаши, тихонько постучались. Внутри тотчас послышалось копошение и перешёптывание.

– Кто там? – донеслось из-за двери высоким голосом.

– Николай Кирсанов и Александр Стефенссон, если позволите.

– Конечно, милые судари, прошу!

Глаша поспешила к двери и открыла её. Взору Коли и Александра предстала картина, что бывает лишь в девичьих покоях: лежащие на кровати платяца и шляпки, положенный на стол томик старого романа и сложенные в пеналы косметические средства.

– Чем можем вам служить? – спросила Глаша, по привычке отвесив реверанс.

– Вас не было на прогулке, – мягким голосом заметила Гладерика. – У вас были дела?

Александр уловил в её интонации нотки не то недоверия, не то лёгкой насмешки, не то вообще обиды. Виду он, однако, не подал, полностью доверившись своему другу.

– Ох, милые сударыни, – театрально вздохнул Коля, – в самый последний момент мы обнаружили недочёты в чертежах, не исправив вовремя которые, мы бы подвергли себя поистине чудовищному риску.

– Кто же вам угрожает?

– Ох, неужто вы не видите в герре Брауне того садистского огонька в его глазах?.. Если оступиться хоть раз – вовек он этого не простит!

– А мне герр Браун показался добрым, хотя и ворчливым весьма... – тихо молвила Глаша.

– Тсс, милая mademoiselle Полякова, – прошептал Коля, прислонив палец ко своим устам. – Он может нас слышать. Вы знакомы с ним сквозь праздные разговоры и не знаете всей его тёмной натуры – и уж поверьте, это к вашему же счастью!

– Правда-правда? – пропищала Глаша.

«Эту девицу можно впечатлить даже такими дешёвыми кривляньями... – думал про себя Александр в момент этого диалога. – Она весьма мила, но до дурасти наивна».

– Чистая правда, милая! – настоял Коля, но тотчас перешёл на спокойный голос. – Впрочем, мы немного отвлеклись от темы. Милая Гладерика, вы спрашивали, были ли у нас с моим другом Александром какие-то дела в ваше отсутствие?

– Именно так, – тихо и спокойно ответила она, глядя на Колю чуть исподлобья и едва улыбаясь.

– Ну, так послушайте же! Как я уже и говорил ранее, мы обнаружили – вернее, вспомнили – о некоторых недочётах в наших чертежах, посему, оставив вас, мы удалились в свои покои ради их исправления.

– И чего же вам угодно в таком случае от нас? – чуть сильнее ухмыльнулась Гладерика.

– Ныне же, поскольку мы с вами не виделись уже очень давно, мы изъявили желание поговорить с вами по душам, поспрашивать у вас, как проходят ваши деньки на аэродроме... В общем, остаться удовлетворёнными вашим общением полноценно.

– Ваши желания мне ясны. Мы с Глашенькой с удовольствием выслушаем сперва ваш рассказ, а затем поведаем свой. Messier Кирсанов, будьте так добры: расскажите нам всё, как есть; и прошу вас – без лишних привираний и приукрашиваний!

– Я рад, что наша беседа складывается весьма благоприятным образом! – воскликнул Коля. – Однако я, к вашей немилости, зачастую склонен таки приврать и приукрасить и без того увлекательное повествование. Посему я возлагаю рассказ на нашего друга Александра.

Неприятный холод окатил юношу с ног до головы. «Такого от тебя можно было ожидать, – подумал про себя Александр. – Не представляю, что можно сделать со сложившимся положением дел». Помолчав немного, внутри его головы поселилась, наконец, мысль. Он обратился к девушкам:

– Я с радостью всё вам расскажу, милые сударыни. Однако для пушей наглядности мы с Николаем принесём из своих кабинетов макеты летательных аппаратов. Они суть промежуточный результат нашего умственного труда, посему без них никак не обойтись. Николай, не составишь ли ты мне компанию?

– Отчего бы и нет, – пожал плечами тот. – Милые сударыни, не будете ли вы против?

– Что вы, принесите! – воскликнула Гладерика. – Мне самой до ужаса интересно, каковым вышли наши летательные аппараты.

– Что же, в таком случае – ждите нас через миг, – склонил голову Коля и с этими словами покинул вместе с Александром в комнату.

Тот внимательно взглянул на своего друга.

– Идём.

– Куда?

– В комнату, ясное дело.

Уже находясь на месте их недавнего разговора, Александр уставился на своего друга томительным и тяжёлым взглядом.

– Я даже не буду пытаться выспросить у тебя, с какой стати ты устроил этот спектакль. Ясно лишь одно: из-за тебя мы теперь выгядим как совершеннейшие дураки! Должен сказать, у тебя данное состояние всегда прекрасно выходит. Да ещё и... – юноша оглядел наполовину пустую комнату. – Макеты аэропланов у нас спрятаны куда-то очень глубоко. Что же ты за человек такой?..

– Обижаешь, – скорчил грустное лицо Коля. – Вообще-то, это часть моей большой задумки, как оставить тебя с Гладерикой наедине.

– Я не вижу движения к этому.

– Зря! Сейчас мы снова пойдём к ним.

– Каков же дурень... – тяжело вздохнул Александр. – Ты действительно считаешь, что кто-то с нами после такого фарса будет разговаривать как с нормальными? Нет, брат, действуй как хочешь, но я с тобой больше к ним не пойду. Хватит с меня позора.

В ответ Коля улыбнулся. Такая быстрая смена выражения лица в тот момент раздражала Александра.

– Я прошу тебя в последний раз довериться мне. Скоро пройдёт шесть часов, и наши гости будут вынуждены отправиться обратно. Это твой последний шанс.

Воцарилось молчание, продлившееся с минуту. Александр замер в нерешительности. «С одной стороны, – думал он, – Коля тот ещё прохиндей и, возможно, сейчас просто забавляется. В таком случае, у меня нет особого смысла ему верить».

Густая листва за открытым окном шелестела уже не так громко, временами как бы пугаясь внезапного порыва ветра.

«А с другой... Что я потеряю, если таки поведусь на его желания? Или мне не хочется лишний раз просто увидеть её? Стало быть, стоит согласиться. А, чем чёрт не шутит! Отказываться, что ль?».

– Ладно, Бог с тобой. Веди. Но это в последний раз, учти.

– Хвала небесам! Пошли. И ни слова от тебя ровно до того, как ты не останешься с Гладерикой наедине! – воодушевленно молвил Коля и первым вышел из комнаты.

Вновь дойдя до девичьей комнаты, они на мгновение оста-

новились. Коля многозначительно взглянул на своего друга, а затем, приложив палец к устам и коротко вздохнув, тихо постучался.

– Это вы, милые судари? – раздался голос Глаши.

– Так точно-с, госпожа, – ответил звучно Коля.

Дверь тотчас отворилась. На юношей из-за неё смотрела несколько удивлённая Глаша.

– Милая сударыня Полякова, вас просит к себе доктор Ларсен, – с порога выпалил Коля.

– Правда? Ой! – спохватилась девица. – Гладерика, подожди меня здесь. И вы, судари, подождите меня здесь.

– Теперь дело за тобой, брат, – шепнул Коля на ухо Александру, а затем развернулся.

Лишь только Глаша и Коля вышли из комнаты, дверь тотчас закрылась. Александр и Гладерика наконец остались наедине, в тихом и немного жарком, по ощущению Александра, помещении.

– Странные дела... – тихо сказала девушка. – Надо полагать, макеты аэропланов вы запомнили принести?

– Прошу прощения, – ответил Александр. – Простите, ради Бога, меня и моего незадачливого друга. Коль бы не он, я бы обязательно нашёл повод к беседе с вами.

– Вы так уверены в этом?

На лице Гладерики промелькнула улыбка. Так обычно улыбаются люди, которым собеседник пытается врать или говорит несуразицу.

– Определённо... – с крайней неуверенностью в голосе молвил Александр.

– Ну, довольно об этом.

– Я согласен. В таком случае, расскажите, как вы поживали всё то время, что мы не виделись с вами? Как проходит ваша подготовка к полётам?

– Вам требуется честный ответ, либо же ответ ради поддержания разговора?

– Всегда выбирал, выбираю и буду выбирать первый вариант.

– Тогда, если говорить честно, то всё двойственно до крайней степени: настроение, обстановка, новые люди. Знаете, с одной стороны прекрасно я прекрасно понимаю, что избрала путь ко своей мечте, и это не может меня не радовать или не греть душу днями напролёт; а с другой... До чего же тяжёл и тернист этот путь, Александр! – тяжело вздохнула Гладерика. – День за днём мы занимаемся физическими упражнениями, постоянно тренируемся и учим теорию воздухоплавания. Что касается обстановки, то здесь так же противоречиво до крайности. С одной стороны – бесконечно прекрасные поля и леса, свежий ветер с севера, со стороны великого нашего озера... Каждый раз, когда я засыпаю вечером в палатке, меня пробивает дрожь от осознания величия тех мест, в которых располагается аэродром. Да и сам он – чудо инженерной мысли! Даже мои товарищи-офицеры восхищаются условиями, что были созданы для нашей под-

готовки. С другой же стороны – тоска. Невыносимая тоска по родному дому, Александр. Всё такое прекрасное – и такое чужое... Вот, что тяжко! К тому же, дни с самого первого нашего построения стали походить друг на друга как две капли воды. Только сегодня выпала возможность выбраться за пределы этого аэродрома. Каким бы красивым ни было место, рано или поздно свыкаешься с ним, разве не так?

– Истинно... Истинно говорите вы, – кивнул в знак согласия Александр.

– Я рада, что вы поняли меня, – склонила голову девушка. – Ну и, наконец, новые люди. Сколько же радости они мне доставили, а одновременно с этим – сколько горя! Взять хотя бы Гришу Доброва. Человек он порядочный и ответственный, педант и перфекционист, но горе его в том, что того же отношения к возлагаемым обязанностям он требует и от своих подчинённых. Подготовка благодаря ему превращается в сущий ад, и мы все рады побыть без его контроля хотя бы десять минут. Стало быть, и жизнь моя теперь – прочно сплетённые друг с другом блаженство и страдание.

Гладерика вздохнула и на мгновение взглянула своими глубокими синими глазами в окно. В отличие от комнаты Александра, это помещение выходило на городскую улицу. Юноша посмотрел в ту же сторону.

– А ведь вы приехали сюда ещё в феврале месяце? – спросила его Гладерика.

– Так и есть.

– Должно быть, город изменился за эти месяцы?

– Нашим городам не к лицу летнее платье, – отметил Александр и чуть улыбнулся. – Говорю я вам, как коренной северянин.

– Я согласна с вами, – улыбнулась в ответ Гладерика. – Снежный покров скрывает пыль и грязь, переливаясь на морозе так, как не перельётся ни один зелёный листочек, как бы он ни старался. Да и к тому же, от холода спастись и спрятаться легче, нежели от жары. И говорю я вам, как коренная жительница нашей столицы!

– О, вы будто бы читаете мои мысли! – воскликнул Александр. – Знайте: я считаю точно так же. Как хорошо, что мы друг друга понимаем на столь фундаментальном уровне.

Гладерика улыбнулась пуще прежнего. Однако вдруг она вновь приняла серьёзное выражение лица.

– Но и в лете есть своё очарование. Вы же согласны со мной? Положим, зимою снег блестит. Однако стоит жарким июльским днём выйти на побережье нашего залива – и дух захватывает от всего величия и грандиозности! Волны переливаются мириадами синих самоцветов, кидаются на песчаный берег, словно маленькие дети в объятия матери. Ветер так приятно треплет одежду на теле, и ты едва поддерживаешь шляпку, чтоб не улетела. А по морской глади снуют корабли. Корабли, Александр! Маленькие рыбацкие лодочки, большие иностранные пароходы, военные крейсера и торговые шхуны... Вечно бы наблюдала за кажущимся на первый

взгляд хаотичным их движением и размышляла, кто и зачем заходит в наш залив. Понимаете ли вы меня в этом, Александр?

– Безусловно, – ответил Александр. Ответил он нехотя, скорее чтобы не оставить её со своими воспоминаниями в одиночестве.

Однако тотчас же в его голове пронеслось яркое воспоминание из его прошлых лет. Вот он, ещё совсем юный, только окончил гимназию и вместе с семьёй отправился в небольшую поездку в столицу. Через болота, леса и по берегам озёр они выехали на широкий тракт, который уже вёл до самого города. Вот бричка выехала из тени густого соснового бора, наконец, на открытую поляну. Их встретили пригороды большой столицы, блестя в свете утреннего солнца золотыми куполами церквей. Проезжая по улице небольшой деревушки с каким-то финским названием, Александр посмотрел направо. Удивительная картина открылась его взору: небольшая пристань, где у нескольких причалов на волнах безмятежно покачивались пришвартованные лодки. На торце одного из пирсов сидел с удочкой крестьянин, смотря на поплавок. «Братик, смотри, море! – воскликнула сидящая с ним рядом его младшая сестра Ингрид. – Папа, мама, давайте остановимся и посмотрим на море!». Отец не в силах был перечить своей дочке, посему, переглянувшись с супругой, остановил бричку. Александр вместе со всеми направился к пирсам, и увидел тогда почти ту же картину, что

описала сейчас Гладерика: по заливу снуют корабли, море ласково треплет прибрежные пески, а чуть левее, в дымке, всё яснее проявлялись очертания земли и города на ней. От осознания всего величия и всей красоты этого места Александра окатило мурашками по всему телу. Так далеки, но так теплы были эти воспоминания...

Между тем он потерял счёт времени, и Гладерика вернула его в реальность:

– О чём вы задумались, Александр?

– Я вспомнил, что испытывал нечто подобное тому, что вы описали, ещё в глубоком юношестве...

– Тогда вы тем более меня понимаете! Ну, впрочем, довольно обо мне. Времени у нас осталось совсем немного, поэтому поскорее расскажите о себе, – сказала Гладерика и вперила взгляд в Александра, отчего тот смутился и отвёл взгляд в окно.

– О многом уже было рассказано вашим двоюродным братцем и нашим общим приятелем Николаем. От себя добавлю лишь то, что несмотря на очевидные трудности, мы упорно и небезуспешно двигаемся к намеченным целям.

– Вы отвечаете, словно чиновник низкого ранга, – усмехнулась девица. – Никудышный из меня ревизор, не правда ли?

– Уверен, и в этом амплуа вы будете смотреться прекрасно, – ответил комплиментом Александр, однако смысл послания уловил. – Ваш аэроплан, дорогая Гладерика, будет в

скором времени испытан в качестве макета.

– Вы таки сделали макеты! – воскликнула Гладерика, и глаза у неё оживились.

– Так точно, однако они хранятся Бог знает где. Если хорошо порыться в ящиках, то можно их найти, однако, как вы правильно отметили, времени у нас осталось немного.

– Какая жалость... – ответила Гладерика, отведя взгляд от Александра.

– Вы просто не представляете, насколько этот аэроплан будет красивым! Всё – от шасси до последнего куса фанеры – математически выверено, оттого и будет он прекрасным.

– Мне хочется в это верить, дорогой Александр, – вздохнула Гладерика. – Хочется верить, что однажды я увижу воочию ваше творение и прикоснусь к нему...

– А я увижу вас летящей высоко в небе, как вы и хотели. Если бы вы знали, насколько это желание сильно. Знаете, ведь именно оно в самые трудные дни добавляет мне уверенности в себе и побуждает работать тогда, когда кажется, что последние силы уже истрачены.

Щёки Гладерики залились румянцем, после чего она опустила глаза.

– Мне отраднo слышать, что для кого-то я являюсь такого рода музой. Спасибо вам за это, – тихо прибавила она и потёрла друг о друга свои руки.

– Позвольте, – тихо заметил Александр. – Разве у вас не было почитателей? Ни одного за вашу жизнь? Я просто не

верю, что у такой девушки не было толпы поклонников!

– А сами вы как думаете? – усмешливо молвила девушка, не поворачиваясь к нему.

В коридоре слышались шаги и скрип половиц. Спустя мгновение оттуда слышались приглушённые голоса Коли и Глаши, и в дверь постучались.

– Кто там? – для приличия спросила Гладерика.

– Это я, Глаша, – прошебетал знакомый тонкий девичий голосок.

– Входи, милая.

На пороге возникло две фигуры.

«Бог уберёт отвечать на этот вопрос, – подумал про себя Александр». Юноша повернулся к вошедшим.

– Мы вам не помешали? – спросил Николай, улыбаясь во всё лицо.

– Господин Александр и Гладерика... Сударыня, – обратилась Глаша, – нас вниз зовут доктор Ларсен и герр Браун.

– Какая жалость... Похоже, скоро отъезд, – добавил Коля.

– Вот как... Что же, не смеем им перечить, – сказала Гладерика без улыбки и повернулась к Александру. – Дорогой Александр, позволите ли вы мне одеться?

– Да... Конечно, – спохватился юноша и вышел из комнаты. – Коля, пойдём со мной.

Уже спускаясь вниз по лестнице, они завели друг с другом разговор:

– Ну, как? – спросил Коля. – Меня прямо-таки распира-

ет от любопытства. Ты признался ей в любви? Она ответила тебе взаимностью?

– Коля, изволь, – прошипел на него Александр.

– Всё понятно, – вздохнул Николай. – Ну, легче хоть стало?

– Говоря честно – определённо стало.

– Ну и славно! Так, глядишь, что-то и выйдет, – улыбнулся Коля.

– Твоя улыбка мне сегодня порядком надоела, – вздохнул юноша. – Весь день она не предвещала ничего хорошего.

– Ну, что уж тут поделаться... Люблю я улыбаться.

Так они дошли до кухни, где собрались гости, и Оля хлопотала на кухне.

– А вот и вы! Где вы пропадали? Почему с нами на прогулку не пошли? – спросил сидящий напротив двери Миля.

– Не припомню, чтобы кто-то нас позвал, – заметил Коля, подойдя ближе ко столу. – Лучше расскажи, что за затею вы придумали?

Последние слова он произнёс шёпотом. Миля посмотрел на него дико, с недовольным выражением лица. Затем подорвался и, отведя их двоих за дверь и прикрыв её, в прихожей начал объяснять:

– Ты бы ещё Грише Доброву это сказал! В общем, затея в том, что мы устроим ночные прыжки с парашютом и пригласим вас. Это же получится?

– Хм... – призадумался Коля. Однако внезапно его колени

чуть подкосились, руки задрожали, и он слегка подавленным голосом отрезал. – Нет-нет, это без меня.

– Никак высоты боишься? – улыбнулся Миля.

– Никак нет, просто я, в отличие от некоторых, вовсе не авантюрист. Тем более, прыжки будут осуществляться в темноте! Как вы собираетесь это устраивать?

– Подкупим или обманем караул, наденем лётные костюмы, полезем на вышку и поочерёдно спрыгнем. Это же весело, вы просто не пробовали ни разу!

Тут в разговор вмешался Александр:

– Когда планируете?

– Наверное, через месяц-полтора. Как надсмотрщики наши слегка подустанут, – хмыкнул Миля.

– Погоди... Ведь через месяц-полтора ваши аэропланы уже будут вам доставлены. Что насчёт не ночного прыжка, а ночного полёта?

Глаза у Мили загорелись.

– Дело говоришь! Только не разбудит ли шум мотора наше командование?

– А вы улучите момент, когда большинства из них не будет на аэродроме.

– Точно! Спасибо за предложение. Пожалуй, действительно стоит затеять ночные полёты. А то мало ли, кому достанется испытать новый аэроплан. Так полетают все, правда?

– Мне всё равно не нравится эта затея, джентльмены, – поморщился Коля.

– А мы тебя в таком случае не приглашаем, – грубовато ответил Миля. – Останешься здесь.

– Да больно мне нужно! Вы уж дальше как-нибудь сами, – пожал плечами Коля и отошёл. – Кстати, вам пора на выход, любезные дамы и господа. Как раз последние уже спускаются.

Послышался скрип лестничных ступенек. Со второго этажа спустились Гладерика с Глашей, готовые выезжать.

– Гладерика, Глаша, идёте скорей, нас тут выпроваживают, – съязвил Миля, указав взглядом на Николая.

– Ну, довольно вам. Дайте хоть со всеми попрощаться, – ласково сказала Гладерика.

Спустя некоторое время прихожую заполонили все обитатели этого дома и его гости.

– Было приятно провести с вами время, – сказал Ваня Дашков. – Хотя у вас, конечно, скромно и затхло. Приезжайте к нам! У нас природа, открытые просторы, озеро вот рядом.

– У нас тоже озеро, но за приглашение спасибо. Приедем, если позволят, – улыбнулся Ваня Орлов и пожал ему руку. – Сестричка, подойди-ка сюда.

Гладерика поспешила к нему и тут же была заключена в его объятия.

– Храни тебя Бог, – сказал ей Ваня. – Если что понадобится – сразу пиши. В отличие от тебя, у меня больше способов связаться с нашими родственниками.

Гладерика обняла его в ответ.

– Обязательно... Ты стал очень взрослым, братик. Любо на тебя смотреть. И тётушка Мария, твоя мама, тобой наверняка довольна!

– Не знаю, не знаю, – вздохнул юноша. – Впрочем, соберайтесь. Иначе опоздаете.

Отпустив её из объятий, он направился прощаться с остальными.

– Хорошо иметь с тобой дело, Серёжа, – отметил Миля. – Ты строг, конечно, но строг, прежде всего, к себе, в отличие от Гриши Доброва.

– Я знаю Григория Доброва, – ответил Серёжа. – Мы учились в одной роте. Всё-таки подчинённым он был совершенным. Его журнал поведения за все годы остался белоснежно чистым. В моём, например, было несколько записей об опоздании и беспорядке в личных вещах. Однако и я вместе с ним входил в число примерных кадетов. Мне есть, за что его уважать. Человеком он был замкнутым, друзей не имел. Мне кажется, что он просто хотел установить какие-то связи со своими товарищами, но не понимал, как правильно это делать. Да и, признаться честно, и я не умел особо.

– А потом что было?

– А потом, уже на выпуске из кадетского корпуса, к нам на смотр приехал Александр Фёдорович. Нас ему представили как самых способных и дисциплинированных учеников, после чего он забрал нас к себе, отправив меня сюда, в инже-

нерный, а его – под крыло Романа Ивановича, родного дяди.

– Ясно, – ответил Миля. – Возможно, Гриша не самый плохой человек и специалист, но его неумение обращаться с людьми всё портит.

– Конечно, портит, – подхватил Ваня Дашков. – Попробуй договориться с ним, хоть слово сказать не по делу. Чудовище!

– Наверняка ему очень не понравилось, что ему доверили командовать целой эскадрильей, я полагаю, – сказал Серёжа. – Не знаю, нужен ли вам сейчас совет, но он до боли очевиден: постарайтесь почём зря не конфузить его. Он достаточно чувствителен.

– Что же, мы учтём это, – сказал Ваня. – Ну а теперь действительно пора.

Часть гостей уже вышли на улицу. Чуть в сторонке стоял Коля. К нему подбежала Глаша.

– Любезный сударь Кирсанов, – обратилась она к нему. – Я обязательно покажу вам мой гербарий!

– Непременно, сударыня, – улыбнулся ей юноша. – Буду ждать вашего следующего приезда.

– И я буду ждать! – пропищала она и, поклонившись, проследовала ко дверям. – До свидания, дорогой Николай!

– До свидания, милая Глаша!

Попрощавшись со всеми, Коля ушёл наверх. Вскоре прихожая опустела, поскольку все ушли провожать на улицу. Остались лишь Александр с Гладерикой.

– Настала пора и нам попрощаться, – улыбнулась Гладерика.

– Стало быть... Когда мне ждать вас в следующий раз?

– Мы же встретимся на ночных полётах. Это будет увлекательный опыт.

– Не самый законный, правды ради...

– Меня это не волнует, Александр! – воскликнула Гладерика, и посмотрела прямо в глаза юноше. В её взгляде вновь читалась непреодолимая решимость. Такая решимость, что может сокрушить всё на своём пути. «Боже, да этот взгляд в чём-то даже страшен, – отметил Александр».

– Если это не волнует вас – то и меня тоже.

Гладерика тяжело вздохнула.

– Знаете, я безмерно рада, что вы говорите мне сейчас эти слова. Пусть вас хранит Господь.

– И вас тоже. Ну же, идите в машину, иначе действительно не успеете! – сказал Александр, чувствуя, как к сердцу подбирается едкая тревога.

– Мы полетим, Александр. Обязательно полетим! – улыбнулась ему девушка на прощание и, склонив голову, взяла свою дамскую сумочку и проследовала ко дверям.

– Истинно!! – крикнул Александр уже садящейся в автомобиль Гладерике.

Машина издала прощальный гудок, тронулась, а затем скрылась за поворотом.

Александр отправился к себе в комнату. Перед завтраш-

ним рабочим днём необходимо было отдохнуть, однако прерванный разговор с Гладерикой всё не давал ему покоя.

– Неужто действительно на самом деле она была одинока? Неужто действительно всё, что у неё было, это развлечения с двоюродным братом? И на светских раутах на неё никто не обращал внимания? – заговорил он сам с собой.

Мысли всё лезли и лезли, кололи всё больнее и больнее, а Александр отчаянно с ними боролся.

«Впрочем, через месяц или полтора я с ней увижусь. Чего торопить события? Тогда и поговорим...»

Успокоив таким образом немного свою мечущуюся душу, Александр наконец взял в руки книгу и принялся за чтение, чтобы уснуть уже со спокойной душой...

Глава 8. Тренировки.

Ночью у Ш-бурга шёл проливной дождь. Капли монотонно стучали по палатке, убаюкивая и успокаивая воспалённое и утомлённое сознание отдыхающих внутри девушек. К утру окружающая природа впитала живительную влагу: каждая травинка и иголочка на размашистых ветках старых сосен, каждый кустик и камушек покрылись серебристыми каплями, а воздух наполнился той характерной послеждождевой, приятно пахнущей свежестью. Солнце, будто бы недовольное отсутствием власти в своих руках на эти несколько коротких ночных часов, засияло так сильно, что именно подступающая ко внутренностям палатки жара заставила Гладерику подняться с деревянных нар раньше своей подруги Глаши.

Девушка не поспешила встать и лежала с открытыми глазами ещё несколько минут, прислушиваясь к звонкому пению птичек. Внезапно у её уха раздался высокий, противный писк. Гладерика непроизвольно хлестнула себя рукой, отчего ухо тут же загорелось. «Видно, это знак, – подумала она». После посещения комара сон как рукой сняло, поэтому девушка взяла косметичку и, приоткрыв полы палатки, прямо в пижаме направилась к умывальникам. Вокруг стояла спокойная тишь, нарушаемая лишь утренними песенками жаворонков и стрекотанием цикад в траве. Пройдя несмело

пару шагов босиком по росистой травке, Гладерика ощутила небывалый прилив сил. Если до выхода на улицу она то и дело зевала, то сейчас, уже совсем бодрой, девушка зашагала солдатской походкой. Уже стоя у умывальников, она поправила свои длинные золотистые волосы, после сна выглядевшие изрядно взлохмаченными, и раскрыла пенал с незамысловатыми средствами личной гигиены: зубная щётка, порошок, гребень для волос и маленький тюбик крема для лица. Несмотря на дворянское воспитание, Гладерика с ранних лет в косметике была неприхотливой. Ей не доставляло особого удовольствия наводить марафет каждым утром, как того требовалось в Смольном институте. Здесь же она могла ограничиться самыми основными процедурами, не боясь косых взглядов и замечаний. Едва закончив умываться, Гладерика развернулась и уже было направилась к палатке, как друг встретила практически нос к носу с Гришей Добровым.

– Здравия желаю, – сказала тихо девушка и улыбнулась.

– А? – уставился сонным взглядом командир. – Фамилия?

– Дельштейн-Орлова.

– А... Это ты, – протёр глаза Гриша. – Доброго утра. Ты чего так рано?

– Не спалось, ваше благородие. Вот встала, дабы успеть к утреннему построению.

Всё это Гладерика говорила мягким полушёпотом – таким ласковым, что Гриша и не подумал возмущаться.

– Пожалуй, тебя можно даже похвалить за то, что не стала

нежаться на нарах, как это обычно делают твои товарищи, – поразмыслив немного и окончательно взбодрившись, Гриша добавил. – Ну, желаю удачи. Разбуди там свою подругу.

– И вам, ваше благородие! – ответила реверансом Гладерика, нисколько не смутившись тому, что стояла она перед командиром в пижаме. – Так точно!

И девушка побежала по уже сохнувшей траве. День обещал быть жарким – с самого утра солнце нещадно начало жечь территорию аэродрома.

– Хоть бы несчастная Глашенька там заживо не сварилась... – сказала Гладерика самой себе и прикрыла лицо ладошкой.

Совсем скоро над лётным полем, отдавая гулким эхом в окрестные леса, уносясь в крестьянские поля, взмыли крики дневального:

– Эскадрилья – подъём! Выходи строиться на утреннюю физическую зарядку! Подъём!

Уже спустя минуту из палатки начали высовываться зашпанные лица юношей. Гладерика, тем временем, за эту минуту с небольшим успела переодеться в спортивный костюм. Он состоял из синей майки, такого же цвета хлопковых брюк, берета и кед. На каждом элементе одежды имелись нашивки с эмблемой эскадрильи, а на майке красовался ещё и позывной кандидата.

Спустя несколько мгновений Гладерика первая встала в строй на своё место. Спустя столько времени на этом пятач-

ке оказалась практически вытоптана трава. Комичным было то, что таких пяточков стало двенадцать – и все они располагались в один ряд. Перед флагштоком со спущенным знаменем уже стоял с листами бумаги Гриша Добров. Он стучал по планшету пальцами и то и дело, хоть до официального построения было ещё пять минут, посматривал на карманные часы.

– Ну хоть ты не подводишь, – пробормотал командир, посмотрев на Гладерику.

Девушка в ответ захотела указать на то, что время ещё никоим образом не поджигает, но решила промолчать. Всё равно спустя мгновение в строй встал вечно невозмутимый Стёпа Адлерберг. Гладерика улыбнулась и кивнула ему в знак приветствия. Он ответил тем же, только без улыбки. «Скорее уж, мир перевернётся с ног на голову, – думала Гладерика, – чем Стёпа улыбнётся в знак приветствия. Однако всё равно человек он замечательный – надёжный и целеустремлённый!». Сегодня утром ей хотелось думать таким образом обо всех. После вчерашних разговоров с Александром и старыми друзьями – пусть даже таких кратких и временами недосказанных – она ощутила прилив жизненных сил. И сил этих стало так много, что ими стало впору делиться с окружающими. Сама того не заметив, Гладерика продолжила улыбаться.

– Доброго утра, госпожа, – шутливо поздоровался с ней подошедший сзади Ваня Дашков. – Вы сегодня необычайно

веселы! Что-то особенное случилось?

– Разговорчики! – тут же отреагировал Гриша.

– И тебе доброго утра, – шепнула ему Гладерика.

Дашков слегка приподнял в удивлении бровь, однако кивнул и встал на своё место. Таким образом, спустя пару минут весь состав эскадрильи был в строю.

– Эскадрилья, равняйся! Смирно! – скомандовал Гриша Добров. – Поднимать знамя сегодня выпадает честь... А, впрочем, и думать особо и нечего. Самые примерные на сегодня кандидаты – «Аурус» Дельштейн-Орлова и «Старгейт» Адлерберг. Впрочем, как и всегда. Что же... «Аурус», «Старгейт», ко знамени бегом – марш!

Гладерика и Стёпа послушно повиновались. И вот они встали по бокам флагштока. Стёпа уступил место девушке, встав рядом и приняв стойку «смирно».

– Знамя нашей великой страны – поднять!

И весь личный состав, повернув головы ко знамени, тотчас снял спортивные береты. Гордо блеснули на июльском солнце нагрудные значки. Все двенадцать человек, вместе с командиром, запели гимн. Слова в нём были незамысловатыми – прошение у Бога о сохранении Императора и о его царствии во их славу. Однако, когда практически мужской хор исполнил его мощными и приятными голосами, в воздухе над аэродромом повисла, пусть на несколько минут, строгая торжественность, заставившая некоторых учащихся поднимать голову чуть выше, некоторых выпрямиться чуть строй-

нее, а иных и вовсе закрыть глаза.

Когда гимн и утренняя молитва были спеты, Гриша Добров перекрестился и скомандовал подчинённым:

– Вольно! Головные уборы надеть! Налево бегом – марш!

Начался следующий, самый нелюбимый у многих, этап обычного дня у личного состава – утренняя пробежка, зарядка, гимнастика и разминка. В жаркие и сухие дни, подобные сегодняшнему, когда солнце нещадно палило уже с самой рани, командир отдавал приказ проводить ещё и разминку в Л-жском озере, до которого кандидатам необходимо было добежать через сосновый бор. Там их ждал специально оборудованный пляж с небольшим деревянным пирсом, откуда они отрабатывали прыжки в глубокую воду. Гладерике и Глаше, как единственным девушкам, не дозволялось находиться вместе с юношами – для плавания им было выделено время непосредственно после водных процедур всех остальных.

А пока что Гладерика бежала вместе с остальными, роняя на землю становящиеся всё тяжелее с каждым следующими ста метрами капли пота. Необходимый норматив в два километра они выполняли быстро. Затем становились на зарядку: каждый раз её проводил один из двенадцати кандидатов. На сей раз жребий выпал Миле Друцкому. Он всегда мог завести всех остальных своей энергичностью, поэтому кислые мины на лицах юношей пропали уже спустя минуту, как они провели стандартную разминку «с головы до ног».

– Не-жить! – восклицал задорно Миля, смотря на размахивающих руками своих товарищей. – Эдак вам могилы впо-ру будет копать, а не летать.

– А сам-то? – С улыбкой на лице парировал его вечный соперник – такой же энергичный, но более язвительный Ва-ня Дашков. – Как говорит наш Гришка-иезуит, «разговорчи-ки!», – передразнил манеру речи своего командира юноша.

– Вот будешь зарядку вести – тогда можешь приказывать мне хоть на колени встать.

– И что же, встанешь?

– Нет, – притворно удивился Миля. – Давай, делом зани-майся. Та-ак, теперь делаем наклоны.

Гладерика наблюдала за этим обыденным действием, и глу-боко внутри неё играла радость. Она вдруг поняла, что силь-но привязалась к этим юношам, которые, по большому счё-ту, являются конкурентами как ей, так и друг другу. Мысли об этом унесли Гладерику совсем в другое русло. «Но ведь я, именно я обязана первой испытать аэроплан Александра! Иначе смысл всего моего пребывания здесь просто потеря-ется... – думала девушка».

«Летать научатся здесь все из вас!» – эхом пронеслись у неё в голове слова Романа Ивановича. «Но ведь уникальный летательный аппарат на то и уникальный, что построен будет до поры до времени лишь в одном экземпляре. До чего же бу-дет досадно, если Александр, вдохновлённый моей мечтой, создаст своё творение не для меня... – противные мысли всё

никак не уходили из её головы». Физические упражнения не помогали, а лишь концентрировали на них внимание.

Разминка была закончена. Юноши поплелись ко своим палаткам за полотенцами, мылом и сменной одеждой, а Гладерика проследовала на опушку леса.

«С другой стороны, – размышляла она, идя по пыльному лётному полю, – почему я вообще вспомнила об Александре? Резона вспоминать его даже неделю назад как-то не находилось. Интересно, как он там поживает?.. Имеет ли пищу в достатке, отдых? Ах, Боже мой, – девушка резко встряхнула голову, – да всё у него замечательно, скоро приедет к нам, сюда. Я совершенная дурочка, раз полагаю, что он в городе в чём-то испытывает неудобство!..»

Солнце уже не просто пекло; оно выжигало своими лучами, испепеляло каждого, кто осмелился бросить ему вызов, встав под открытым небом. Едва заглянув в палатку, Гладерика с ужасом отпрянула назад: внутри образовалась самая настоящая баня, и девушка не на шутку забеспокоилась о находящейся там Глашеньке. Гладерика не мешкая приподняла полы палатки, закрепив их на рядом лежащих досках, а затем стала нежно будить свою подругу:

– Милая, вставай. Так и тепловой удар недолго заполучить! Сейчас купаться пойдём, тебя надо остудить.

Первые мгновения Глаша ничего не соображала и промямлила что-то невзрачное в ответ. Однако после нескольких настойчивых попыток со стороны Гладерики девушка

всё же открыла глаза.

– Господи, какой жар... Милая сударыня, я горю, – при-слонила ладошку ко своему лбу Глаша. – Неужто я заболе-ваю?

«Вот обо мне бы лучше вспомнил, Александр, каково жить в жару в тёмно-зелёной палатке, – про себя усмехну-лась Гладерика. – А то лишь моя головушка-то о тебе всё печётся». Вместе с тем она приподняла на руки Глашу и прак-тически понесла её на выход.

– Милая, на открытом воздухе тебе станет легче, – сказала Гладерика. – Прошу тебя: потерпи немного.

Свежий воздух и впрямь привёл Глашеньку в чувство. Некоторое время она лежала на густой траве лесной опушки, однако вскоре приподнялась.

– Какой жаркий сегодня денёк... – вздохнула девица, за-прокинув голову назад.

– И не говори, – сказала Гладерика, всё время сидевшая подле неё. – Ты чуть не получила тепловой удар. Нам с тобой бы освежиться...

– Исккупаться?

– Конечно. Другого способа охладиться в столь жаркую погоду я просто не могу придумать. Кстати говоря, что-то юноши задерживаются. Совсем о нас не думают!

– Точно-точно! Нам бы вот прямо сейчас – и в прохлад-ную воду! Неужто эта жара с нами на всё лето?..

– В наших широтах редко бывают жаркие дни. Вот совер-

шит солнце ещё одну двенадцатую дольку оборота вокруг солнца – и у нас будет уже август.

– Если бы ты знала, как я не люблю август!

– Да? – удивилась Гладерика. – А вот лично мне он очень по нраву. Исключая, пожалуй, то, что именно тогда следует вновь посещать занятия в институте. Глаша, а где училась ты?

– Я? Я училась в обычной женской гимназии, в столице. Там я овладела базовыми науками, а потом батюшка с матушкой отдали меня на попечение доктору Ларсену. Он им приходится не то двоюродным дядюшкой, не то просто давним знакомым. Конечно, они состояли с ним в весьма близких дружеских отношениях, – а я слыхала, что доктор Ларсен однажды спас мою матушку от аппендицита, оттого-то и стали мои родители с ним дружить, – поэтому я нисколько не боялась, что меня отдадут в его руки.

– Ты заинтересовалась медициной?

– Да! Ещё в двенадцать лет я начала изучать книги по медицине, вычитывала в газетах и журналах статьи о чудесных выздоровлениях тяжело больных и об открытых препаратах. До чего же я признательна батюшке с матушкой за то, что они не стали препятствовать моей страсти, а напротив – дали мне такого наставника, который мне проложил путь к моей мечте!

– Что же у тебя за мечта?

Впервые за время рассказа Глаша смутилась.

– Ты же не будешь смеяться?..

– Ну что ты! Мечта ведь должна быть у каждого. У меня она есть – отчего же у тебя её не должно быть? Расскажи!

– Я мечтаю вылечить тысячу людей. Мечтаю открыть богадельню и содержать её в наилучших для бедных и больных условиях. А зарабатывать на содержание я мечтаю с помощью того, что открою свой лазарет, в котором будет работать множество сестёр милосердия.

– Какой же ты чистый человек, Глашенька! – воскликнула Гладерика. – А мечты твои поистине прекрасны. Я верю, что они обязательно сбудутся. Я буду за это молиться, уж поверь.

Глаша от слов восхищения смутилась ещё больше.

– Ну, полно тебе... Лучше расскажи, что ты будешь делать, если... Если станешь воздухоплавателем?

– Ты хочешь узнать о моих мечтах? – улыбнулась Гладерика. – Что же, они у меня есть, хоть и не такие грандиозные, как у тебя. Я бы хотела прожить долгую и насыщенную жизнь. Именно поэтому я и здесь. Нет ничего более захватывающего, чем полёт. Понимаешь, что это такое, Глашенька? Человечество всегда мечтало о том, как бы воспарить над своими жилищами, как преодолеть чёртову силу тяготения, как прорезать воздушную гладь – и вот, на моём веку, именно сейчас, это стало возможным! Причём именно тогда, когда я в самом расцвете своих сил! Так отчего бы не попробовать? Хотя бы не попробовать?..

– А как я думаю – неужто не лучше оставаться на зем-

ле? – пожалала плечами Глаша. – Я как взглянула на вас, как вы прыгаете с той вышки с парашютом – у меня чуть сердце не остановилось. В жизни бы туда по своей воле не полезла!.. Однако твою мечту я попрекать не смею – ты очень смелая и отважная, не то что я!

– Куда уж... Женщине не пристало быть смелой и отважной. Она должна выйти замуж, желательно удачно – а что уж общество наше вкладывает в это понятие, так это всё, что угодно, но не искреннюю любовь. И спорить, в общем-то, бессмысленно: удачный брак – это, прежде всего, финансовый лад в семье. Будут деньги – и супруги простят друг другу даже измену. А не простят – так и разведутся, но с приятной компенсацией.

Глаша призадумалась.

– Также женщина должна родить ребёнка и воспитать его. Нет, я не нигилист, милая, – усмехнулась Гладерика. – Ты не подумай. Я ценю и семью, и брак. У меня есть прекрасные родители, дядюшка с тётушкой, бабушки и дедушки, двоюродный братик – и это те люди, на которых в этом мире я могу в полной мере положиться. Просто... Пожалуй, лично я не могу принять ту модель брака, которая существует в нашем современном мире. Когда под словом «удачно» подразумевается не столько любовь, сколько материальное положение жениха и его семьи; когда эталон мужчины – суровое, беззастенчивое и наглое создание, которое никогда не преминет возможностью покичиться перед девушками. И девуш-

ки восхищаются им – вот, что самое досадное! Я не готова вписаться в такой характер отношений между полами. Циник ли я? Во всяком случае, во мне эти черты присутствуют. Но именно это мне позволяет оставаться собой. И ещё раз: я не нигилист и не мизантроп, мне приятно находиться среди людей, особенно если люди эти имеют схожие со мной интересы и стремления. Однако мне не понять тех уз, которые выстраивает большинство людей моего возраста друг между другом. Наверное, именно поэтому я особо никогда не была в центре какого-либо движения.

Когда Гладерика закончила, Глаша ещё некоторое время задумчиво смотрела на траву, в которой копошились муравьи, усердно таская еду и строительные материалы к себе в жилище.

– Но ведь не всегда же в браке первое место занимают материальное благосостояние супругов, – возразила девица. – Я, например, мечтаю встретить такого человека, который примет меня в любом положении, с любым приданым. Тогда и я смирюсь с любым его положением, пусть даже он будет голодным и бездомным! Если он меня полюбит – я накормлю его со своих рук, обогрею и одену, чем смогу.

– Это называется настоящая любовь, милая. Ты замечательный человек – добрый, светлый и кроткий – и я молюсь, чтобы всё в твоей жизни сложилось хорошо. Самое главное, чтобы этот человек не обманул тебя, чтобы не разбил нежное твоё сердечко. Иначе мир навсегда потеряет такую пре-

красную девушку, как ты.

– Прошу, не надо, – снова смутилась и покраснела Глашенька, понуриив голову. – Ты не менее прекрасна, а во многом и лучше меня.

– Так и будем с тобой здесь сидеть и обмениваться комплиментами, – вздохнув, ответила Гладерика, подняв голову к небу. – А по-хорошему, нам такие вещи должны говорить наши возлюбленные...

– И не говори! – закивала Глаша.

Совсем скоро юноши вернулись с водных процедур. Следующими пошли купаться и девицы. Прохладная вода Лжского озера сняла с них остатки сонливости, взбодрила и освежила их. И только после окончания купания, когда расплавленный мозг удалось вернуть в первоначальную форму, все тринадцать человек отправились есть.

Кормили их вкусно и сытно. Столовая располагалась рядом со штабной палаткой, где отдохали Гриша Добров и Роман Иванович, когда заглядывал на аэродром. Она представляла собой два стола, расположенных под холщовым навесом, защищавшим от дождя и зноя. По обыкновению, на завтрак им полагались различные каши, чай и сладости для пущей работы ума и кратковременного прилива сил. Вплоть до вступления в эскадрилью Гладерика не любила завтрак, ибо чаще всего до полудня её организм ни в какую не воспринимал еду. Однако после таких физических нагрузок, сделанных натошак, девушке волей-неволей пришлось полюбить

утренние приёмы пищи.

Сегодня она особо внимательно разглядывала, кто чем занимается за столом. По натуре своей она была очень наблюдательной и как бы всегда находилась чуть выше любого коллектива. В институте она всегда знала обо всех тонких взаимоотношениях между своими однокашницами. Девушке все доверяли свои секреты и рады были видеть в любой компании. Впрочем, в ответ они не особо любили слушать, но Гладерика это принимала со снисхождением и достоинством, особо из-за этого не переживая. Юноши то и дело переговаривались между собой, с аппетитом поедая горячую овсяную кашу. Особо разговорчивым — Миле и Ване — Гриша Добров даже сделал замечание. Однако и ему не было до наставлений своих подчинённых: он, как и все, с большой охотой поёдал завтрак. Спустя минут десять командир приказал встать на благодарственную молитву.

– Внимание, эскадрилья, – обратился ко вставшим из-за столов Гриша, – слушай мою команду. Сейчас вам даётся тридцать минут на переваривание утренней пищи. Далее у нас по расписанию – занятия на тренажёрах. Сейчас – вольно, разойтись!

После этой команды все разбрелись по своим палаткам. Гладерика с подружкой прошли ко своей. Девушка легла на нары и, положив голову на ладони, уставилась в потолок. Её посещали самые разные мысли: попытки расчёта планов её командира по занятиям мешались с воспоминаниями о родном

доме и об институтских вечерах. Ей казалось, что тёмно-зелёные скаты душевой палатки начинают растворяться, словно кинутая Глашей в воду таблетка, а над её головой начинает возвышаться ярко-синее глубокое небо. «Я обязательно буду там, – подумала Гладерика. – Посмотрю, как выглядит земля с тех высот, до которых никто ещё не добирался. Вот увидите! Глаша, и ты тоже обязательно увидишь. Надо лишь пройти эти испытания...».

Глаша, между тем, времени зря не теряла и уселась за столик, установленный внутри. Достала из своей медицинской сумочки тетрадь, развернула её на середине и, вооружившись карандашом, принялась усердно строчить записи.

– Что делаешь? – праздно спросила Гладерика.

– Да вот... Доктор Ларсен приказал обновить список ваших медицинских показателей, а вчера я забросила работу на четверти. Сегодня нужно доделать, ибо записи эти подотчётные.

– Кому же мы отчитываемся в своём здоровье?

– Да хотя бы Роману Ивановичу. А уж он волен делать с этими записями, что пожелает.

– А как же врачебная тайна? – нахмурилась Гладерика, представив, как показатели её здоровья вычитывают люди, сидя за круглым столом на совещании.

– Не беспокойся, – улыбнулась Глашенька. – Гляди, здесь всё просто: в первый столбец я вписываю ваши точные показатели – частоту сердцебиения, давление, рефлексы;

а во второй столбец идёт общая характеристика по здоровью. Что-то вроде «Полностью здоров», «удовлетворительно» и так далее. А уж это не защищено никакой врачебной тайной.

– Понятно, – почесала носик Гладерика. – Ладно, работай, работай.

Под звуки шуршащего по листу бумаги грифеля, под пение птиц и лёгкие порывы ветерка, задувавшего в поднятые пологи палатки, Гладерику быстро склонило в сон. За пару месяцев пребывания на аэродроме девушка твёрдо усвоила один урок: если есть хоть малейшая возможность задремать, необходимо всегда ей пользоваться.

– Глашенька, будь добра: разбуди, когда услышишь голос Гриши Доброва, – сказала, зевая, Гладерика.

– Конечно!

Сон после завтрака был абсолютно ей непривычен. После него она обыкновенно чувствовала себя бодрой и полной сил. Но чем дольше она находилась в этом тренировочном лагере, тем ценнее и ценнее с каждым днём стали ощущаться те короткие мгновения у царства Морфея, когда можно было сомкнуть глаза и набраться сил для новых физических и умственных нагрузок. Ведь, помимо регулярных упражнений, новобранцы могли часами сидеть в штабной палатке и, словно в гимназии, слушать лекции по технике безопасности, устройству самолёта или уставу их эскадрильи. Как правило, вёл их Гриша Добров, но несколько раз приезжал

давать уроки и Роман Иванович. Словом, испытаний и трудностей в нынешнем положении Гладерике хватало с головой, чего не скажешь об отдыхе. Поэтому, едва предупредив Глашу, она провалилась в сладкую дремоту.

Этого получаса девушке хватило на то, чтобы отдохнуть. Спала она некрепко, поэтому крик Гриши она услышала отчётливо:

– Эскадрилья, стройсь! Форма одежды – лётная.

Тотчас она подорвалась с нар, быстро надела синий комбинезон с упакованным в рюкзак парашютом, натянула на ноги коричневые сапоги, а на руки – синие перчатки, взяла со стола защитные очки и, оставив Глашу наедине с записями, побежала к шеренге.

Сразу после этого началась самая трудная часть дня. Эскадрилья прошла по лётному полю прямо ко спортивному городку, в котором находилась уйма различных снарядов, приспособлений и инструментов для занятий физическими упражнениями. Были там и всевозможные кольца, и турники, и брусья, и лесенки, и пристёгнутые к металлическим балкам пудовые гири, и спрятанные под навесом штанги, гантели и обручи. Впрочем, самым интересным был комплекс для отработки действий с аэропланом и парашютом. Выглядел он так: в ряд стояло шесть металлических остовов, отдалённо похожих на фюзеляжи, с подобием кабины. Возле каждого остова были установлены перекладки на высоте примерно двух с половиной метров, на которых с помощью

системы блоков были натянуты тросы, имитирующие парашют. Суть тренировки состояла в том, что каждый новобранец отрабатывал на данных макетах различные действия при полёте, в том числе и аварийные, залезая сперва в кабину, а затем, поменявшись со своим партнёром местами, карабкался на тросы. Такой тренировкой занималась эскадрилья ещё до прыжков с вышки. Если бы не эти тренажёры, прыжки увенчались бы несчастными случаями. Именно поэтому эти тросы были первыми, что опробовала Гладерика и её товарищи, как только они приехали на этот аэродром. Вот и сегодня они выстроились в шеренгу перед этими приспособлениями.

– Приступаем к отработке действий штатного и чрезвычайного характера, – скомандовал Гриша Добров. – Сейчас из вас будет сформировано шесть пар, и вы займёте свои учебные места.

Разбиваться на пары им было не привыкать. Гладерика, как и всегда на таких тренировках, выступила в паре с Милей Друцким. Все пары были сформированы по принципу соседства фамилий в алфавитном порядке, поэтому никаких задержек в этом деле не было.

– На первый-второй рассчитайсь! Первые – в кабину аэроплана, вторые – на парашют, бегом – марш!

Снова и снова Гладерика оказывалась первой в кабине воображаемого аэроплана, а её напарник карабкался на тросы в полном обмундировании. Девушка натянула очки на глаза

и взялась за подобие ручки управления.

– Начать имитацию радиопереговоров! – скомандовал Гриша Добров. – Сидящий в кабине – пилот, на тросах – принимающий радиограмму.

– Так точно! – ответили хором все.

Гладерика взялась за ручку управления и подмигнула Друзцкому, что можно начинать.

– «Аурус», это «Миля», как слышно, приём? – вися на тросах, начал проговаривать заученные фразы юноша.

– «Миля», «Аурус» на связи, слышно хорошо, приём, – ответила Гладерика.

– «Аурус», доложить о самочувствии и о показателях приборов.

– Самочувствие в норме, давление в норме, высотомер исправен, управление в норме.

– Принял. Приготовиться ко взлёту.

– «Миля», «Аурус» на исходной, ко взлёту готова.

– «Аурус», взлёт разрешаю.

– Принято.

Спустя несколько секунд, ухватившись за мнимую ручку управления, Гладерика продолжила докладывать:

– «Миля», «Аурус» на связи. Приборы работают в штатном режиме. Набираю высоту согласно плану.

– «Аурус», «Миля» на связи, принято. По плану тысяча футов, далее разворот на три часа.

– Принято.

Воображение девушки дорисовывало контуры летательного аппарата, будто она сидит не на земле, в подобии бочки, а в настоящем аэроплане, взмывая над аэродромом и над окружающими пейзажами.

Гриша Добров, тем временем, удовлетворённо смотрел на работу Гладерики и Мили. Он достал блокнот и сделал в нём какие-то записи.

– Эскадрилья, слушай мою команду. Новая вводная: сильный порыв ветра сбил аэроплан с курса.

Гладерика чуть поразмыслила, но тотчас вспомнила, что необходимо докладывать в случае такой непредвиденной ситуации:

– «Миля», приём!

– «Аурус», «Миля» на связи.

– «Миля», внештатная ситуация. Предположительно – сильный порыв ветра. Эшелон – один-ноль.

– «Аурус», сохранять спокойствие. Начать снижаться по плану до эшелона ноль-семь.

– Принято.

Гладерика чуть надавила от себя на неподвижную ручку управления.

– «Аурус», считать показания компаса.

– «Миля», курс юг-юго-восток.

– Принято. При снижении плавно выводи на курс восток.

– Принято.

Всё было сказано чётко, математически выверенными

фразами без лишних слов. С ними девушка ощущала себя отважным воздухоплавателем, которому были ни по чѐм никакие трудности на его пути. Слаженность пары снова отметил Гриша Добров:

– Пара «Аурус»-«Миля» – результат отличный. Пара «Старгейт»-«Тюльпан» и «Жасмин»-«Лилия» – результат хороший, «Тюльпан» – не считай ворон. Все остальные – результат удовлетворительный. Теперь меняйтесь местами.

Гладерика и Миля вылезли из своих тренажѐров, а затем девушка вскарабкалась на стропы и влезла в специальные петли для ног. Далее они повторили весь порядок радиосообщений, только на месте воздухоплателя оказался уже Друцкий. Все переговоры были снова сданы на «отлично», поэтому никаких дополнительных нареканий к ним больше не было. Когда тренировка закончилась, Гриша приказал всей эскадрилье сделать пятиминутный перерыв, переодеться в спортивную форму и проследовать в штабную палатку для занятий по уставу и инструктажу перед полѐтами. Так обычно и протекал у них день: физические упражнения сменялись умственными нагрузками. Несколько раз к ним на аэродром приезжали преподаватели английского, немецкого и французского языков, словесности, математики, физики и инженерии. Это стройно сочеталось с надписью на плакате, который приказал повесить Роман Иванович у входа в штабную палатку во время одного из смотров. На нём был изображѐн бравый курсант в белоснежной парадной офицерской

форме, держащий в одной руке винтовку, а в другой – кипу учебников. Внизу же была подпись: «Отличный курсант всегда образован!».

На уроках Гладерика, в отличие от некоторых её товарищей, усердно занималась и внимательно слушала преподаваемый материал, а в свободное время она учила то, что им задавали. Так и сегодня: пока некоторые дремали на партах и просыпались от громко сделанных замечаний командира, девушка сидела с таким же спокойным, как и она, Стёпой Адлербергом и строчила в своей тетрадке выдержки из устава, которые зачитывали им. После утренних занятий по теории наступило время обеда, на который вся эскадрилья шла бодрым шагом. На это Гриша Добров обыкновенно отзывался: «Всегда бы так ходили, как на обед». Поев плотно, всем им была дана команда отдыхать в своих палатках, а после – приготовиться к заплыву в озере.

Оставшуюся часть дня Гладерика провела вместе с остальными по режиму Гриши Доброва. Всё это время в воздухе витал вопрос, заданный всеми участниками эскадрильи: кто первым опробует новый аэроплан? Несмотря на дружбу, все понимали, что являются друг другу соперниками. У каждого имелось это большое желание. Все знали это друг о друге, и с каждым новым днём напряжение между всеми нарастало. Это понимали и Роман Иванович, и Гриша Добров, которые всеми силами старались их нагрузить так, чтобы у них отпало желание вести между собой какие-либо

неприятельские разговоры. Впрочем, извне эти тренировки смотрелись так, будто бы взвод братьев по оружию стойко переносил все трудности, которые дают им командиры. И до поры до времени о разладе можно было не беспокоиться...

Гладерика впервые снова легла на нары в палатке уже вечером, когда ужин был съеден, знамя спущено, а Гриша отдал команду «отбой». Вести душевные беседы с Глашей ей уже не хотелось, поэтому, едва сомкнув глаза, она провалилась в сон, успев подумать лишь: «Уже совсем скоро...».

Глава 9. Ночной полёт.

Таким образом минула неделя. Вся эскадрилья порядком извелась в постоянной подготовке. Эту неделю Гриша Добров гонял их по спортивным тренажёрам особенно жестоко. Казалось, что пот после всех упражнений можно было со всех них выжать в большое ведро. Среди юношей поползли слухи, которые, впрочем, всю эту неделю ничем не подтверждались. Все ходили в ожидании чего-то большого и грандиозного...

И вот, после короткой передышки в воскресенье, рано утром все двенадцать участников были как обычно подняты со своих нар. Как обычно, после водных процедур, они выстроились перед флагштоком и Гришей. Как обычно прочитали молитвы, спели гимн и подняли знамя. После всех требуемых обрядов Гриша обратился ко стоящим перед ним:

– Эскадрилья! Доношу до вашего сведения, что после завтрака всем вам необходимо будет явиться в техническую зону нашей базы для проведения освидетельствования вверенных вам тренировочных аппаратов. Всю эту неделю вы трудились до седьмого пота отнюдь не случайно. Повторяю: после завтрака всем направиться в техническую зону базы.

Гладерика взволнованно осмотрелась. Ей в лицо прилетел луч выглянувшего из-под облака солнца. Солнечный зайчик, рождённый золотистой эмблемой на груди её костюма,

устремился ко штабной палатке и будто бы раскрасил её в такие же золотые цвета. Девушка посмотрела на своих товарищей: от них так же по палатке, по форме на Грише, по флагштоку бегали маленькие отражения солнца. Кто-то внимательно, а кто-то недоумённо смотрел на командира.

– Гладерика, не вертись, – сказал Гриша. – Все поняли приказ?

– Так точно! – хором ответили все.

Эскадрилья уже догадалась, зачем их всех позвали после завтрака к трём полукруглым металлическим цилиндрам, что стояли на окраине аэродрома. Ели они второпях, чем заслужили пару неодобрительных взглядов со стороны Гриши. А после эскадрилья направилась в техническую зону. Это и были те самые ангары, которые заметила Гладерика впервые как попала сюда. Юноши взволнованно переглядывались, что-то оживлённо обсуждали. Возле самих ангаров копошились техники, что-то перетаскивая, закручивая и бегая от одних ящиков к другим.

– Все привезли? – обратился к их начальнику, стоящему чуть поодаль с сигарой, Гриша.

– Так точно, ваше благородие, – лениво ответил он.

– Какое у них состояние?

– Всё отлично, уже несколько раз осматривали.

– Ну хорошо. Благодарю за столь большое дело!

– Рады стараться на благо Отчизны.

Затем Гриша обратился ко своим подчинённым:

– Эскадрилья, направляйся в ангары. По четыре человека в алфавитном порядке в каждый шагом – марш!

Гладерика направилась ко ближайшему ангару. Большие металлические двери были чуть приоткрыты, и она проскользнула сквозь щель в темноту большого помещения. Там, накрытых брезентом, она наконец увидела их: четыре больших самолёта, гордо расправив свои широкие крылья, будто бы птицы в клетке, жаждали вырваться из оков металлической тюрьмы и полететь навстречу ветру, который сегодня витал над аэродромом. Восхищению Гладерики не было предела. Она и думать забыла, что принадлежать ей будет всего лишь один самолёт, поэтому перебежала от одной машины к другой, не осмеливаясь их трогать. Вслед за ней вошли Стёпа, Ваня Дашков и Миля.

– Ну, каковы же красавцы! – воскликнул Миля.

– Это мы их ещё без брезента не увидели, – подхватил Ваня.

– Это просто восхитительно! – поддержала Гладерика. – Стёпа, не правда ли?

– Правда, правда, – улыбнулся он.

– Что же с ними сейчас делать? – спросил Ваня. – Гришка что-то нам говорил о том, что данные машины нужно будет освидетельствовать. Чёрт знает, что это такое.

– Наверное, потребует в бумагах каких-то расписаться, – ответил ему Миля. – Зачем же нас пустили сюда?

– Вестимо, чтобы мы оценили наших будущих птичек, –

с улыбкой сказал Ваня и, подойдя к одному из аэропланов, потрогал брезент.

– Нам же их выкатят сейчас? – спросила с надеждой в голосе Гладерика.

– Должны. Наверное, по очереди, по четыре единицы на поле, – ответил Миля.

Извне до них донёлся голос Гриши:

– Четвёрка из первого ангара, выходи строиться!

– Ну, что и требовалось доказать, – пожал плечами Миля.

Теперь перед ними полностью открыли двери ангара. Внутри забежали техники и принялись снимать с аэропланов накидки, карабкаться по многочисленным лестницам, что-то крутить и убирать. Гладерика, Стёпа, Миля и Ваня вышли на свежий воздух и посмотрели на свой ангар. Спустя несколько минут из него выкатили первую машину. Первым делом она пустила солнечный зайчик хромированным покрытием мотора прямо Гладерике в глаза. Она быстро зажмурилась. «Ну вот, не успела выползти на волю, а уже резвишься, – подумала девушка». Техники поставили аэроплан носом к полюсе, а затем, нацепив на его шасси колодки, побежали выкатывать другие. Теперь машина сияла всеми своими гордыми чертами: приподнятая носом кверху, она будто бы смотрела в небо, тянулась к нему размашистыми крыльями. Фюзеляж её был чист – лишь небольшой слой краски был нанесён в зазорах между мотором и кабиной. Через пятнадцать минут три остальных аэроплана красовались на лётном поле.

– Я чувствую мощь, исходящую от них, – заворожённо проговорил Миля.

– Я только сейчас начинаю осознавать, что они – наши, – сказал Ваня. – Мы же придумали для них имена.

– «Старгейт», «Тюльпан», «Аурус», «Миля», – обратился к ним по позывным Гриша, – подпишите сейчас документы.

– Так точно, – ответил Стёпа за всех.

Гриша подошёл с карандашом и листом бумаги. Облокотившись на крыло самолёта, он позвал всех к себе.

– Сейчас вы впишете название своего летательного аппарата напротив своей фамилии, а затем поставите свою подпись. «Старгейт», ко мне.

Стёпа подошёл к Грише и взял у него из рук карандаш. Вскоре напротив его фамилии было выведено «Хартия». Подпись была поставлена, и Стёпа отошёл от командира.

– «Тюльпан», ко мне.

Ваня, памятуя о шуточном споре с Милей на прыжках, гордо написал напротив своей фамилии желанное «Мирабель».

Гладерика подошла к названию просто. Перебрав в памяти все пафосные и громкие слова, она вписала в нужной рамке умеренное «Виктория». Подойдя к Миле, она спросила у него:

– Ты не откажешься от своего названия?

– Ни в коем случае! – отрезал он. – Ох, и долго же я ждал этого момента.

Подойдя к Грише, он гордо вписал слово «Глория» и оставил подпись.

– Теперь всё готово, аэропланы ваши, – сказал Гриша, свернув лист бумаги и убрав карандаш в карман. – Более того, вы вольны выбирать между ними, так как они абсолютно одинаковые. Правила обращения с ними я вам ещё раз зачитаю после освидетельствования.

– Так точно! – хором ответила четвёрка.

– Сейчас подойдите к начальнику инженерной службы и возьмите у него брошюры со сведениями о летательных аппаратах.

Далее предстояло внести в список названия аэропланов других людей, выкатить машины на воздух и выслушать инструктаж Гриши. После того, как все дела, связанные с подготовкой аэропланов к эксплуатации, были исполнены, Гладерика проследовала в палатку ко Глаше.

– Дорогая, у меня сегодня праздник! – сказала Гладерика, едва показавшись в тени помещения.

– Ой, правда? Как здорово! В честь чего же этот праздник? – воскликнула Глашенька, оторвавшись от тетради.

– Мне дали мою первую в жизни птичку. Я назвала её «Викторией».

– Ты серьёзно? О, как я за тебя рада! Пусть она послужит тебе верой и правдой!

– Спасибо, милая, – улыбнулась Гладерика. – Мне дали брошюру с информацией о моей «Виктории», поэтому я бу-

ду её сейчас изучать. Гляди вот, – показала она пальцем на титульный рисунок, – здесь она показана в анфас и профиль.

– Какая красивая! – всё восхищалась Глаша.

– Не то слово! Это – моя птичка, буду беречь её как зеницу ока. Ну, взглянем же, – продолжила Гладерика, перелистывая страницу, – что там написано о её характеристиках. Хм... О! максимальный взлётный вес – 100 килограмм. Надо же! Эдак на две Гладерики хватит. Хотя и топлива нужно взять килограмм пятьдесят... Впрочем, не важно. Далее... Потолок высоты: 500 метров. Готова поспорить, что Гришка сократит это значение вполтину. Так, а что по тангажу?

– По чему? – переспросила Глаша.

– По тангажу. Это наклон самолёта относительно горизонта.

– Поняла.

– Максимально допустимый угол тангажа: 30 градусов. Да уж, слабенькая птичка. И на то, что чертил у себя Александр, не похожа. У того крылья в два яруса располагались, а у «Виктории» – всего-то в один. Впрочем, для тренировочных полётов подходит. Ох, Глашенька, милая, ты просто не представляешь, насколько я сейчас взволнована! Я ждала этих полётов, как не ждала даже выпуска из института!

– Я представляю твои чаяния, поэтому искренне за тебя рада! – воскликнула Глаша и обняла подругу.

– Так, а теперь нужно посмотреть условия эксплуатации, – продолжила Гладерика. – Ну, естественно, под дождём не

оставлять, могут промокнуть фанера и мотор; хранить в тёмном и сухом помещении... А на что нам ангары? Темно там, доложу я тебе – хоть глаз выколи. Далее: выкатывать, не держась за стойки шасси, только за крылья. Велик риск слома... Н-да, – разочарованно молвила девушка. – Какой нежный аэроплан. Неужто его хватит лишь на то, чтобы взлететь да один круг сделать?

– А разве вам нужно больше?.. – сказала было Глашенька, но спохватилась, увидев выражение лица Гладерики. – Нет-нет, я имею в виду, для тренировок, да и потом... Сама я – та ещё трусишка, различным машинам не доверяю... Вот и беспокоюсь!

– Ну, полно, полно, – улыбнулась девушка. – Конечно, в небе на таком аэроплане трюки не исполнить, но научиться держать эту махину в воздухе, да ещё и сделать так, чтобы эта махина тебя слушалась – для такого он вполне сгодится.

– Вот! Именно это я и имела в виду!

– Эх... Здесь много чего стоит изучить. К слову, здесь имеется инструкция по технике безопасности. Тебя интересует, каким образом эта машина может навредить человеку?

– Что ты! Знаешь, я столько себе вообразила за этот день... Пожалуй, лучше не читать этого.

– Как знаешь, – пожала плечами Гладерика. – В таком случае, читать я буду про себя, а тебя отвлекать более не смею.

– Тогда я возьмусь за тетрадки, – широко улыбнулась Глаша.

– Давай, моя хорошенькая, трудись славно!

Гладерика легла на нары поудобнее и, приотворив окно, вчиталась в текст, который в скором времени будет прилюдно пересказывать Гриша. «Не стоять вблизи аэроплана при работающем моторе. Безопасная дистанция – 8 метров. Не садиться в аэроплан без должного обмундирования. Лётный костюм должен включать в себя: комбинезон, не сковывающий движения, перчатки для безопасности рук, сапоги для безопасности ног, очки для защиты от ветра и набегающего потока мотора. За спиной должен иметься парашют на случай аварийных ситуаций. Не препятствовать взлёту и посадке аэроплана. Не заводить аэроплан с остатками топлива. Не допускать взлёта аэроплана с обнаруженными изъянами...».

Последние слова Гладерика прочитала несколько раз, но так и не поняла. Её внимание было уже слишком рассеянным, чтобы осмысливать то, что было написано в этой брошюре. Отложив её, девушка потянулась, слезла с нар и направилась к выходу, намереваясь умыться. Однако на выходе она встретила Милю, который взволнованно направлялся в сторону палатки. Пересёкшись взглядом, Гладерика спросила у своего друга:

– Миля! Что ты здесь делаешь? Никак палатки перепутал?

– О, Гладерика, тебя-то я как раз и искал, – ехидно ухмылялся Миля, воровато озираясь. Затем он перешёл на шёпот, – Ты ведь не забыла о нашей затее? Ну, о ночных полётах?

– Никак нет, – тоже шёпотом ответила девушка.

– Вот и славно! Аэропланы уже есть. Осталось научиться на них летать. Благо, с тренировками Гриши это займёт совсем немного времени. Ты всё ещё в деле?

– Конечно, в деле, – кивнула Гладерика. – Что требуется от меня?

– От тебя – практически ничего. Мы джентльмены, или кто? Всё будет устроено. Главное: дожидаться момента, когда на аэродроме не будет почти никого из начальства.

– Да, я слыхала это уже. Когда же такие дни нам представятся?

– Я слышал, – совсем тихо сказал Миля, – что вскоре у Романа Ивановича состоится совещание в столице с высокопоставленными лицами. Мне мой брат передал, он в Преображенском полку служит поручиком. Так вот, соберутся практически все министры, тем или иным образом имеющие отношение к военному делу. Скорее всего, на это совещание поедет и Гриша, ибо когда ещё он увидит самого Витте! – хитро усмехнулся Миля.

– Неужто правда? – изумилась девушка. – В таком случае, у нас есть все шансы!

– Караульных и дневальных-то мы подкупим. Либо деньгами, либо твоей обаятельностью. И всё получится!

Глаза у Гладерики загорелись. Однако на мгновение потухли:

– Ох, и незаконно же это всё. До крайней степени неза-

конно, Миля. Есть у меня подозрение, что вся эта затея может либо вовсе не состояться, либо пойти наперекосяк.

– Пойдёт наперекосяк – поправим, не будь я Друцким! – уверенно сказал Миля. – Ладно, будем считать, что ты обо всём знаешь и на всё согласна. Ведь правда же?

Гладерика секунду помедлила, но затем, вздохнув, ответила:

– Правда, правда. Согласна. Уведомите меня, если что.

– Тогда замечательно. Будь здорова! Побежал я.

– А я и не чихала, – пошутила Гладерика и пошла к умывальникам.

Все предстоящие до важного совещания дни кандидатам предстояло провести на спортивной площадке. Однако теперь они с нетерпением ожидали начала тренировок непосредственно в небе. Гриша медлил, посчитав, что они были всё ещё недостаточно подготовленными для такого рискованного занятия. Впрочем, шли дни, тренировки продолжались, а все одиннадцать юношей и одна девушка всё крепили и крепили. До первого полёта оставалось совсем немного времени...

Рано утром Гриша построил всю эскадрилью на лётном поле, где их встретили Роман Иванович с Фридрихом Брауном. Гладерика сразу отметила перемены в привычном пейзаже аэродрома: теперь перед ангарами стояло несколько аэропланов, возле которых копошились техники, доставая из

стоящих рядом коробок всевозможные детали и неся их в ангары.

– Эскадрилья, равняйся! – скомандовал Роман Иванович. – Смирно! Что же, вот и настал тот день, когда вы впервые откроете для себя небо. Наши инженеры поистине потрудились на славу. В этих ангарах – самолёты, разработанные и собранные специально для вас. Сейчас, дамы и господа, я прошу вас расписаться в получении под ответственность двенадцати испытательных самолётов. Пусть каждый распишется рядом со своей фамилией.

– Роман Иванович, – обратился к нему Гриша Добров, – в получении самолётов каждый расписался уже до вашего приезда. Да и поглядеть они уже на них успели. Разрешите приступать к тренировочным полётам?

– Разрешаю, – улыбнулся Роман Иванович и потрогал себя за усы.

– Вы все услышали, – обратился ко стоящим Гриша. – Сейчас у вас есть тридцать минут перерыва, во время которого вы можете посмотреть на самолёты поближе. А далее у нас по плану – первый вылет по списку в алфавитном порядке. «Старгейт»!

– Я, – ответил Стёпа Адлерберг.

– Тебе выпадает честь первым совершить тренировочный полёт. Всего за день совершат вылет четыре человека. Поэтому «Старгейт», «Тюльпан», «Аурус» и «Миля» – подойдите в штабную палатку за планами и документацией.

– Так точно! – хором ответила Гладерика вместе с Милей, Ваней Дашковым и Стёпой.

– Что же, дамы и господа, поздравляю вас с этим днём, – сказал Роман Иванович. – Однако я посмею напомнить вам, что конечной целью вашего пребывания на этой тренировочной базе является совершить испытательный полёт на аэроплане новой конструкции, разработанном и ныне изготавливаемым по чертежам Александра Стефенссона. Тот, кто первым испытает данное воздушное судно, навсегда впишет своё имя в историю воздухоплавания и сможет управлять аппаратами посложнее. Поверьте, их разработка уже не за горами! Впрочем, все из вас научатся летать, даже не сомневайтесь в этом. Желаю вам большого рвения и удачи, дамы и господа!

Эта речь подействовала на участников эскадрильи ободряюще. Все они неосознанно приосанились, подтянули осунувшиеся из-за долгого стояния на солнце по стойке «смирно» спины, а на чьих-то лицах даже промелькнула гордая улыбка. Роман Иванович умел вселять надежду и уверенность в собственных силах – даром что он не пользовался этим умением каждое построение. Солнце вновь заплясало на блестящих эмблемах их комбинезонов.

– Впрочем, не смею вас больше задерживать, – закончил свою речь командир эскадрильи. – Мне очень жаль, что пребывающий обыкновенно в добром здравии Александр Фёдорович не смог приехать на сегодняшний смотр вследствие

плохого самочувствия. Конечно, годы берут своё... – задумчиво произнёс Роман Иванович. – Так давайте же чтить в своих сердцах имя нашего покровителя!

С этими словами Роман Иванович приложил руку к козырьку и замер со слегка прищуренными глазами. Его примеру последовала и вся остальная эскадрилья.

– Ну, довольно формальностей. Храни вас Бог, братцы и сестрицы, – уже неформально сказал командир и перекрестил их. – Вольно!

– Вольно, разойтись! – повторил команду Гриша.

– Что касается тебя, Григорий, – обратился Роман Иванович, – я бы хотел переговорить с тобою в штабной палатке наедине.

– Так точно, – ответил Гриша. – Пройдёмте, пожалуй.

Уже через несколько минут они заваривали чай. Лицо Романа Ивановича теперь было совершенно не таким, как на построении перед молодыми людьми. Он в напряжении сжал губы, проявились прежде не заметные морщины на лбу, а глаза стали выражать грусть, скорбь и, как тогда показалось Грише, страх.

– Григорий, тебе я могу доверять. Из всех, кого я когда-либо знал, ты – самый безупречный. Поэтому прошу тебя: о том, что я тебе расскажу за этой беседой, никому и нигде не распространяться.

– Слово офицера, – тихо, но уверенно молвил Гриша Добров.

– Вот и славно. Впрочем, сперва расскажи, не слишком ли ты загонял кандидатов?

– Никак нет, работаем строго согласно высылаемым вами распоряжкам.

– Да?.. – рассеянно спросил Роман Иванович, опустив взгляд в гладь чая. – Знаешь...

Он собирался с мыслями, формировал их в связную речь, и в этот раз ему давалось это с большим трудом. Поэтому, промолчав мгновение, Роман Иванович решил выложить всё, как есть:

– Хочу, чтобы ты знал это, Григорий. Война не за горами. По спине Гриши пробежали мурашки.

– Война?.. – переспросил он. – Но... Роман Иванович, как же... Почему? Каковы у неё предпосылки?

– Видимых – никаких. Однако за ширмой большой политики происходят страшные вещи. Поверхностным взглядом кажется, что всё замечательно, ничего не предвещает большой беды, но стоит лишь присмотреться – и понимаешь, что всё летит в тартарары.

– Как же вы это поняли?

– Я не понимаю этого. Я это чувствую. Чувствую всем своим нутром, что спокойно развиваться, как сейчас, нам уже не дадут. Запомни, Гриша, это прекрасное, спокойное, ясное время. Так хорошо, как есть сегодня, может уже не быть никогда.

Грише был не совсем понятен такой трагический фата-

лизм Романа Ивановича, поэтому он просто внимательно слушал, не забывая наливать чай из самовара.

– Впрочем, есть и вполне реальные симптомы скорой войны. Именно сейчас буржуазия начала вкладываться в развитие военной техники. Начали разрабатывать, в том числе, и аэропланы. Сложи эти вводные, Григорий. Почему «Золотые крылья» созданы именно сейчас? Откуда у нас столько средств на содержание огромной базы?

– Насколько мне известно, мы существуем на меценатство Александра Фёдоровича и дворян-покровителей, – несмело предположил Гриша, подозревая, что ответ заведомо неверный.

Роман Иванович лишь горько усмехнулся.

– Нас действительно содержат богатые дворяне. Да только берутся эти средства напрямую из казны нашей Родины, а если быть точнее – из статьи «военные расходы». Мы действуем с высочайшего одобрения Его Императорского Величества. Одиннадцать юношей и прекрасная Гладерика просто не понимают всего того огромного груза ответственности, который навалился на их плечи. Они – будущие воздухоплатели, причём воздухоплатели военные. Ведь недалёк тот час, когда на аэропланы поставят пулемёты с бомбами.

– Прошу прощения, пулемёты? – удивлённо переспросил Гриша. – Эти смертоносные орудия? Я придерживаюсь того мнения, что эти машины способны предотвратить любое бо-

естолкновение. Они настолько сильны и жестоки, что никто не рискнёт применять их.

– Эх, Григорий... – тяжело вздохнул Роман Иванович. – Думаешь, мне не хочется искренне верить твоим словам? Никому из нас сейчас не хочется воевать. Но если представить на мгновение, что наличие пулемётов не остановит ни одну из сторон, то картина получается просто ужасная.

– Я понимаю вас. Однако мы – офицеры, причём офицеры боевые. Вы уже участвовали в боевых действиях на Дальнем Востоке.

– Именно, – надломившимся внезапно голосом ответил Роман Иванович. – Именно поэтому, Григорий, мне бы всей душой хотелось избежать страшного кровопролития, которое неизбежно на этой войне. Но наши позиции, позиции дворянства, с каждым днём всё слабее и слабее. И тем они слабее, чем толще становятся портмоне у буржуазии. А чего хочет буржуазия? Она жаждет наживы любой ценой. Она жаждет заработать на военных нуждах, готова поддерживать эту отрасль, пока сама не лопнет от переедания. У этого нового класса напрочь отсутствует понятие чести и достоинства. Когда деньги затмевают душу – человек становится животным. Взгляни на наших потенциальных противников: разве они чужды нам? Там живут такие же дворяне, а многие даже приходятся нам родственниками! Разве они хотят войны с нами? Но нами помыкают, Григорий! И с той, и с другой стороны деньги стали превыше чести – вот, каков ос-

новной симптом приближающейся большой войны. Войны, в которой не будет правых и победителей.

Гриша промолчал. Беспокойными глазами он уставился на чашку чая в руках своего командира.

– Это одно из двух неприятных новостей, которыми я бы хотел с тобой поделиться. Вторая касается нашего покровителя – Александра Фёдоровича. С ним дела обстоят ещё хуже, чем я говорил на построении.

– Что с ним?

– Он при смерти. Заболел воспалением лёгких. Старая, никчёмная хворь овладела здоровьем нашего дорогого Александра Фёдоровича.

– Как – при смерти?! – воскликнул Гриша. – Час от часу не легче... Роман Иванович, можно ли сделать хоть что-нибудь? Давайте вышлем доктора Ларсена.

– Над ним трудятся врачи, впрочем, не слишком успешно, – опустил голову командир. Каждый день я молюсь за его здоровье.

– Я прикажу молиться за него, – твёрдо сказал Гриша. – Если мы потеряем его, то смысла существовать нашей эскадрилье больше не будет.

– Отставить причитания! – вдруг резко одёрнул его Роман Иванович. – Не для того он эскадрилью создавал, чтобы потом получать вести о том, что она расформирована и больше не выполняет своего предназначения.

– Прошу прощения, – миглом успокоился, пришёл в себя

и принял прежнее невозмутимое и строгое выражение лица Гриша.

– Я понимаю твои чувства. Александр Фёдорович мне как родной. Я переживаю не меньше твоего. Надеюсь, теперь ты понимаешь моё выражение лица в начале разговора. Я просто хочу, чтобы ты всё это знал.

– Вас понял, Роман Иванович.

– И помни: ни слова о нашем разговоре. Ни об Александре Фёдоровиче, ни о моих догадках пока никому знать необязательно. Лишь время покажет, кто был поистине прав.

– Истинно, – кивнул Гриша. – Я уберу чашки. Стало быть, сейчас к нам нагрянут первые четыре кандидата.

– А если уж говорить о них, – вдруг сменил тему Роман Иванович, – так кто, по-твоему, показывает наилучшие результаты?

– Степан Адлерберг, позывной «Старгейт», Гладерика Дельштейн-Орлова, позывной «Аурус», а также Милорад Друзцкий, позывной «Миля».

– Вот как... Значит, вырисовались три лидера?

– Так точно. Все нормативы за последний месяц у них сда ны на отличный результат.

– Мне же нужно знать, о ком докладывать на грядущем совещании, – впервые за весь разговор усмехнулся Роман Иванович. – Подготовь мне все отчёты об их физической и умственной подготовке, а также сведения об их здоровье. Это необходимо сделать ко следующей неделе.

– Будет сделано, – склонил голову Гриша.

– Вот и славно. Что же, а теперь нашим кандидатам необходимо выдать все необходимые планы полёта. Наш разговор не продлился долго?

– Пятнадцать минут.

– Просто замечательно! В таком случае, зови сюда первую четвёрку. Поглядим, чему они научились у тебя.

– С радостью.

С этими словами Гриша вышел из палатки и направился в сторону лагеря. Спустя несколько минут на пороге стояли Стёпа, Ваня Дашков, Гладерика и Миля.

– Итак, дамы и господа, получите план полёта, – с этими словами Роман Иванович передал лежащие на столе бумаги всем четырём кандидатам. – В этих листах графически показан ваш маршрут. Также ещё раз прописаны все ограничения. Прочитайте всё внимательно! Конечно, на таких аэропланах риск погибнуть крайне мал, но заработать себе переломы, ушибы и сотрясения на них вы вполне способны. Придерживайтесь инструкций, смотрите за поведением мотора и управляющих плоскостей. Впрочем, всё это вы уже проделывали, не так ли?

– Так точно, – ответили они.

– В таком случае, Степан, как тебя по-позывному...

– «Старгейт».

– Вот-вот, конечно. «Старгейт», приготовься к вылету через тридцать минут. Ничего, если мы немного задержимся, –

сказал он Грише Доброву. – Мы все будем смотреть на твой полёт.

Мышцы на лице Стёпы не выражали никаких эмоций. Он послушно кивнул головой и протянул руку к бумагам. В тот момент, когда его пальцы коснулись листов, все заметили, что руки его дрожали. Волнение передалось и остальным присутствующим в палатке людям. Все замолчали. Каждый будто бы думал о чём-то своём, но в тот момент все их умы сводились лишь к небольшому количеству неприятных, колючих размышлений: всё ли будет хорошо со Стёпой? Что, если что-то пойдёт не так? Как действовать в ситуациях, не предусмотренных инструкциями? На эти вопросы у них не было ответа. Надо было лишь дожидаться...

– Так точно, благодарю за информацию, – ровным голосом поблагодарил Стёпа Романа Ивановича.

– Надень лётный костюм и ожидай у своего самолёта.

– Так точно! – приложил руку к козырьку Стёпа. – Разрешите идти?

– Разрешаю, – отрезал Роман Иванович.

С этими словами Стёпа вышел из палатки.

– Теперь разберёмся с вами, – вздохнул Роман Иванович. – Заберите свои планы полёта, они подписаны вашими позывными. Впрочем, судя по всему, они ничем не отличаются. Всё, что вам останется сделать – это поправку на погодные условия, которые могут быстро измениться. Ну же, не стесняйтесь, берите.

Гриша взял в руки всю кипу документации и раздал Ване Дашкову, Гладерике и Миле. Девушка взяла дрожащими руками листы, а затем, выйдя из палатки вместе со всеми, побежала в сторону своей палатки, переделалась и направилась к лётному полю. Возле её самолёта, который стоял на лётном поле третьим в ряд, уже копошились техники. Чуть поодаль стоял герр Браун с записной книжкой, постоянно прикрикивая на мужиков:

– Куда ставишь, дурак! Твоя проферка только кабина! Трофим, не видишь ничего?!

– Здравия желаю, герр Браун! – поприветствовала его подошедшая Гладерика.

– Ah, guten tag, süße fräulein²³! – тотчас спохватился обыкновенно строгий Фридрих. – Чего желал юная леди на аэродроме?

– Мне бы на мою «Викторию» поглядеть. Уж больно мне она понравилась при первой нашей встрече.

– «Фиктория»? Какая из них есть «Фиктория»?

– А вот третья, – взглянула Гладерика на стоящий чуть ближе к ангарам самолёт.

– Эта? Конечно! Нельзя лезть внутрь, а посмотреть можно.

– До полёта нельзя? Ах, как жаль. Разрешите посмотреть вблизи, герр Браун!

– Вблизи разрешаю, – ответил он.

²³ А, добрый день, милая леди! (нем.)

– Спасибо вам большое! – мило улыбнулась девушка и, поклонившись, побежала к аэроплану. – Вот моя птичка! Моя ты радость, – заговорила она, погладив машину по фюзеляжу у кромки двигателя, – не мучают тебя здесь? Господа, – обратилась она ко снующим вокруг мужикам, – как вы с ней обращаетесь?

– А нам как приказали, так и обращаемся, – махнул рукой проходивший мимо техник. – Сударыня, ради Бога, пришибёт же ненароком, лучше отойдите!

– И не подумаю, – фыркнула она. – Это моя птичка, я на ней скоро полечу.

Глаза у мужичка округлились.

– Вы? – удивлённо спросил он. – Ну дела... Уж долго на свете живу, многое повидал, но чтобы барышня в аэроплане – такое впервые.

– Да, я, – настояла Гладерика. – Так что прошу вас обращаться с ней нежно, как с девицей. Она молода ещё, неба не видела. Вы её протираете?

– Протираем, а как же.

– Мотор чистите?

– Чистим, так не работал он ещё на полную, чтобы засоряться шибко.

– А запускали хоть?

– Запускали, даром что на низких оборотах.

– Ладно, занимайтесь дальше. Скоро полетим, моя хорошая, – улыбнулась девушка, пройдясь рукой по кромке кры-

ла. Но тотчас изменилась в лице, увидев, что её ладошка покрылась чёрным жирным пятном. – Так, как тебя по имени-то? – снова обратилась она к мужику.

– Трофимом звать.

– Трофим, что за безобразие? – показала возмущённая Гладерика ладонь. – Это что, масло?

– Так точно.

– Ну, а что оно на крыле делает? Разве ему там место?

– Да никак нет, сударыня. Видать, кто-то спешил и после смазки мотора опёрся на крыло.

– Немедленно ототрите, – спокойно, но серьёзно сказала Гладерика. – Видишь, Вика, не любят тебя на земле, бедняжка ты моя.

Пока девушка ходила вокруг своего тренировочного аэроплана и проверяла целостность всех деталей, к аэродрому подошли трое её товарищей – Стёпа в синем лётном комбинезоне с рюкзаком на спине и Ваня с Милей в той же форме одежды. Вслед за ними брели по лётному полю Гриша Добров с Романом Ивановичем.

– «Старгейт», «Тюльпан», «Аурус», «Миля», стройсь, – приказал Гриша.

Все четверо выстроились в одну шеренгу перед ними.

– «Старгейт», выйти из строя, – скомандовал Роман Иванович.

– Есть, – ответил Стёпа и шагнул навстречу командиру.

– «Старгейт», занять место в летательном аппарате. Пой-

дём, Григорий.

Стёпа, Роман Иванович и Гриша пошли ко стоящему последним аэроплану. Стёпа несколько раз обошёл вокруг него, потрогал его различные детали, заглянул в зазор между лопастями пропеллера и двигателем. Затем доложил командирам об отсутствии визуальных повреждений на фюзеляже, после чего по небольшой лесенке, приставленной заранее, залез в кабину. Гладерика наблюдала за всем этим действием с небольшого расстояния – никто не разрешил им разойтись из строя. Жестом Гриша приказал им отойти ещё дальше. Все трое поняли это, ведь шеренга их находилась прямо на пути проезда аэроплана. Они организованно отошли на край дорожки. Вдруг до них донёсся голос Стёпы:

– От винта!

Роман Иванович, Гриша и техники отпрянули от аэроплана. Лишь один мужичок подошёл к лопастям и со всей силы дёрнул за них. В тот же миг они начали раскручиваться, набирать бешеные обороты, и над всем аэродромом раздался протяжный гул мотора. Он тарахтел и сопел, изредка фыркал, но работал – и работал стабильно. Стёпа поднял большой палец вверх, указывая, что в кабине всё нормально. С земли техник ответил ему тем же, и тут же начал активно жестикулировать. Вытянув перед собой правую руку с поднятым вверх большим пальцем, он резко повернул её вправо. Этот жест означал: «приступить к движению». Стёпа прибавил газ, и огромная птица нарастила шум своего мото-

ра. Плавно тронувшись, аэроплан плавно покатился по земле. Троица наблюдавших за действиями своего друга восхищённо смотрела на это работающее чудо техники. Аппарат встал прямо и покатил по дорожке. Проехав совсем рядом с восхищёнными Гладерикой, Ваней и Милей, Стёпа повернулся к ним и приложил руку к козырьку. Его глаза были уже в ветрозащитных очках. Защищаться было от чего, ведь, едва он стал проезжать мимо наблюдающих, им в лица подул стремительный порыв набегающего воздуха. Золотистые волосы Гладерики мигом оказались у неё на глазах и на носу. «Надо будет придумать, как их убрать перед полётом, – подумала она». Машина медленно и грациозно проехала мимо них, после чего повернула направо – прямо на полосу. Вывернув влево и встав прямо, Стёпа убавил газ и затормозил. Каждый, в том числе и Гладерика, в тот момент стали отсчитывать секунды...

Ей удалось отсчитать от силы секунд шесть до того, как грудная клетка её загудела, а уши стало закладывать от оглушительного рёва. То, что было до этого, показалось девушке комариным писком по сравнению с нынешней громкостью работающего на полных оборотах двигателя. Аэроплан со Стёпой Адлербергом внутри сперва медленно покатился, а затем всё более стремительно понёсся по взлётно-посадочной полосе, вздымая за собой пылевой кильватер. Всего несколько мгновений – и аэроплан медленно оторвался от поверхности земли, постепенно набирая высоту. Гладерика

некоторое время смотрела заворожённо, но затем услышала возгласы своих товарищей:

– Ура! Он летит! Он в воздухе, братцы! – кричали Ваня Дашков и Миля, хватая друг друга за руки. – Гладерика, сударыня, позволь пожать тебе руку! Он полетел!

И только сейчас до девушки стала доходить вся та радость, что таил в себе этот момент. Стёпа – первый человек из их эскадрильи, поднявшийся в воздух! Впустив в себя ликование, Гладерика обняла сразу двоих.

– Ура, братцы! «Старгейт» – первый человек в небе!

Стоит сказать, что радость их была искренняя. Они не врали друг другу о своих ощущениях, в их сердцах не было жгучей зависти. Быть может, кто-то из них и завидовал, но все понимали, что Стёпа не приложил усилий для того, чтобы стать первым. Всё в их эскадрилье делалось строго в алфавитном порядке – а кто будет виноват в том, что фамилия его начинается на «А»? Кроме того, все трое в тот момент своей радостью хотели перекрыть страшные переживания и волнение перед первым их полётом. В некотором роде им даже стало легче оттого, что не они первыми оказались в своих машинах. Словом, все приготовились встретить вернувшегося из полёта Стёпу как героя.

Тем временем, «Хартия» под его командованием, набрав высоту примерно в сто пятьдесят метров, начала плавно разворачиваться. План полёта был ясен и примитивен: от кандидатов требовалось взлететь, набрать высоту не более двух-

сот метров над уровнем моря, совершить разворот на противоположный от направления взлёта курс, затем, пролетев расстояние в две длины взлётно-посадочной полосы, снова развернуться и снижаться вплоть до посадки. Исключением не стал и Стёпа. Уже через пару минут Гладерика, Ваня Дашков и Миля увидели летящий мимо них аэроплан. Летел он плавно и ровно. На мгновение девушке даже показалось, что она увидела лицо Стёпы, выглядывающее из кабины и смотрящее прямо на стоящих на земле. Впрочем, это было лишь иллюзией, поскольку аэроплан находился на довольно приличном от наблюдателей расстоянии, что уже не позволяло рассмотреть черты лица воздухоплователя. Постепенно машина стала отдаляться от них и уменьшаться в размерах.

– Сейчас он пролетит чуть дальше, а затем развернётся, – сказал Ваня Дашков.

– Да, – ответила ему Гладерика. – Интересно, что он сейчас чувствует?

– Боюсь, в его голове сейчас кипит настоящий котёл, – отметил Миля. – Страх и смелость, волнение и ликование – всё вместе.

– Как же мы будем встречать героя? – спросила девушка.

– С почестями, как и полагается. Всё остальное нам неподвластно, – вздохнул Миля. – Не забывайте, что сегодня нам троим также нужно отлетать положенный план.

– У меня появилось такое стойкое ощущение, Миля, – претензионно сказал Ваня, – что полёт на аэроплане, для нас

даже толком не начавшись ещё, уже превратился в какое-то обыденное действо.

– Всё потому, что нас поставили в один день, да к тому же – в алфавитном порядке.

– Верно ты говоришь, – согласился с ним его друг.

Гул мотора постепенно стихал, а все трое замолчали, напряжённо вглядываясь в горизонт. Аэроплана Стёпы нигде было не видать. «Видно, он отлетел на большее расстояние, чем было ему предписано, – про себя подумала Гладерика». Краем глаза она увидела стоящих вместе Романа Ивановича, Гришу Доброва и Фридриха Брауна, которые о чём-то переговаривались.

Девушка повернула голову в сторону палаток. Там начался большой переполох: все выбегали наружу, вглядывались в небо, перекрикивались друг с другом. Гриша порывался к ним, но Роман Иванович осадил его и приказал стоять на месте. Тот нехотя повиновался. Все остальные восемь кандидатов гурьбой высыпали на лётное поле, изредка возмущаясь, что никто их не предупредил. Гладерика смущённо пожала плечами, а Миля и Ваня Дашков крикнули им:

– Чего уставились? Ваш черёд подойдёт – каждый из вас полетает!

Тем временем, аэроплан – уже в виде чёрной точки в синеве небосвода – совершил разворот и направился в сторону аэродрома. Постепенно очертания его вновь стали явными, а спустя ещё минуту блики на двигателе стали падать

на наблюдающих. Когда машина приблизилась вплотную ко взлётно-посадочной полосе, Роман Иванович наконец отпустил Гришу Доброва навести порядок. Тот подбежал к галдящей толпе, стоящей прямо посреди рулѐжной дорожки.

– Стройся!! – неистово закричал он. От его оклика Гладерика вздрогнула, но тотчас подбежала к остальным и заняла своё место в шеренге. – Равняйся! Смирно! Что вы все здесь забыли?! Хотите быть раздавленными? Немедленно отойдите на десять метров назад!

Кандидаты не смели перечить и послушно отбежали на положенное расстояние, после чего снова выстроились в одну шеренгу. В тот момент, когда они вновь выстроились, гул самолета снова возрос, а затем прямо из-за спины Гриши вынырнула машина со Стѐпой внутри. Летательный аппарат плавно прокатился мимо стоящих по стойке «смирно» кандидатов, а затем, повернув, направился к месту стоянки. Долго Гриша не стал их удерживать в таком положении и, скомандовав «Вольно!», повернулся к самолету лицом. Лишь когда тот полностью затормозил, и гул мотора стал постепенно затихать, командир разрешил разойтись.

Все, едва услышав команду, бросились к вылезавшему из кабины Стѐпе. Они прыгали вокруг него, хлопали по плечам и груди, поздравляли и что-то кричали. Гладерика стояла чуть поодаль, однако внутри неё было такое же ликование. Дело чуть не дошло до качаний, но Стѐпа отшутился, сказав, что в воздухе он только что побывал. Высвободив-

шись, он направился к Гладерике. Улыбка до ушей выдавала все её чувства.

– Поздравляю тебя, Стёпа! – воскликнула она и протянула к нему руки.

– Спасибо, – улыбнулся он и мягко пожал своей немного дрожащей ладонью протянутую ему правую руку.

– Ты дрожишь, – заметила девушка. – Скажи... Там страшно?

– А вот полетишь – и узнаешь. Будешь третьим человеком в небесах и первой девушкой.

– Ох, и не говори, – вздохнула, засмеявшись, Гладерика. – Мне уже сегодня простой народ высказал то, что об этой затее думает.

– И что же он думает?

– Сказать мягко, он удивлён. Ну, да и Бог с ним! Ты идёшь на отдых?

– Какой уж здесь отдых... – вздохнул Стёпа. – От меня будут весь вечер требовать поделиться впечатлениями. Однако они что-то кричали про то, что данное мероприятие нужно отметить. Слушай, как вы с Ваней и Милей отлетаете, приходите в мою палатку! Что-нибудь придумаем. Будет у нас клуб первых воздухоплателей.

– Я согласна, – улыбнулась Гладерика. – Предложение принято. Ну, а теперь ступай с Богом, праздновать свою победу!

– Да брось, – махнул рукой Стёпа. – А если бы я был не

Адлербергом, а Ядлербергом, то что, в таком случае, это было бы?

Гладерика засмеялась.

– Ой, даже не знаю. В любом случае, ты был бы большим молодцом!

– И ещё раз благодарю, – улыбнулся Стёпа. – Ну, пожалуй, я пойду.

Он склонил голову и побежал к палаткам. Гладерика осталась стоять одна посреди шума, который исходил от толпы юношей, осматривавших со всех сторон «Хартию».

– Довольно, братцы, – крикнул им Роман Иванович. – Стройся!

Делать было нечего: все одиннадцать кандидатов вновь выстроились в одну шеренгу перед командованием эскадрильи.

– Равняйся! Смирно! Все вы видели, – продолжил с напускной деловитостью Роман Иванович, – этот первый полёт нашего товарища – Степана Адлерберга. Должен отметить, что прошёл он успешно, и сейчас нашему воздухоплавателю полагается заслуженный отдых. Далее на очереди – Иван Дашков, позывной «Тюльпан», Гладерика Дельштейн-Орлова, позывной «Аурус» и Милорад Друцкий, позывной «Миля». Вы втроём, дамы и господа, можете остаться, а всех остальных я попрошу покинуть лётное поле. Григорий, – обратился он ко стоящему рядом Доброву, – придумай нашим энергичным братцам занятие, да чтобы позанимательней и

повеселей!

На этих словах он взглянул на Гришу прищуренными глазами. Сей жест Григорий прочитал правильно, поэтому отдал команду:

– Эскадрилья, кроме «Старгейта», «Тюльпана», «Ауруса» и «Миля» – на спортивную площадку бегом – марш!

Юноши с недовольным видом побежали ко снарядам. Гриша вызвался их сопровождать, а трое кандидатов остались с Романом Ивановичем. Настал черёд Вани Дашкова. Тот с нескрываемым волнением подошёл ко своему аэроплану, внимательно осмотрел его со всех сторон, потрогал в местах всех соединений, а затем вскарабкался по небольшой лесенке в кабину. На этот раз Гладерика находилась достаточно близко к воздушному судну, чтобы вдоволь налюбоваться предполётной подготовкой. Впрочем, в голове у неё прочно засела одна единственная мысль: «Я следующая».

Далее всё прошло почти так же, как и у Стёпы. Аэроплан под управлением Вани вырулил на полосу, набрал скорость и оторвался от земли, а затем развернулся навстречу своему прежнему курсу. В его движениях, впрочем, улавливалось нечто задорное, не следующее строгим правилам. Его крылья то и дело покачивались направо и налево, он на миг терял высоту или скорость, а затем возвращался в исходное положение.

– Чего это он творит? – спросил Миля, приложив руку к козырьку, заслоняясь от солнца.

– Видно, хочет свою «Мирабель» испытать на прочность, – вздохнула Гладерика.

– Ох, дорого ему обойдутся данные манёвры...

Гладерика взглянула на Романа Ивановича, который с таким же интересом наблюдал за полётом своего подопечного. Ни один мускул не дрогнул на его лице, лишь глаза с каждым мгновением становились всё более прищуренными. Аэроплан сделал положенный круг и направился к полосе.

– Разрешите обратиться, ваше высокоблагородие, – вдруг сказал Миля, повернувшись к Роману Ивановичу.

– Разрешаю, – ответил он.

– Расскажите, пожалуйста, как правильно называть посадочный путь аэроплана?

– Хм, – нахмурился Роман Иванович. – Дай-ка вспомнить... Помнится, в моём училище со мной служил мой одноклассник – француз д’Амеркур, который был моим близким приятелем. Однажды мы вместе с ним смастерили из бумаги маленький аэроплан, а затем запустили его над водой пруда, что находился недалеко от казарм. Он настолько плавно приземлился на водную гладь, что д’Амеркур восторженно воскликнул: «Avec quelle douceur il a glissé²⁴!». С тех пор нами принято называть посадочный путь самолёта «глиссадой». Взгляните: Иван Дашков будто бы скользит на воздушных потоках, плавно устремляясь вниз!

– И впрямь подходящее название, – мечтательно молвила

²⁴ Как плавно он скользил! (фр.)

Гладерика.

– Благодарю за объяснение! – ответил Миля и склонил голову.

Тем временем, аэроплан Вани Дашкова коснулся поверхности взлётно-посадочной полосы, а затем затормозил. Спустя пару минут он стоял на том же месте, откуда и выехал. Из него вышел воздухоплаватель и сразу же подбежал ко своим друзьям.

– Это незабываемые чувства! – дрожащим голосом сказал Ваня. – Это чувство полёта, оно... Оно непередаваемое! Я будто бы очутился в раю, честное слово! «Мирабель»... Она слушалась меня, выполняла все мои команды, которые я подавал ей! Братцы и сестрицы, я безумно счастлив, – лицо Вани расплылось в улыбке.

– Поздравляем тебя с покорением небес, – улыбнулась Гладерика. – Потом нам всё расскажешь!

– О, расскажу – и ещё как! Впрочем, к тому моменту, как я оклемаюсь, вы тоже покорите небо.

– Твоя правда, – ухмыльнулся Друцкий. – Брат, я горжусь тобой. Поздравляю тебя с первым полётом!

К ним подошёл Роман Иванович.

– Ну, что же, полёт выполнен на «отлично», – заметил он. – Позволь поздравить тебя, Иван «Тюльпан» Дашков, с твоим первым в жизни полётом! Теперь можешь идти в палатку, переодеться и отдохнуть. Дельштейн-Орлова, прошу к аэроплану.

У Гладерики перехватило дыхание. Миля успел шепнуть ей «Удачи!», прежде чем она оказалась возле своей машины.

– Проверь всю машину на наличие дефектов.

– Так точно!

Гладерика пристально всмотрелась в хромированную гладь двигателя. Он отдавал холодным безразличием и таил в себе страшную силу, которую тщательно скрывал за металлическим покровом. Видимых повреждений, впрочем, девушкой на этот раз замечено не было. Далее она потрогала кромку крыла. Масла, как в первый раз, на ней не оказалось. Техники вняли её замечанию и успели всё тщательно оттереть. Девушка, проведя рукой вдоль крыла, прошла ко хвостовой части. Все поверхности были гладкими и чистыми, и этот результат её удовлетворил. Гладерика, проведя пару раз рукой по другому боку фюзеляжа, доложила об отсутствии видимых дефектов.

– Принято, – сказал Роман Иванович. – Теперь залезай в кабину.

К аэроплану была подогнана лесенка, по которой спускались и поднимались Стёпа с Ваней. На мгновение от переполняющего волнения и страха девушка слышала лишь бешеный стук своего сердца. Ноги сами понесли её к лесенке. Стоя у подножки, Гладерика понемногу пришла в себя. Вдохнув полной грудью воздух, она схватилась за ступеньки и полезла наверх. Затем закинула ногу и встала ей на маленький пяточок между ручкой управления и креслом. В первый

раз все действия совершались ею неуклюже, хоть до этого она уже садилась в макет самолета на тренажерах. Неведомая сила сковала её телодвижения, но всё-таки, разобравшись с положением ног, она уселась в кресло. Из него торчали ремни безопасности, которые, согласно инструкции, ей тотчас следовало пристегнуть. Гладерика потянула за них и соединив две лямки в области живота, вставила получившееся подобие ключа в фиксатор, находившийся у неё между ног. Подёргав ремни и убедившись в их надёжности, девушка поправила волосы у себя на голове и достала маленькую резинку, которую заблаговременно поместила к себе в комбинезон. Теперь волосы на её голове были собраны в аккуратный хвост. Гладерика надела очки, которые плотно прижались к лицу, вызвав не самые приятные ощущения. Теперь она могла оглядеться вокруг. Рядом с ней находились Роман Иванович, Герр Браун и пара техников, а чуть поодаль за ней пристально наблюдал Миля. Девушка затаила дыхание. Начались последние приготовления...

– Насосы? – спросила Гладерика, вспоминая указания из инструкции.

– В норме, – рапортовали техники, открыв створки двигателя.

– Шасси?

– В норме.

– Давление в пневматических элементах?

Послышался громкий пшик, из-за которого Гладерика

вздрогнула. Так проходила проверка уровня сжатого воздуха.

– В норме.

– Резерв топлива?

– Два килограмма.

– К запуску готово?

– К запуску готово.

Настала пора заводить мотор. Гладерика нащупала маленький вентиль на приборной панели. Над ней было написано «впрыскь». Его требовалось несколько раз прокрутить, чтобы нагнести в мотор необходимое количество топлива. Затем необходимо было дёрнуть ручку стартера. Настал решающий момент. Гладерика затаила дыхание и что есть силы дёрнула за рычажок. Мотор запыхтел, зафыркал, техник подбежал, чтобы прокрутить лопасти пропеллера. Те прокрутились несколько раз, но затем замерли на месте. внутри мотора что-то затарахтело, но затем заглохло. Страх внутри девушки сменился недоумением. Она ещё раз проделала ту же самую процедуру, но попытка вновь оказалась тщетной. Подёргав ещё несколько раз ручку стартера, она поняла, что в моторе имеются некоторые неполадки. Техники подбежали к мотору и принялись его осматривать. Среди них был и Трофим. Недоумение Гладерики переросло в досаду и возмущение.

– Мы с тобой сегодня уже виделись, когда ты возле моей «Виктории» ошивался, – недовольным тоном обратилась она

к мужику. – Потрудись объяснить, что произошло с моим аэропланом!

– Да зуб даю, ничего с ней не было! – начал оправдываться Трофим. – Такое бывает, сударыня. Моторы нынче ненадёжные, может, чуть позже изобретут что-нибудь получше.

– Ты мне зубы не заговаривай! – всё громче и громче говорила Гладерика. – Что вы сделали с «Викторией».

– И правда, – вмешался Роман Иванович, – изволь объясниться перед сударыней.

– Ваше высокоблагородие, всё проверяли несколько раз! – стоял на своём мужик. – Карбюратор как новенький, хоть продавай. Створки фильтра не сломаны, вся резьба на месте, можете сами поглядеть!

– Но почему-то он не заводится!

– Видно, что-то с топливной системой. Будем разбираться.

– И сколько времени это у вас займёт?

Трофим почесал в затылке.

– Сперва разберём насосы. Это займёт дня два, не меньше.

– Чего там разбирать?! – практически закричала на него Гладерика. – Вы систему-то эту видели?

– Ну, видели! Без сна, еды и отдыха эта работа на сутки.

– Так делайте, что хотите – но чтобы через сутки «Виктория» была исправной, – холодным приказным тоном ответила девушка.

– Сударыня, так ведь регламент-то у нас не под ваши при-

хоти подстроен. У нас график есть, нам платят в соответствии с ним.

– Ах так... – разгневалась было Гладерика, но тут её осадил Роман Иванович:

– Успокойтесь, Гладерика Дмитриевна, – тихо сказал он. – Они трудятся достаточно, чтобы заслужить отдых. Не лучше ли будет вам хорошенько отдохнуть и набраться сил, а через два дня полететь?

Личико Гладерики стало красным не то от возмущения, не то от досады.

– Как же это я... В свой первый полёт – и не отправлюсь?..

– Отправитесь, милая Гладерика, обязательно отправитесь! Вас смущает то, что вы в таком случае полетите последней?

– Да, – дрожащим голосом произнесла девушка, и глаза её заблестели.

– Ну, полно вам, – ласково молвил Роман Иванович. – Произошло не зависящее от вас происшествие. Это не должно быть поводом для позора. К тому же, никто из вас не выбирал, с какой фамилией родиться. Кто у вас последний в списке?

– Шереметев Олег...

– Видите! Каково было бы ему, если бы он придавал данному фактору слишком большое значение? А он спокойно относится к такому раскладу вещей.

Гладерика чуть успокоилась. Тяжело вздохнув, она по-

смотрела внимательно на Романа Ивановича.

– Вы даёте мне слово, что я полечу?

– Не может быть иначе, не будь я полковником Корниловым! – громко и уверенно ответил он.

Гладерика улыбнулась.

– В таком случае, я временно покину борт «Виктории».

– Вот и славно! Давайте вы чуточку подождёте своего часа. Это время обязательно придёт! Позовите сюда, пожалуйста, господина Друцкого.

– Так точно! – ответила Гладерика и побежала к месту, откуда на всё это действие наблюдал Миля.

Гладерике пришлось ему объяснить, отчего перенесли её вылет и почему он идёт впереди. Он сразу принялся утешать девушку и обнадеживать, говоря, что неполадку быстро устранят, что данное обстоятельство – совершенно не повод для беспокойства. Гладерика приняла эти утешения с улыбкой и, поблагодарив своего приятеля за поддержку, проводила его к аэропланам. Оттуда уже были слышны причитания и ругань Герра Брауна, который отчитывал на чём свет стоит, подчас на своём родном языке, команду техников, допустивших такую оплошность. Несмотря ни на какие увещевания, Гладерика чувствовала себя крайне паршиво. Она ясно видела, как идёт вдоль палаток, а на неё изумлённо таращится десять пар глаз; как заходит она в свою палатку и видит обеспокоенную Глашу, которой приходится докладывать о случившемся. Это казалось ей в тот момент в высшей сте-

пени неприятным. И тем сильнее становилось отвращение, чем яснее проявлялось осознание неизбежности этих разговоров и взглядов. Впрочем, делать было нечего, и Гладерика направилась ко своей палатке, стоящей у опушки леса.

Со дня полёта Стёпы Адлерберга минуло двое суток. Все, кроме Гладерики, уже успели опробовать на себе ощущения полёта, которыми грезили на протяжении всего времени обучения на этом аэродроме. Аэроплану девушки под названием «Виктория» техники вынесли неутешительный вердикт: внутренности топливной системы не годятся для полётов. Когда девушка услышала эту новость, её дыхание перехватило так же, как в первый раз, когда она поднималась по лестнице в кабину летательного аппарата. Отличие было лишь в том, что в тот миг её охватывало волнение и живой страх, а сейчас – разочарование и отчаяние. Ей казалось, что собственным аэропланом ей не удастся овладеть больше никогда, и никакие тёплые слова со стороны её приятелей и подруги Глашеньки не помогали...

Впрочем, было одно событие, размышления о котором не давали Гладерике полностью упасть духом. Как только одиннадцать кандидатов завершили свои первые полёты, Роман Иванович поспешно собрал свои вещи и ранним утром покинул территорию аэродрома. На построении перед завтраком Гриша Добров объявил, что командир их эскадрильи отправился в Ш-бург, а оттуда – в столицу вечерним поездом,

а также то, что сам Гриша лично заявлен сопровождать его в этой поездке.

– Сегодня в полдень я покидаю нашу базу и направляюсь в Ш-бург. Мне нужен один доброволец, который поможет мне перевезти кое-какие документы и посылки, – сказал он.

Никто не решился выйти из строя.

– Хорошо, – продолжил он, – тогда сделаем по-старому. «Жасмин», выйти из строя.

Лёша Левашов с позывным «Жасмин» – стройный маленький паренёк – выбежал и встал рядом с Гришей.

– «Жасмин» по вашему приказанию прибыл!

– «Жасмин», назначаешься ответственным за переноску некоторых ценных вещей. Они хранятся у меня в квартире, так что поедем вместе в столицу. Заодно город посмотришь.

– Так точно! – громко ответил он.

– Всем остальным же, – переменял Гриша тон и посмотрел на личный состав, – я строго-настрого запрещаю заходить на территорию лётного поля, покидать территорию аэродрома под каким бы то ни было предлогом, пренебрегать физическими нагрузками и изучением полётных инструкций и техники безопасности. Я приеду вечером следующего дня, и будьте уверены – проверю каждого из вас! Конечно, вы будете не одни. За вами будут пристально наблюдать караул и дневальные. Всем всё ясно?

– Так точно! – хором ответили все двенадцать человек.

– Я рассчитываю на вас и ваше благоразумие. Теперь –

вольно, разойтись!

Все тотчас разбрелись по своим палаткам. И вновь, точно как неделю назад, к Гладерике по пути в свою палатку подбежал Миля.

– Ты же помнишь о нашей затее? – спросил он.

– О полёте?

– Ну, а о какой же ещё?

– Помню, помню. Ох, не нравится мне она...

– Ты просто боишься! Сегодняшняя ночь, возможно – наш единственный шанс. Только представь: ни Романа Ивановича, ни Гришки. Можно делать всё, что душе угодно!

– Нам запрещено сейчас почти всё, – скептически ответила Гладерика. – И потом: вокруг ходит караул и дежурят дневальные.

– Разве какие-либо запреты являются помехой? Что касается караула и дневальных, то нет такого голодного солдата, которого нельзя подкупить рублём.

– Рубля будет мало, – усмехнулась Гладерика.

– Уже не протестуешь. Значит, всё-таки прогресс существует. Будет надо – подкупим и двумя, и тремя!

– Миля, ты подбиваешь меня на преступление. И одно лишь обстоятельство меня заставляет согласиться на эту безумную затею – возможность наконец-то взмыть в небо.

– Этим-то мы и будем заниматься до рассвета. А пока надо пригласить на наш светский вечер наших друзей из города. Они, наверное, сгнили уже в своих тесных комнатах с дес-

потичным немцем.

«Александр! – промелькнуло у Гладерики в голове». В тот момент она осознала, что давно его не видела. Вновь в ней проснулось чувство беспокойства за него. Вновь появился ясный его образ. И вновь появился в сердце нежный трепет...

– Пригласим, пригласим, – оживлённо ответила Гладерика, представив, как Александр появится у них на аэродроме, как с интересом осмотрит все постройки, как с важным видом прогуляется по лётному полю и с какой любовью взглянет на самолёты.

– И Александра, и Ваню Орлова, и Колю Кирсанова, хоть он и трус, и Серёжу Одинцова – всех надо позвать сюда. Ещё раз: такой возможности может и не быть! Кстати, вот и Левашов Алёша едет в город, может передать послание нашим приятелям.

– Пусть передаст, – кивнула Гладерика. – Пусть передаст, что мы их очень ждём у себя.

– Не хочешь что-нибудь сама написать? – спросил Миля. Внутри Гладерики что-то сладко засосало. В то же время появилась взявшийся из ниоткуда страх.

– Написать? А что, пожалуй, пару слов можно и написать. А можно и не писать, почему бы и нет, – пожала плечами девушка.

– Ты какая-то странная, – улыбнулся Миля. – Так будешь писать или нет?

Страх, в конечном итоге, перевесил в её душе все остальные чувства.

– Откажусь. Зачем что-то писать на бумаге, если уже вечером мы соберёмся вместе?

– Ты верно мыслишь, – понимающе закивал юноша. – В таком случае, я более не смею тебя задерживать. Все организационные нюансы берёт на себя бюро «Друцкий и ко»!

– А кто в этом бюро «ко»? – непреднамеренно испортила шутку Гладерика, улыбнувшись.

– Гришка, Роман Иванович и дневальные с часовыми, которые не будут нам мешать в этом нелёгком деле, чем значительно облегчат нам дело, – выкрутился Миля. – Ладно, я побежал. До встречи!

– До встречи! – попрощалась Гладерика и прошла ко своей палатке.

Таким образом приблизились долгожданные, задуманные прежде как прыжки с парашютом, ночные полёты. Гладерика думала, что это будет её шанс взлететь в небо, поэтому она с нетерпением отсчитывала часы до вечера. Гриша Добров вместе с Лёшей Левашовым действительно уехали в Шбург чуть позже полудня. Лёша покидал территорию аэродрома нагружённым кипой конвертов, больших листов, документов и книг. Среди этих бумаг лежало пригласительное письмо, которое Лёша должен был под любым предлогом доставить в мастерскую Герра Брауна. Провожали Гришу как героя – в основном потому, что без него в аэродроме воца-

рилась истинная благодать. Кандидаты радовались каждому мгновению, проведённому на свободе. Каждый гулял, где хотел. Кто-то выходил порезвиться на взлётно-посадочную полосу, кто-то устроил себе экскурсию по технической зоне, а несколько человек даже попытались проникнуть в штабную палатку. Пожалуй, это было единственным местом, за которым пристально следили дневальные, вооружённые винтовками. Они ясно дали понять, что в таком месте простым кандидатам делать нечего. Тогда юноши устроили между собой футбольный матч, разделившись на две команды по пять человек. Гладерика, как и Стёпа, играть не захотела, поэтому уселась на бревно рядом, вытянув ноги.

– Хорошо, не правда ли? – обратилась она ко Стёпе.

Тот взял в рот какой-то колосок и поднял голову к небу.

– Согласен, – ответил он. – Хоть мне Гриша Добров неприятностей принёс мало, всё же без него жизнь становится спокойнее.

– Я вот не привыкла к такому уровню дисциплины. Гриша порой слишком педантичен в своих намерениях.

– Однако по-другому сделать из нас воздухоплателей не выйдет. Здесь нужна железная дисциплина.

– Да? Что же, может и так, – пожала плечами Гладерика и внезапно перешла на шёпот. – Скажи, а ты про ночные полёты знаешь?

– Конечно. Все знают, – махнул рукой Стёпа. – Только не все согласны.

– А ты?

– Я не согласен. Не хватает мне чего-то, чтобы пойти на эту авантюру. Миля с Ваней сказали бы, что мне не хватает смелости, однако я склонен с ними поспорить.

Гладерика внимательно всмотрелась в его лицо. Спокойные и чистые голубые глаза, выразительный профиль, нос правильной формы – в нём будто бы присутствовали черты римских императоров, грудь готовых лечь за благо родины.

– Я не думаю, что тебе недостаёт смелости, – сказала Гладерика. – Наоборот, ты очень храбрый человек. Сколько я тебя уже знаю, ты ни в какой ситуации не показывал себя с трусливой стороны.

– Спасибо.

– Ты просто очень порядочный человек, – вздохнула Гладерика. – Правильный и порядочный. Таких мало осталось на нашей планете. Но всё-таки: разве не имеет право порядочный человек на какую-нибудь шалость? В своей жизни он настолько преуспел в правильных поступках, что какая-нибудь мелочь обязательно сойдёт ему с рук.

– Сойдёт, если это действительно мелочь. То, что задумал Миля – преступление. И не дай Бог нам попасться на нём – достанется не только ему, но и всей эскадрилье.

– А кто вообще согласился?

– Насколько я знаю, согласился лишь Ваня Дашков. Ну, теперь я вижу, что и ты согласна, – взглянул Стёпа на Гладерику.

– Ты прав, я согласна. Ну, а твоё окончательное решение, я так понимаю, отказ?

– Так и есть. Я не готов участвовать в этой аванюре.

– Жалко, – молвила Гладерика, чуть отодвинувшись. – Впрочем, у меня и самой к этой затее нехорошее предчувствие.

Вместо ответа Стёпа замолчал. Было в его молчании что-то завораживающее, приковывающее внимание. Взор у него был пронзительным. Казалось, всё в мире он видел насквозь, любому явлению или событию он мгновенно мог подобрать причину и предугадать последствия – но никогда не делал этого на людях. На людях он был всего лишь дисциплинированным, вежливым и невозмутимым юношей.

– Стёпа, – обратилась к нему Гладерика. – А почему ты вообще присоединился к этой эскадрилье?

– Разве не по той же самой причине, по которой вы все присоединились?

– Нет, ну, однако... Я вот, например, состою в наших рядах, потому что мне страшно хочется подняться в небо. Ты первым из нас поднялся туда – считай, желание выполнено. Но всё-таки ты остаёшься?

– Я думаю, что тебе не просто хочется подняться в небо, – заметил Стёпа. – Точнее, ты грезишь этой мечтой, но желаешь сделать это несколько по-особенному, не так ли?

– Я убедилась в твоей проницательности, – улыбнулась девушка. – Ты прав. Ну конечно! Все мы здесь, чтобы принять

участие в некоем соревновании: кто первым покорит воздушное пространство на принципиально новом аэроплане? И каждый из нас, несмотря на внешнее спокойствие, дружелюбие и доброжелательность, жаждет растолкать и растоптать своих товарищей по эскадрилье.

– Возможно, ты и права, – неопределённо ответил Стёпа, вновь посмотрев на небо.

– Какое ужасное всё-таки у нас положение... Мы едим вместе, тренируемся, читаем книги и инструктажи, создаём клубы, – на этих словах Гладерика хмыкнула, – в которые мне, увы, пока не удалось попасть. Создаётся истинное боевое братство, которое разрушится, едва к нам доставят этот аэроплан.

– Скорее всего, так и есть.

– А что с нами будет потом? – чуть ли не воскликнула девушка. – Неужто мы разбежимся кто куда, а из воспоминаний оставим лишь чувство обиды друг на друга? Я бы не хотела такого исхода ни себе, ни тебе, ни кому бы то ни было из нашей команды!

– Мы можем продолжать дружеские встречи и переписки, если наше братство, как ты говоришь, нуждается в поддержке.

– Думаю, это надо будет устраивать время от времени, – кивнула Гладерика. – Особенно мне бы хотелось видеть в своём кругу общения тебя, Ваню Дашкова и Милю. Я с вами очень сдружилась. Можно даже сказать, привязалась к вам.

– Мне приятно такое слышать, – чуть улыбнулся Стёпа. – Приятно осознавать, что для кого-то я не просто товарищ по несчастью, а настоящий друг.

– Да, – улыбнулась Гладерика. – А Ваня Дашков с Милей? Не знать их фамилию и послушать – так они вообще братья-близнецы!

– Я тоже это заметил.

Слово за слово, тема за темой – и Гладерика со Стёпой просидели так вплоть до окончания футбольного матча. Изрядно вспотевшие и уставшие игроки возвращались с поля – кто-то оживлённо, кто-то чуть молчаливее. Однако все были довольны теми минутами свободы, которые были дарованы им. Близился вечер. За праздными делами и болтовнёй с Глашенькой Гладерика просидела в своей палатке до самого ужина. Незадолго до приёма пищи Ваня Дашков и Миля подзвали девушку к себе.

– Пошли к выходу, – сказал Миля.

– Зачем? – недоумевающе спросила Гладерика.

– Ну как – зачем? Надо же встретить подобающе наших дорогих гостей, – ответил ей Ваня.

– То есть Александр, Николай, Ваня и Сергей всё-таки будут здесь?

– Мы не можем знать этого доподлинно. Можем лишь подождать их у ворот.

– А ужин?

– А что с ним делается? Подождёт наш ужин. Тем бо-

лее, мы попросили кое-чего съестного из города, – подмигнул Миля.

– В таком случае, давайте ожидать, – согласилась Гладерика и направилась в сторону металлических ворот.

Спустя всего пятнадцать минут ко входу подкатила бричка, в которой сидели четверо друзей. Гладерика взглянула на выходящих из экипажа юношей. Александр сразу приковал её внимание. Он будто бы представал перед ней в образе древнегреческого героя. В свете закатного солнца его тёмно-русые волосы золотились, словно колосья пшеницы. Девушку не смущала ни его чуть сгорбленная фигура, ни утомлённые и измученные от бессонных ночей глаза, ни плотно сомкнутые губы – она знала, ради чего он старался, ради чего корпел при свете тусклой керосинной лампы над бесконечными расчётами и чертежами. Это вызывало у неё восхищение и некоторый трепет. Она вдруг почувствовала, что не может приблизиться к нему. Ей казалось, что пропасть между ней и Александром увеличивается тем стремительнее, чем ближе он подходит к воротам. И в тот момент, когда Гладерика была уже готова броситься наутёк от нахлынувших её чувств, к ней подошёл вовсе не он, а её двоюродный брат Ваня Орлов.

– Сестричка! – воскликнул он и крепко обнял её. – Мне кажется, что мы не виделись тысячу лет. Я безумно рад тебя видеть!

Гладерика нежно обняла его в ответ.

– Здравствуй, Ванюша, – ласково произнесла она. – Я тоже по тебе очень соскучилась. Как вы поживали?

– Ой, лучше даже об этом не начинать беседу. Давеча выдалось пару свободных дней, пока Герр Браун у вас гостил. Мы просто спали. О, милая моя сестрёнка, ты даже не представляешь, какое блаженство просто сомкнуть глаза и не думать ни о чём!

– Я могу тебя понять, сами только недавно освободились, – улыбнулась Гладерика.

Благодаря её двоюродному брату страх начал потихоньку уходить, поэтому девушка решила первой поприветствовать Александра:

– Добрый вечер, Александр, – улыбнувшись, сказала она. – Как ваше самочувствие?

– Доброго вечера, Гладерика! – выдавил из себя улыбку в ответ юноша. – У меня всё замечательно. А вы как себя чувствуете?

– Благодарю, я в полном порядке. Свежий воздух и физические упражнения дают о себе знать, – кивнула Гладерика.

Обмен формальными любезностями был окончен. Гладерика поздоровалась с Колей и Серёжей, после чего они все вместе, пережав друг другу руки, направились к столовой.

– Касаемо провианта, – начал разговор Ваня Орлов, – мы привезли прекрасное вино. Оно прибыло к нам из столицы!

– Не то ли это вино, что обычно стояло у тётушки Марии на светских вечерах? – поинтересовалась Гладерика.

– Ха, оно самое! Всё-то ты помнишь, – усмехнулся Ваня. – Матушка прислала бутылку недавно. В дополнение к вину, у нас имеются всевозможные продукты, из которых можно будет приготовить что-нибудь.

– Мы с Глашенькой займёмся этим, – сказала Гладерика. – Сегодня ужинать будут все!

– Кстати, о Глафире Сергеевне, – вдруг обратился Коля. – Не знаете ли вы, где она может сейчас находиться? Мне необходимо её отвлечь – буквально на пару слов.

– Она у себя в палатке, – махнула в сторону лесной опушки девушка. – Можете сделать ей приятный сюрприз.

– Премного вам благодарен, – театрально поклонился Коля и свернул в сторону, куда показала Гладерика. – Дамы и господа, я отлучусь ненадолго.

– Конечно, – сказал Александр. – Только к ужину не опоздай.

– Чтобы я – и опоздал на ужин? Этому в жизнь не бывать. За весёлым ужином в большой компании время пролетело незаметно. Стемнело. Солнце скрылось за пиками величественных сосен, погрузив территорию аэродрома во мрак. Вооружившись фонарями, Александр и Ваня в сопровождении кандидатов отправились на экскурсию по базе. Они заходили в различные зоны, смотрели на технику, палатки и оценивали образ жизни. Коля не пошёл с ними, ибо без умолку болтал со своей новой подругой – Глашенькой. Большинство юношей разбрелись по своим палаткам, смакуя

вкусную еду и свободное время. Незаметно вышло так, что Гладерика осталась наедине с собой. Она оглядела столы вокруг себя и поняла, что все разбрелись по своим делам. Однако чуть поодаль она увидела силуэт, неподвижно сидящий в темноте и уткнувший голову себе под ноги. По стати и позе она узнала в нём Стёпу.

– Стёпа, ты ли это? – решила удостовериться она.

– Так точно, – односложно ответил он.

– Я уже было испугалась, – рассмеялась было девушка, но тотчас осеклась. – Что ты здесь делаешь? Не хочешь прогуляться с остальными?

– Не особо хочу. Кстати, тот же вопрос можно задать и тебе.

Гладерика потупила взгляд.

– А я... Не хочу, вот что! Не хочу гулять перед столь ответственным мероприятием.

– Я понимаю тебя.

Вновь наступило молчание. Где-то в сосновом бору застрекотали сверчки, сообщая о том, что в законные права вступила холодная и загадочная Ночь. Гладерика сидела с опущенным вниз взором, и в голове её вновь начали роиться самые разные мысли. Однако каким-то образом все они раз за разом приходили к размышлениям об Александре. Его изнурённое лицо то и дело всплывало в памяти. Вместе с образом его пришли очень смутные сомнения. «Нужно ли было вообще затевать всё это? – вдруг подумала она. – Ведь

всё началось с того, что мы случайно встретились на набережной. До этого дня я ни разу не видела его, не знала... Господи, да что же это я... Мы ведь нашли друг друга. Не иначе как это судьба! И сколько времени должно ещё пройти, чтобы осознать, что я... Что я люблю его? А может, так оно и есть! Это обыкновенная влюблённость, не иначе. По всем признакам – точно она. Я постоянно думаю о тебе. Ох, милый Александр...».

Размышления расплывались, становились нечёткими. Гладерика подняла голову и посмотрела на небо.

«Одно дело – мой двоюродный брат, – продолжала она свои размышления. – Мечтаний и грёз в нём всегда было предостаточно, и многие из них я разделяла – всё-таки он мой родной человек. Другое дело – Александр. Взятся из ниоткуда, поделился со мной своей мечтой – и с тех пор мы оказались связанными друг с другом. Ведь и аэроплан этот он делает именно для меня! Никто другой не может на нём полететь, никто!! Я! Одна лишь я должна испытать его, обуздать чудо техники!»

Нутро девушки вспылало ярким пламенем. Внезапно ей опротивел весь тот мир, который окружал его до этого момента.

«Но почему всё должно быть так сложно?! Почему, чтобы Александр принял меня, необходимо рискнуть своей жизнью, чтобы взлететь на этой машине выше облаков? И почему я не могу дать ему ни эмоций, ни своих чувств... Ведь

открыться человеку – это так легко. Так почему же?..»

На глазах у Гладерики выступили слёзы. Губы её задрожали, и она невольно шмыгнула носом. На это обратил внимание Стёпа:

– Гладерика, ты плачешь?

Девушка поспешно ретировалась и пришла в себя:

– Нет-нет, всё в порядке, правда.

– Вот как... Ты бы пошла в палатку, погреться.

– И ты меня прогоняешь?

– Да никак нет. Просто, если уж человек шмыгает носом, это значит, что он либо заболевает, либо уже болеет, либо плачет.

– Какой ты правильный и логичный, – раздосадовано молвила Гладерика. – Весь мир был бы таким, как ты – и выживать в нём нам всем бы не пришлось. Выживать посреди океана неопределённостей и испытаний, что уготовала нам старушка Судьба... Впрочем, чего это я? Так, пространные размышления о всякой чепухе. Лучше тебе забыть о том, что я тебе только что сказала.

– Как пожелаешь, – невозмутимо сказал Стёпа. – Я пойду, пожалуй. Учти, что в палатке всё-таки легче переносить ночные холода.

Сказав это, Стёпа встал с лавки и прошёл мимо Гладерики. Однако он неожиданно остановился и внимательно посмотрел в её большие синие глаза.

– Неужто у меня что-то написано на лице? – выдавила из

себя улыбку Гладерика.

– Вот, что я скажу тебе, – после некоторой паузы сказал Стёпа. – Если есть у тебя в жизни какая-то цель – вгрызайся в неё зубами. Иди к ней сквозь все невзгоды и испытания судьбы, о которых ты мне только что рассказала. Любящие тебя сейчас будут любить тебя и впредь, а мнимые друзья со временем просто растворятся. Лишь время показывает истинные сущности и намерения людей.

Гладерика смотрела на него с глубоким удивлением. Таким разговорчивым и откровенным Стёпа не был никогда, и вот лишь сейчас, именно в этот момент, его слова стали будто бы долгожданным лекарством, избавлением от терзаний и боли.

– Спасибо тебе, Стёпа, за эти слова, – тихо ответила она.

– Да поможет тебе Бог во всех твоих делах. Теперь я пойду спать, ибо нет ничего лучше для отдыха души и тела, чем крепкий сон.

– Спокойной тебе ночи!

– И тебе.

Чуть склонив голову, Стёпа ушёл к палаткам. Гладерика ещё несколько минут смотрела на него заворожённо, изумляясь, как он смог подобрать такие нужные ей в то мгновение слова. Для самой девушки, впрочем, ночь только началась. На аэродроме стало заметно тихо, а это значило лишь то, что настала пора долгожданных развлечений.

Гладерика, Ваня Дашков, Миля, Александр, Ваня Орлов, Коля и Серёжа стояли напротив ангара, в котором хранились самолёты. В бескрайнюю тьму врезались своим ярким светом электрические фонари, освещающие лётное поле и кромку взлётно-посадочной полосы. Со стороны озера повеяло холодным ветерком, из-за чего Гладерика поёжилась. Ваня Дашков и Миля всё копошились у дверей ангара. Наконец, тяжёлая металлическая дверь поддалась и со скрипом отползла в сторону. Затем они забежали внутрь и выкатили на всеобщее обозрение две своих машины.

– Это «Мирабель» и «Глория», – сказал Ваня Дашков, отряхивая руки. – На них мы сегодня полетим.

– Где же у вас взять топливо? – спросил Александр.

– Будет вам сейчас топливо, – ответил ему Миля и, подзвав своего друга, побежал к цистернам на противоположной от ангара стороне.

Немного погодя, они приволокли две небольших бочки с топливом и механическую помпу. Нащупав люк топливных баков на фюзеляже самолётов, за двадцать минут они закачали туда всё горючее, что было в бочках.

– Этого хватит? – с подозрением поинтересовался Александр.

– Безусловно, – ответили чуть ли не хором Ваня Дашков с Милей. – Мы сделаем даже не круг, а петлю. Зайдём на посадку с той же стороны, с которой взлетали. Ну, что, дамы и господа, – обратились они ко присутствующим, – кто с нами?

Помните, топлива хватит на один полёт каждому аэроплану, поэтому сможем взять лишь двоих попутчиков. Саша, ты в деле?

– В деле, – немного поразмыслив, согласился Александр.

– Кто ещё?

Однако над аэродромом воцарилась тишина. Первым её нарушил Коля:

– Я не полечу. Уж очень не доверяю я этим машинам... Тем более, насколько я помню, данные аэропланы являются одноместными. Так что извините уж, но я не буду рисковать.

– Поддерживаю решение Коли, – сказал Серёжа. – Я отлично помню характеристики, которые мы рассчитывали для этих машин. Они могут выдержать двоих, но при отсутствии иной нагрузки. А вы топлива залили доверху.

Такая решимость убедила и Гладерику. Она и изначально относилась к этой затее с большим подозрением, но здесь благоразумие перевесило все остальные ощущения. В то мгновение её не смущало даже то, что это был её шанс на первый полёт. «Во-первых, – начала с собой спорить Гладерика, – аэропланом буду управлять не я. Не готова я пойти на такой риск, даже не подержав ручку управления. Во-вторых, такая конфигурация с двумя людьми в одноместной кабине мне совершенно не нравится».

– Судари, я так же отказываюсь от этого дела, – сказала Гладерика. – Лучше я за вами отсюда понаблюдаю.

– Но почему? – удивился Миля. – Ты же хотела полетать!

Вот твой шанс!

– Уж очень опасный этот шанс. К тому же, вы всё равно не дадите управлять машиной.

– Ладно, Бог с тобой. Можешь не лететь, – махнул рукой Миля, а затем, повернувшись к Ване Дашкову, шёпотом добавил, – всё равно женщина на судне – к беде.

Ваня пожал плечами. В тот момент его тёзка, Ваня Орлов, заявил:

– А я вот полечу. Почему бы и не воспользоваться такой возможностью?

– Вот и храбрец нашёлся, – удовлетворённо кивнул Ваня Дашков. – Ну что, тёзка, полетим вместе?

– Отчего бы и нет? Полетим, конечно, – залихватски молвил Орлов.

– Итак, лётный экипаж в сборе. В таком случае, Гладерика, не могла бы ты нам одолжить лётные очки?

– Да, конечно, – спохватилась девушка и побежала к палаткам.

По дороге Гладерика выпросила у Стёпы ещё одну пару очков для своего двоюродного брата. Свои она твёрдо пожелала отдать Александру. «Пусть хоть это убережёт его, – подумала она».

Спустя ещё полчаса последние приготовления были завершены. К аэропланам подкатили лесенку, Гладерика выдавала Ване Орлову и Александру найденные очки. Миля и Ваня Дашков огласили последний инструктаж:

– Первым вылетает Ваня, затем я. Набираем высоту примерно в двести метров, идём вправо, затем разворачиваемся по направлению к полосе. Ориентируемся на фонарь. Постоянно смотрим на приборы, подсвечиваем фонарём, который возьмём с собой, – юноши указали на громоздкую лампу, поставленную на крыло «Мирабель». – Вы, друзья, тоже мёртвым грузом у нас на шеях не висите. Подсказывайте. Ладно?

– Принято, – ответил Александр.

– Раз все всё приняли, – вздохнув, сказал Ваня Дашков, – то позвольте откланяться, мои дорогие сухопутные братцы и сестрицы. Господин Орлов, прошу подняться на борт!

Тот, взглянув горделиво на машину, поднялся по лесенке вверх и очутился в кабине.

– Прошу садиться назад. Между кромкой фюзеляжа и моим креслом есть небольшой зазор, – сказал Ваня Дашков.

– До чего же здесь неудобно, – посетовал его тёзка, пытаюсь куда-то деть свои длинные ноги. – Чего не сделаешь ради полёта!

– Расположился?

– Так точно. Ну, братцы и сестрицы, – вздохнул Ваня Орлов, – в добрый путь!

Следом за ним в кабину вскарабкался и лётчик. Проведя при свете лампы все необходимые предполётные процедуры, он передал источник освещения сидящему сзади пассажиру.

– Подсобите кто-нибудь! – крикнул Ваня Дашков людям на земле. – Дёрните лопасти! И от винта!

Миля подбежал и с некоторой опаской со всей силы надавил на одну из лопастей. Пропеллер прокрутился, а затем, поймав искру зажигания, с фырканьем набрал быстрые обороты. Гул мотора наполнил ночной аэродром. Ваня Дашков приложил руку к козырьку, а затем поднял большой палец вверх. Мотор разогрелся достаточно, и аэроплан сдвинулся с места. Все заворожённо наблюдали за выходящей на взлётно-посадочную полосу «Мирабель». Машина остановилась у её кромки. Ваня немного помедлил, а затем аэроплан неистово загудел и помчался по земляному покрытию. Недалеко от электрического фонаря машина оторвалась от земли. Затем она понеслась куда-то во тьму. Лишь гул мотора да маленькое жёлтое пятно от лампы, что держал в руке Ваня Орлов, давали знать о том, что они ещё не слишком отделились от базы.

Все стоящие на земле замолчали, напряжённо вглядываясь в темень. Жёлтое пятнышко вскоре стало едва заметной точкой, которая внезапно стала поворачивать налево. Казалось, что вот-вот цепкие лапы ночи поглотят беззащитный летательный аппарат, а вместе с ним и двух тёзок...

– На петлю пошёл, – констатировал скрестивший руки на груди Миля. – Скоро поймает её... Как Роман Иванович её назвал... Глиссаду!

– Хоть бы всё благополучно прошло... – запричитал Коля.

– Ваня – паренёк находчивый, – обнадежил его Миля. – Уж электрический фонарь-то ему не заметить с такого рас-

стояния будет крайне тяжело!

Жёлтая точка вскоре вернулась на прежнее место и стала увеличиваться в размерах, вновь став пятном. Гул мотора вновь усилился. Совсем скоро в свете фонаря появились тёмные очертания самолёта. Машина пролетела пару десятков метров над полосой и мягчайше коснулась земли. На земле послышались возгласы восхищения и аплодисменты. «Мирабель» свернула с полосы и по рулётной дорожке проследовала к лётному полю, где уже на малой скорости заехала на стоянку. Вскоре после этого гул мотора полностью утих. Едва лопасти пропеллера перестали крутиться, самолёт окружили ликующие юноши и Гладерика.

– Ну, Дашков! Ну, герой! – воскликнул Миля. – Правда, я тоже так могу... Но ты молодец – не струсил, полетел!

– Посмотрим, как ты у нас не струсил, – съязвил шуточно в ответ тот. – Помогите выбраться нашему пассажиру.

Ваня Орлов сидел неподвижно в проёме, испуганно озираясь.

– Вылезай, братик, – позвала его Гладерика. – Всё закончилось!

Спустя несколько минут тётки уже стояли на земле, отряхиваясь и разминая ноги.

– Что же, – самодовольно сказал Ваня Дашков, – я своё уже отлетал, теперь настал ваш черёд, – с этими словами он взглянул на Милю и Александра.

– Запросто! – ответил расхрабренный Миля. – Саша,

полезай в проём!

– Принято, – молвил тот и полез по лесенке внутрь кабины.

– Эх, прощай, земля, – вздохнул Миля и залез следом.

Далее повторились те же действия, что и у Вани Дашкова. Однако на сей раз сердце Гладерики неприятно кольнуло. Она смотрела на ревущий мотор, на весёлого Милю, показавшего большой палец, и не могла понять, на каком из этапов данного действия что-то может пойти не так. Впрочем, спустя пару минут «Глория» Мили стояла на полосе. Ещё через полминуты аэроплан поднялся в воздух и стал отдаляться от поверхности земли. На сей раз никто так не беспокоился. Миля вёл свою машину аккуратно и плавно. Он отлетел на достаточно приличное расстояние, прежде чем сделать петлю. Многие, устав смотреть на скучную жёлтую точку, опустили глаза, разбрелись по аэродрому или разговорились с Ваней Дашковым. Лишь Гладерика с Колей, сидя на ящиках, продолжали всматриваться в темноту и в маленький огонёк.

Аэроплан совершил долгожданный разворот и стал понемногу приближаться к полосе. Сердце Гладерики стало отсчитывать секунды: тук-тук, тук-тук, тук-тук... На седьмом ударе электрический фонарь, направленный в небо и служивший единственным ориентиром ночью, внезапно погас. Раздался треск – и вся взлётно-посадочная полоса погрузилась в кромешный мрак. Гладерика вздрогнула и невольно

вытянула вперёд руки – их не было видно. Осознание ситуации пришло не мгновенно, но довольно быстро. Девушка в ужасе вскочила.

– Николай, – тихим дрожащим голосом позвала она.

– Я здесь, – ответил тот.

– Николай, надо бежать, скорее! – вдруг воскликнула Гладерика. – Там Александр, там Миля... Они же... Полоса...

Было слышно, как Коля напряжённо сглотнул.

– Я понимаю. – Эй, братцы, скорей несите какую-нибудь лампу!

Поднялся переполох. Постепенно привыкшими к темноте глазами Гладерика увидела, что каждый метался по лётному полю в поисках освещения. Гул мотора нарастал.

– Ваня, где лампа?! – в отчаянии спросил Коля у своего друга.

– Слово даю, отдал Саше! – воскликнул напуганный Ваня Орлов.

– Чёрт возьми... Что можно сделать? – схватился за голову Коля. – Быстрее в штабную палатку, там есть фонари!

Ваня Дашков и Серёжа побежали за освещением туда, куда велел Коля. Гладерика, вся дрожа, прислушалась. Звук становился всё громче и громче.

– Николай, – сказала она, – нужно приготовить воду.

– Зачем?

– На случай... Плохого исхода.

– Я понял, сейчас, – ответил Коля и побежал к бочкам с

водой.

Миля принял решение заходить на посадку вслепую, ориентируясь лишь по высотомеру. Тёмный силуэт аэроплана вынырнул из мрака и понёсся над полосой. Скорость с каждым мгновением уменьшалась. На секунду Гладерике даже показалось, что посадка будет плавной, однако спустя миг машина, задрвав хвост кверху, зарылась носом в землю. Послышался хруст, треск, а затем грохот – аэроплан охватило пламя. Ужас обездвижил девушку. Некоторое время она просто безвольно стояла, наблюдая, как сгорает «Глория». Однако на помощь тотчас подоспел Коля с юношами, которые неслись к полосе с вёдрами воды. Они принялись окатывать аэроплан с разных сторон, и вскоре пламя утихло. Очнувшись от оцепенения, Гладерика ринулась ко своим друзьям. У аэроплана горели крылья, но до кабины огонь не добрался. Залив водой пожар, едва проторив себе путь, Ваня Орлов, Коля и Гладерика залезли к кабине и достали из неё Милю и Александра. Девушка тащила, взяв под плечи, Александра, который был явно без сознания, ибо ноги его свободно волочились по земле.

– Продолжайте поливать! – крикнул Коля всем остальным. – Мы в лазарет.

На базе дневальные и караул уже объявили тревогу. Все подорвались с нар, быстро оделись и выбежали на улицу из своих палаток. Путь до лазарета был длинным, поскольку располагался он чуть дальше от штаба. Навстречу Гладери-

ке, Ване и Коле из тени выбежал тёмный силуэт.

– На месте стой! Не двигаться, руки по швам! – голос сразу же выдал в нём Гришу Доброва. – Вы, трое, отведите пострадавших в лазарет, а затем на построение! Сейчас я вам устрою ночные полёты...

Выражения, интонации и голос Гриши не предвещал ничего хорошего. Доктор Ларсен и Глаша проснулись по тревоге и сразу же приняли Милю и Александра, положив их на койки. В свете ламп оказалось, что всё лицо Мили было в крови. На теле Александра не было видно никаких видимых следов, за исключением красных рук. Гладерика испуганно смотрела на лежащих без сознания юношей, порывалась помочь, но Глаша отказалась.

– Иди на построение, – сказала она, выставив вперёд левую руку, а правой смачивая марлю в воде.

Девушка повиновалась и проследовала ко штабной палатке. Там уже собрались все, кто был на лётном поле, кто тушил пожар, а также те, кто отдыхал в палатках. Гриша выглядел по-настоящему свирепым – таким его ещё никто ни разу не видел.

– Равняйся! Смирно! Значит так, слушайте меня внимательно. Слушайте и осознавайте, каких масштабов преступление вы только что совершили. Причём совершили вы все! Все, кто в этот день допустил даже мысль о том, что приказа командира можно послушаться!

Вокруг фонаря, висящего у входа в штабную палатку, бес-

покойно кружились мотыльки. В воздухе повисло напряжение сильнее, чем при электрическом разряде.

– Решил я, значит, в столицу не ехать, а проведать мою любимую эскадрилью, чем вы занимаетесь в отсутствие проклятого тирана Гришки. И что я вижу? Абсолютно все двенадцать кандидатов в один день полностью уничтожили всю свою репутацию, свели на нет все свои старания и надежды. Каждый, в ком я видел раньше будущего воздухоплателя, отныне не будет стоять и ногтя на моём пальце! И ладно, если бы это было лишь среди нас. Нет же: вам понадобилось привезти из города наших инженеров, чтобы воплести их в собственные грязные замыслы! Инженеры в этом случае так же проявили самые свои худшие качества. Доверия после этого вам не будет никакого. Серёжа, – вдруг понизил он голос и подошёл вплотную ко своему бывшему сослуживцу, – и ты с ними заодно? Неужто ты не помнишь, с чего мы вдвоём начинали свою службу? Как чисты были наши журналы поведения? У нас двоих, Серёжа! Я видел в тебе друга, видел опору! И вот так ты теперь со мной поступаешь?

Тот молчал и не шелохнулся.

– Молчишь... После такого ты мне больше другом никогда не будешь! Теперь все, кто был этой ночью непосредственно на лётном поле – шаг вперёд!

Робко и несмело из строя вышли Гладерика, Ваня Дашков, Ваня Орлов, Коля и Серёжа.

– Взгляните на них. Страна должна знать своих «героев»!

Эти люди находятся с вами в одной эскадрилье, ели с вами одну еду, делили с вами нары в палатках. Впрочем, все вы теперь представляете собой один змеиный клубок!

Речи Гриши с каждым разом всё больше походили на истерику. Он то спускался на тихие тона, то снова начинал кричать.

– Грядёт война! Большая война! – вскрикивал он, и с каждой сказанной фразой его лицо становилось всё багровее. – А вы хотите оставить Отечество без воздухоплавания?! Такие вы, значит, достойнейшие новобранцы? Я уже было подумал, что с вами приятно иметь дело, но какими же вы оказались подльцами...

Ваня Дашков вдруг вспылил и схватил Гришу за пазуху.

– Ты, чучело в эполетах, нам порядком надоел. Все эти месяцы мы не получили и доли человеческого к себе отношения. Что ты сам-то можешь? Сможешь прямо сейчас сесть в «Мирабель», взлететь, выполнить свои же упражнения и приземлиться так, чтобы не угробить аэроплан к чёртовой матери?!

Гриша оторопел и несколько мгновений не мог пошевелиться.

– Молчишь, – продолжил Ваня. – И так по глазам всё видно. Ты ни на что, кроме как донимать своих ровесников глупыми приказами, не способен. Ты мне ещё с момента первой нашей встречи не понравился. «Подобные намерения будут восприняты мною как инсинуации, чем вы оскорбите мою

офицерскую честь», кажется, так ты говорил? Ну, так где твоя честь, офицеришка? – ухмыльнулся Ваня. – Кидай перчатку, ну же. Сатисфакция не заставит себя долго ждать, уж поверь. По крайней мере, если этого не сделаешь ты – это сделаю я; и пусть пуля нас рассудит!

– Ваня, полно, – испуганно произнесла Гладерика. – Прекрати.

– Это уже не шутки, Ваня, отпусти его сейчас же, – настоял Стёпа.

– Его-то? – показал Ваня поворотом головы на испуганного Гришу и тут же разжал пальцы.

Тот отстранился на пару шагов назад.

– Т-ты, – сбивчиво и тихо начал он. – Хоть понимаешь, что ты только что сделал? Да тебе прямая дорога под трибунал и на каторгу. Я лично прослежу, – опять начал заводиться Гриша, пусть даже не с таким запалом, – чтобы лично полк конвоировал тебя пешком до Камчатки в шестипудовых кандалах.

– Только сперва я с удовольствием послушаю твои оправдания перед высшим командованием по поводу двух покалеченных подопечных.

– Молчать! Дашков, ты меня вывел из себя окончательно. Запомни: не видать тебе ни полётов, ни спокойной жизни в столице. Все вы такие, и ваш род всегда был таким, как ты.

– Да кто ты вообще такой, собака? – снова вспылил Ваня и хотел снова броситься на него, но Стёпа с Ваней Орловым

удержали его.

Гладерика почувствовала, как к горлу подступает тяжёлый ком. Она была напугана и растеряна. Как она ни старалась сдерживаться, всё же через мгновение с её щеки упала слезинка.

– Ещё раз вам всем повторяю: со мной шутки плохи, – говорил Гриша. – Я бы вас всех уже прямо сейчас отдал под трибунал. Тебя, Дашков, особенно. Почему я вынужден поучать вас как маленьких детей? Сколько, по-вашему, стоит аэроплан Друцкого, а? Ну, вы же не ответите... Вам всё поднесли на блюдечке – и вот чем вы отплатили.

Сквозь его сетования донеслись всхлипывания Гладерики. Девушка плакала, закрыв лицо руками. Плакала, но ничего не говорила.

– Дельштейн-Орлова, – обратился он к ней, – почему не слушаешь?

Но вместо ответа она расплакалась ещё больше.

– Говори больше, шут, – сказал презрительно Ваня. – Довёл девушку до слёз. Ты доволен?

– Гладерика... – уже намного мягче и с явным испугом в голосе сказал Гриша. – Прошу, отставить плакать.

Ваня Орлов подошёл к ней.

– Не плачь, сестричка, прошу тебя, – сказал он ласково, погладив её по голове. – Помнишь случай, как я чуть не сжёг весь дом, а нас потом отчитывала madame Бонне? Помнишь, с каким багровым от ярости лицом она смотрела на нас? На-

туральный монстр! Чем Гриша сейчас похож на эту гидру тогда?

Гладерика вдруг ощутила некое едва ощутимое тепло, исходившее от дрожащей от страха руки своего двоюродного брата. Практически незаметное, оно всё-таки передалось ей.

– Случай и впрямь был страшный... – тихо произнесла она.

– Вот! То, что происходит сейчас, не намного страшнее. Ну же, Гладерика, выше носик, – сказал он и чуть нажал на её нос.

Сквозь слёзы Гладерика улыбнулась.

– Судари, – сквозь всхлипывания наконец произнесла девушка, немного придя в себя, – разве можно так? Гриша, мы очень виноваты перед тобой, перед Романом Ивановичем, перед Александром Фёдоровичем. Если ты исключишь нас из эскадрильи и представишь перед трибуналом, я покорно повинуюсь, ибо не знаю, как ещё искупить эту вину.

– Да, мы виноваты перед всем нашим командованием и перед Богом за такую провинность, – склонив голову, молвил Ваня Орлов. – Мы недостойны больше находиться в рядах эскадрильи. Признаю это.

Тем временем, Гриша окончательно успокоился.

– О вашем деянии будет доложено Роману Ивановичу. Это даже не обсуждается. Сейчас все, кто был в это время на аэродроме, будут вызваны на допрос в штабную палатку. Также моим приказом Дельштейн-Орлова, Дашков, Орлов,

Кирсанов и Одинцов бессрочно заключены под стражу до особого распоряжения. Сейчас я бы хотел проведать пострадавших. Едва они излечатся, их так же ожидает заключение под стражу и суд. Всем всё ясно?

– Так точно.

– Для всех остальных – отбой!

Люди тут же разошлись по своим палаткам, а те, кто был в тот злополучный миг на лётном поле, остались стоять на холоде у штабной палатки. Ветер гулял по вновь стихшему аэродрому, на который только что свалилась тяжёлая и горькая ноша...

Глава 10. Совет.

Утро конца июля в столице было на удивление тёплым и безоблачным. Весело и безмятежно кричали чайки, из порта слышались гудки пароходов, а городские улицы шумели обыденностью: то промчавшимся конным экипажем, то перекрикиванием барышень на рынке, то редким шумом автомобилей. Беззаботные люди наверняка бы потратили этот день на приятную прогулку по городу. К ним, однако, никоим образом не мог принадлежать Роман Иванович. Едва приехав, он надел парадную офицерскую форму и направился в здание двенадцати коллегий, где сегодня должно было пройти совещание по теме эскадрильи «Золотые крылья». Стоя в приёмной, он то и дело нервно вытирал пот со лба. Мимо него проходили высокопоставленные офицеры и чиновники, интересовались здоровьем и ходом дел, но на это он мало обращал внимание. Наконец, спустя полчаса томительного ожидания, секретарь позвал его в кабинет.

Открыв дверь, Роман Иванович увидел длинный стол, за которым, разложив бумаги, карандаши и перьевые ручки, сидели семь человек. Все как на подбор носили пышные усы, на их груди виднелись многочисленные ордена, а на плечах золотились эполеты. Роман Иванович склонил голову.

– Здравия желаю, досточтимые господа, – твёрдо и уверенно поздоровался он.

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие, – поприветствовал его по чину председатель совещания, сидевший на торце стола за большим триколором. В нём Роман Иванович сразу узнал Сергея Юльевича Витте.

– Прошу, садитесь, – указал Сергей Юльевич на свободное место напротив него. – Полагаю, теперь все в сборе, и мы можем начинать наше совещание. Начать его я бы пожелал с выслушивания доклада Романа Ивановича о нынешнем состоянии дел в эскадрилье. Однако вчера появились обстоятельства, которые я бы назвал не терпящими отлагательств. Я считаю, что в связи с данным событием мы имеем право выйти за рамки регламента нашего совещания. Докладываю: в ночь на сегодня вследствие пневмонии скончался контр-адмирал, основатель, меценат эскадрильи «Золотые крылья», а также наш добрый друг Александр Фёдорович Можайский.

Все присутствующие разом поникли. У Романа Ивановича перехватило дыхание.

– Это невосполнимая утрата для нас. Наша Родина потеряла блестящего морского офицера, доброго человека и мечтателя, что приоткрыл нам тайну небесной выси. Перечислять все заслуги, что он сделал за все годы своей долгой жизни – бессмысленно. Уважаемые господа, я предлагаю почтить память Александра Фёдоровича минутой молчания.

Все поднялись со своих мест и, опустив голову, вслушались в тиканье часов, которые принялись отсчитывать отве-

дённное время. «Упокой, Господи, душу раба Твоего Александра, – стал молиться про себя Роман Иванович. – И прости ему все согрешения его вольные и невольные, и даруй ему Царство Небесное. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь».

Несмотря на то, что все остальные стояли неподвижно и не смели пошевелиться, он перекрестился. Это воздействовало на остальных, и уважаемые господа так же прочитали заупокойную молитву и перекрестились. На несколько десятков секунд воцарилась мёртвая тишина...

По истечении минуты Сергей Юльевич продолжил:

– Молебен пройдёт на днях в храме Воскресения Христова на Васильевском острове. Всех, кто не будет обременён делами на это время, предлагаю явиться на почтение памяти Александра Фёдоровича. Это то, что я срочно хотел передать всем вам. Теперь же вернёмся к нашему совещанию. Роман Иванович, прошу вас, – пригласил его председатель. – Всех остальных прошу садиться.

Роман Иванович остался стоять.

– Досточтимый совет, ваше высокопревосходительство, – начал он, смотря на Сергея Витте, – мною предоставляется доклад о текущем положении дел в эскадрилье «Золотые крылья». На сегодняшний день все члены эскадрильи, взятые на обучение в начале лета, освоили все необходимые основы воздухоплавания. Под началом лейтенанта Доброва Григория Алексеевича все двенадцать кандидатов: выпол-

нили тренировочные прыжки с парашютом, прошли полосу препятствий, подготовку на макетах летательных аппаратов, выучили наизусть весь полётный инструктаж и технику безопасности. Три дня назад начались тренировочные полёты на лёгких аэропланах, выполненных по чертежам инженерной команды эскадрильи, расквартированной в Ш-бурге. На сегодняшний день все двенадцать кандидатов готовы выполнить полёт на новом типе воздушного судна.

– Всё, что вы говорите, производит приятное впечатление, – закивал понимающе Витте. – Скажите пожалуйста, выделились ли за всё время обучения безусловные лидеры? Вы прекрасно понимаете, что не все двенадцать кандидатов смогут испытать новый аэроплан. Нам требуется один, самый достойный кандидат.

– Конечно, ваше высокопревосходительство, – сказал Роман Иванович, погрузив руку в свой портфель. – Исходя из медицинских показателей, результатов физической и умственной работы, а также по результатам тренировочных полётов лидерами являются: Адлерберг Степан Франкович с позывным «Старгейт», Дашков Иван Иванович с позывным «Тюльпан», Дельштейн-Орлова Гладерика Дмитриевна с позывным «Аурус» и Друцкий Милорад Евгеньевич с позывным «Миля». Требуется ли вам наиболее точные сведения о них?

– Мы были бы рады взглянуть, – сказал Витте. – Впрочем, вам нет особой необходимости сейчас проговаривать

их. Просто дайте мне документ с этими сведениями.

– Конечно, возьмите, – отдал Роман Иванович лист бумаги.

Совет вновь замолчал. Все ждали, когда председатель даст комментарий к докладу. Роман Иванович продолжал стоять.

– Что же, – спустя некоторое время сказал Витте, – господа-заседатели, перед нами вырисовывается интереснейшая картина: безусловным лидером по всем показателям является Гладерика Дельштейн-Орлова.

Люди в совете начали перешёптываться, чесать подбородки и теребить усы.

– Однако можем ли мы в таком ответственном деле, как демонстрация первого испытательного полёта на новом типе воздушного судна, положиться на девицу? Сообщаю вам также, что по всем результатам к ней вплотную приблизился Степан Адлерберг. Роман Иванович, не могли бы вы передать мне характеристики господина Адлерберга и госпожи Дельштейн-Орловой для ознакомления?

– Конечно, ваше высокопревосходительство, – ответил тот и, порывшись в портфеле, достал два листка. – Прошу вас.

Сергей Витте, сжав губы, долго и напряжённо всматривался в два документа, изредка что-то пометая в своём блокноте. Наконец, подняв голову, он сказал:

– Поразительно... Обе характеристики будто списаны друг с друга. Роман Иванович, что вы можете сказать об этих

двоих кандидатах?

– Я могу сказать, что оба они готовились к полётам, выкладываясь на полную силу. Различие их, пожалуй, состоит лишь в том, что господин Адлерберг по характеру более флегматичен и безразличен, нежели госпожа Дельштейн-Орлова, которая взялась за дело с плохо скрываемым энтузиазмом и рвением.

Воцарилось молчание. Председатель решил выйти из положения маленьким компромиссом:

– Уважаемые господа, я предлагаю ненадолго отложить данный вопрос. Все вы понимаете важность данного мероприятия. На место испытания приедут журналисты и фотографы – в том числе и иностранные. Новость об этом полёте распространится по всему миру и некоторое время будет на первых полосах в газетах и журналах. Я бы пожелал, чтобы наша страна не ударила в грязь лицом на этом важном событии. Важность момента состоит не только в правильном выборе кандидата на испытательный полёт, но и в названии летательного аппарата. Мне бы хотелось услышать версии самих инженеров.

– Конечно, – в который раз уже ответил Роман Иванович. – Для разработанного инженерным отделом эскадрильи «Золотые крылья» самолёта нового типа Орловым Иваном Николаевичем с позывным «Лютик» было предложено название «Идиллия».

Витте слегка прищурил глаза.

– Это название было одобрено и поддержано всеми членами инженерного отдела, в том числе начальником – Фридрихом Брауном.

– Я понял вас, – ответил председатель. – Что же, уважаемые господа-заседатели, есть ли у вас какие-либо иные предложения, либо замечания, либо возражения к данному наименованию?

Присутствующие молчали.

– В таком случае, всеми нами единогласно одобрено название «Идиллия». Мне оно также импонирует. Оно выражает некоторую лёгкость и непринуждённость, с которой будущее судно покорит небесное пространство.

Роман Иванович облегчённо вздохнул. Имя было подобрано, и хотя бы один вопрос из многих был закрыт.

– Следующая тема нашего обсуждения – дублёры. Уже понятно, что самыми вероятными кандидатами являются Степан Адлерберг и Гладерика Дельштейн-Орлова. Однако мы не можем быть полностью уверенными в их надёжности. У кого-то может быть испорчено самочувствие, а возможно, придётся совершить повторный вылет. Основным дублёром испытателя, конечно же, будет являться либо Дельштейн-Орлова, либо Адлерберг – в зависимости от окончательного выбора. В качестве дополнительных дублёров я предлагаю кандидатуры двух других лидеров – Ивана Дашкова и Милорада Друцкого. Есть ли у кого-нибудь из вас возражения по данному вопросу?

В ответ все так же, как и в прошлый раз, промолчали.

– Замечательно! Мне нравится, господа, как мы легко и свободно мы сегодня работаем. Наконец, можно перейти к прениям сторон, как бы это назвали в суде, касаясь окончательного выбора кандидатур. Сначала я бы хотел выразить собственное мнение по данному вопросу...

Договорить Сергею Витте не дал неожиданный стук в дверь.

– Войдите! – громко сказал он.

В зал вошёл секретарь с письмом в руке.

– Роман Иванович Корнилов, вам письмо высшей срочности, – коротко передал посыльный и вручил адресату конверт.

Тот сильно разволновался.

– Досточтимый совет, ваше высокопревосходительство, могу ли я отлучиться на некоторое время? – спросил Роман Иванович.

– Конечно, можете выйти ненадолго, – сказал Витте. – А мы пока продолжим совещание.

– Покорнейше благодарю! – ответил Роман Иванович и вышел за двери.

Полетели клочки бумаги – он чувствовал, что это письмо слишком большой важности, чтобы медлить с его прочтением. Развернув лист, он прочитал следующее:

«Уважаемый Роман Иванович!

Доношу до вашего сведения, что в

ночь на сегодня на территории аэродрома базирования эскадрильи «Золотые крылья» произошло чрезвычайное происшествие. Следующие кандидаты – Иван «Тюльпан» Дашков, Гладерика «Аурус» Дельштейн-Орлова и Милорад «Миля» Друцкий – вместе с несанкционированно прибывшими на территорию аэродрома инженерами – Александром «Эдельвейсом» Стефенссоном, Иваном «Лютиком» Орловым, Николаем «Мэйфлауэром» Кирсановым и Сергеем «Данделионом» Одинцовым – в полночь незаконно проникли на техническую часть базы, привели два самолета в пригодное для полетов состояние и совершили несанкционированные вылеты. На борту одного самолета, закреплённого за Дашковым, находился он сам вместе с Орловым. Их полёт, по словам свидетелей и по собственным словам, прошёл без внештатных ситуаций. После посадки вылетел самолёт, закреплённый за Друцким с самим Милорадом на борту и Александром Стефенссоном. Непосредственно перед посадкой навигационный фонарь, установленный у торца взлётно-посадочной полосы, прекратил функционирование. Не справившись с управлением в темноте, самолёт потерпел крушение и сгорел. Друцкий и Стефенссон выжили. Первый получил многочисленные ожоги и ушибы, у второго, по заключению доктора Ларсена, диагностирован перелом правой ключицы. Пожар быстро ликвидировали, пострадавшие находятся в стабильном состоянии. Дашков, Дельштейн-Орлова, Орлов, Кирсанов и

Одинцов содержится под стражей до вашего распоряжения. Прошу немедленно принять меры по привлечению к ответственности виновных.

С уважением, Григорий Добров».

Роман Иванович оцепенел. Закусив нижнюю губу, он несколько раз прошёл глазами по тексту, пытаясь осознать, что произошло. Страх и сокрушение овладели им. Однако ничего уже нельзя было поделать. Первой мыслью было не докладывать о случившемся совету, но тотчас пришло осознание, что это было бы не просто ошибкой, а преступлением. «Если в дублёрах уже значится Друзкий, то ничего не поделаешь – придётся докладывать, – подумал он».

Он приоткрыл дверь кабинета. Внутри уже вовсю шло обсуждение.

– Сергей Юльевич, я настаиваю! – сказал министр путей сообщения Кригер-Войновский. – Не может быть, чтобы в нашей стране девица полетела первой. Это будет самым тяжёлым ударом по репутации нашей страны.

– О чём вы говорите? – изумился морской министр Иван Григорович. – В нашей стране женщины работают уже давно. Совсем скоро – а я верю, что этот час недалёк – они полностью сравняются правами с мужчинами. Это прогресс, уважаемый Эдуард Брониславович, который не остановить!

– Господа, прошу минуточку внимания, – обратился к ним Витте. – Роман Иванович, садитесь.

– Досточтимый совет, господа-заседатели, – обратился к

ним Роман Иванович, переступив через порог, – только что мною было получено срочное донесение с территории аэродрома. Ваше высокопревосходительство, держите, пожалуйста, – с этими словами он передал председателю письмо.

– Так-так, интересно, – сказал он, разворачивая лист. – Не будете ли вы против того, чтобы я зачитал его вслух?

– Никак нет, это относится к теме нашего совещания.

После этого Витте зачитал всё письмо полностью. На несколько секунд после этого в зале вновь повисло молчание. Но затем Кригер-Войновский заговорил:

– Видите, что произошло? Это то, о чём я вам и говорил! Этим людям необходимо отдать под военный трибунал, чтобы ни одного совершённого ими злодеяния не было утаено.

Совет уже не шептал, а гудел. Многие требовали отдать провинившихся кандидатов под суд, лишить их права участвовать в полётах. Среди всего этого шума и гула молчали лишь трое: внимательно слушающий прения Сергей Юльевич, бледный от страха и отчаяния Роман Иванович и сидящий рядом с ним господин – министр внутренних дел Империи Пётр Аркадьевич Столыпин. Он сидел, положив руки на стол и опустив голову, постоянно думая о чём-то. Внезапно он повернулся к Роману Ивановичу и, приблизившись, тихо сказал:

– Роман Иванович, скажите, участвовала ли Гладерика в этих ночных полётах?

– Как вы недавно слышали, нет, – ответил он.

– Летала ли она вообще?

Вопрос застал Романа Ивановича врасплох. Оставалось лишь гадать, каким образом он смог прийти к этой мысли.

– Никак нет, – ответил он. – Знаете, Пётр Аркадьевич, есть у меня некоторые соображения, почему она вообще оказалась там.

– Поделитесь со мной, пожалуйста.

– Как я уже сказал, Гладерика не смогла полететь в первый раз. В её аэроплане обнаружили серьёзную неисправность, отчего вылет был отложен на неопределённый срок. Ей очень хотелось очутиться в небе, пусть даже таким незаконным способом. Однако даже тогда она не приняла в этом участия. Наоборот: судя по всему, она помогала тушить начавшийся пожар и спасала своих товарищей.

Столыпин кивнул.

– Я согласен с вами. В сущности, Гладерика – девушка очень волевая и отважная. Таких в нашем мире очень мало. Уж простите за такой вопрос: мила ли она лицом?

– О да, – молвил Роман Иванович. – Без какой бы то ни было косметики она – красавица. Золотые длинные волосы, большие синие глаза... Впрочем, вам лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Сказав это, он вновь порывлся в своём портфеле и достал оттуда фотографии кандидатов.

– В таком случае, – сказал Столыпин, – не могли бы вы показать мне, как выглядит и Степан Адлерберг?

– Конечно.

Две фотографии теперь лежали на столе.

– Оба кандидата весьма хороши собой. Впрочем, какова же красавица Гладерика! – вздохнул он, глядя на её портрет. – Какая выразительность в каждой черте её лица! Был бы я не женат – обязательно бы присмотрелся к ней. Но главное, что я вижу в её взгляде – это огромную волю и желание полететь. При всей красоте Степана Адлерберга, никакого блеска в его глазах я не замечаю. Я буду ратовать за то, чтобы именно Гладерика стала испытателем «Идиллии».

– Я вас понял, Пётр Аркадьевич, – ответил Роман Иванович. – Благодарю вас за выбор.

– Дело осталось за малым – убедить присутствующих в том, что именно она достойна этого звания, – улыбнулся Столыпин.

С этими словами он встал со своего места и подошёл к председателю Витте вместе с двумя фотографиями кандидатов, зашептав что-то ему на ухо. Тот внимательно выслушал его, а затем, кивнув, предложил ему сесть на своё место. Дискуссия всё продолжалась, и по всему было понятно, что абсолютное большинство после полученных сведений оказалась против того, чтобы Гладерика участвовала в испытании. Внезапно со своего места поднялся Столыпин:

– Господа-заседатели, прошу внимания! Я прекрасно понимаю, что то, что сотворили эти молодые люди, является подсудным делом, преступлением. И будьте уверены: я, как

министр внутренних дел, доведу расследование до конца. Виновники будут наказаны, кто бы это ни был. А пока я бы хотел показать вам некоторые фотографии, – с этими словами он взял со стола портреты Стёпы и Гладерики и поднял их над своей головой. – Видите ли вы их лица? Всмотритесь внимательно. Это два наших основных кандидата, вокруг которых поднялась такая бурная дискуссия. Что вы можете сказать об этих фотографиях?

– Девушка выглядит живее, – тотчас последовал вердикт от министра путей сообщения.

– Я согласен! – услышались голоса всех остальных. – Юноша выглядит красивым, но будто бы безразличным.

– Это то, о чём я и говорил! Посмотрите на красавицу Гладерику, на её выразительные черты лица, на её стать. Только представьте, как она будет смотреться в лётном костюме возле нового летательного аппарата. Это будет чудо эстетики и элегантности! Мнение о нашей стране будет на наивысшем уровне. Это всё дополнение к тому, что она – лучшая среди кандидатов. Она самая волевая. Представляете, какого труда стоило ей освоить мужскую программу? Она сделала это лучше всех своих товарищей. Моё аргументированное предложение: назначить её в качестве испытателя.

– А инцидент с её участием? – спросил кто-то из-за стола.

– Любой инцидент всегда можно замять. Главное, что она не принимала непосредственного участия в полётах. Наоборот: помогала спасать пострадавших и тушить пожар. То

есть, мало того, что она лучшая во всей эскадрилье, целеустремлённая и красивая – так она ещё и очень храбрая! Господа, я просто не вижу причин отказать такому кандидату.

Настроение у совета переменялось. Они посмотрели на ситуацию с другой стороны и начали задумываться.

– Вы знаете, уважаемые господа-заседатели, – вдруг обратился к присутствующим долгое время молчавший Витте, – я поддерживаю мнение господина Столыпина. Надо думать, Роман Иванович тоже?

– Так точно, ваше высокопревосходительство, – ответил он.

– В любом случае всё должно решить голосование. Можем ли мы провести его сейчас?

– Отчего же нет? – ответил Кригер-Войновский. – Думаю, результат нам известен заранее.

– Что же, – усмехнулся Витте, – давайте голосовать. Кто считает, что испытателем необходимо назначить Степана Адлерберга?

Несколько людей всё же подняли руки.

– Кто считает, что испытателем достойна стать Гладерика Дельштейн-Орлова?

Как и сказал министр путей сообщения, результат был известен заранее. Практически все выступили за её назначение, подняв руки – кто-то уверенно, а кто еле-еле как.

– Всё понятно, – улыбнулся председатель. – Что касается дублёров, то основным выступит, конечно же, господин Ад-

лерберг. Ни Ивана Дашкова, ни Милорада Друцкого после случившегося на эту роль уже не поставить никак. Знаете... дублёр может быть один. Зачем нам их несколько?

– Действительно, – кивнул сидящий рядом чиновник.

– Ивана Дашкова и Милорада Друцкого нужно будет судить по всей строгости закона. О полётах, ясное дело, больше речи не идёт. Более того: лично я бы подумал об их исключении из «Золотых крыльев», но боюсь, у нас и так мало подготовленных кандидатов, – внезапно Витте перешёл на очень серьёзный тон. – Согласно докладу военной разведки, такие же организации созданы и в странах наших вероятных врагов. Надеюсь, все вы понимаете исключительную важность данного мероприятия? Все кандидаты обязаны научиться летать на новом типе самолёта. Они будут задействованы в возможных военных действиях. Как бы это ни было при-
скорбно, но мы готовим не мечтателей, а военную элиту. Надеюсь на вашу поддержку в этом нелёгком деле. Впрочем, на сегодня наше совещание можно считать окончанным. Благодарю каждого из вас за активное участие в сегодняшних обсуждениях. Что касается самолёта, – вдруг дополнил председатель, – то он будет доставлен уже завтра ночью. Данное мероприятие является тайным. Уже послезавтра он будет собран в специальном ангаре и полностью проверен. Госпоже Дельштейн-Орловой пока не стоит об этом говорить. Она узнает о своём статусе испытателя ровно в день самого испытания. Её и всех, кто не участвовал непосредственно в по-

лётках, необходимо освободить из-под стражи, а инженеров отправить обратно в город. На этот раз точно всё.

Все принялись прощаться и расходиться. Роман Иванович взял портфель и с облегчением вышел из зала, направившись к выходу. Предстояло написать письмо Грише Доброву, в котором ему будут изложены инструкции по дальнейшим действиям. Когда он вышел из здания двенадцати коллегий, столицу снова накрыла облачность, а ветер поднялся над косыми крышами бесчисленного множества домов. Настала пора возвращаться в Ш-бург...

Вплоть до вечера Гладерика, Ваня Дашков, Ваня Орлов, Коля и Серёжа просидели в штабной палатке под вооружённым надзором. Гриша распорядился не давать им ничего, кроме хлеба и воды, а также запретил общаться с ними остальным кандидатам. Большую часть времени они просидели в углу палатки на каких-то ящиках. Девушке в голову лезли столь неприятные мысли, что это было настоящим мучением. В небе над Л-жским озером сгустились тучи и поднялся ветер. Всё это время заключённые ни о чём между собой не общались. Каждый думал о чём-то своём. «Вот и закончилась твоя история, Гладерика, – думала девушка про себя, чертя пальчиком какие-то узоры на поверхности дерева. – Долеталась. Теперь меня ждут бесконечные разбирательства, суды, допросы, а потом, в лучшем случае – позорное исключение из рядов эскадрильи. Вот так и исполняй

мечты... Молодец, что сказать».

По стенкам палатки застучали капли дождя.

«А ведь кто виноват, что я такая дурочка? – чуть ли не прошептала Гладерика. – Ведь могла бы спокойно сидеть в своей палатке в эту ночь... – Но тут внезапная мысль поразила её. – Не могла! В кабине аэроплана летел Александр. Дорогой, милый Александр... Почему я не отговорила его? Ведь могла же! Он бы послушал меня! Все бы меня послушали – и Ваня Дашков, которому сейчас, наверное, ещё хуже, чем мне; и Миля мог бы послушать! Ах, какая же я дура».

В подобных размышлениях и отчаянии минул целый день. Ближе к отбою в штабную палатку вновь пришёл Гриша Добров. Зайдя внутрь, он приказал:

– Все, кроме «Тюльпана» – на выход. Инженеры, поедете в город. Вас заберёт Герр Браун. «Аурус», приказано тебя освободить из-под стражи. Бегом в свою палатку, уже отбой.

Гладерика слегка изумилась, однако она была не в том положении, чтобы не соглашаться с данным решением. Выбежав из штаба, она первым делом умылась холодной водой, а затем прошла к Глаше.

Впрочем, её в палатке не оказалось. Гладерика быстро переделалась в уставной спальный костюм, который представлял собой хлопковые синие штаны и сорочку, и улеглась к себе на нары. Сон всё никак не шёл, несмотря на то, что за прошедшие сутки она очень утомилась. Из головы никак не уходил образ Александра, который лежал на койке с красны-

ми руками. Она ворочалась и вздыхала, но всё было безрезультатно. Внезапно в палатку вошла Глашенька и чуть не завопила от страха, увидев Гладерикау.

– Тихо, тихо, милая, – поспешила успокоить её девушка. – Меня с Колей, Ваней Орловым и Серёжей выпустили из-под стражи.

– Неужто?.. – растерянно молвила Глашенька, но тотчас обрадовалась. – Я так за тебя рада! А ты не знаешь, где сейчас господин Кирсанов?

– Его отвезли вместе с остальными инженерами в город до выяснения обстоятельств. Видимо, там у них будет что-то вроде домашнего ареста, зная нравы Герра Брауна.

– Почему?

– К сожалению, теперь всех, кто был хоть как-то причастен к происшествию, ожидает дознание и большие неприятности. Да, Глашенька, вот видишь, как оно бывает... Сначала ты – лучшая кандидатура, сдаёшь все нормативы на «отлично», учишь в совершенстве все инструктажи и предписания, но потом какая-то ерунда стреляет тебе в голову – и тебя ждёт в лучшем случае исключение с позором из рядов эскадрильи...

Гладерика говорила всё это с напускным спокойствием и отрешённостью.

– Как всё это горько и неприятно, – только и могла дрожащим голосом Глашенька.

– Что поделать? За все свои проступки, так или иначе,

несёшь ответственность. Не нужно было мне там появляться. Наверное, завтра меня увезут в неизвестном направлении, как и моего двоюродного брата. Ох, какой «приятный» сюрприз мы подготовим нашей семье!

Глаша промолчала. Она подошла ко столу и зажгла керосиновую лампу.

– Впрочем, мне ещё повезло, я в аэропланах не сидела и полёты не совершала. Все могут это подтвердить. А вот Миле с Ваней Дашковым, зачинщикам этой авантюры, светит срок на каторге, как и предупреждал нас на том построении Гриша.

– Ты зла на него?

– На Гришу? Ничуть... Мне жалко его и стыдно перед ним, ведь мы всё-таки ослушались его приказа. Приказа здравого, непротиворечивого, прямого. Мне страшно даже думать о том, как его будут отчитывать в высоких кабинетах.

– И я того же мнения... Знаешь, я впервые за долгое время увидела человеческие страдания. Господин Друцкий... Он лежал в лихорадке. Изредка приходил в себя, и в это время ожоги на его лице не давали ему сделать и малейшего движения без боли. Часто я просто капала холодной водой на его пылающие щёки, чтобы хоть немного облегчить его мучения. Страшное это дело... Хорошо, что больше никто серьёзно не пострадал.

– Что с Александром сейчас? – наконец задала наболевший вопрос Гладерика.

– Стабильное, идёт на поправку. Руки обгорели несильно, скоро сможет вернуться к нормальной жизни. Ключица срастётся, но никогда больше не будет прежней. Впрочем, это ему несильно мешает.

– Сколько она будет заживать?

– Недели три, может месяц – не больше. Так доктор Ларсен сказал.

– Хоть это обнадеживает, – вздохнула девушка.

– Вообще, Александру твоему повезло, – улыбнулась Глаша. – В отличие от Мили, он отделался столь легко, что очень быстро встанет на ноги. До окончания лечения он будет находиться у нас в лазарете – таково распоряжение доктора Ларсена.

Лицо Гладерики невольно выразило радость.

– Значит, я могу его навещать?..

Глашенька грустно покачала головой.

– Доктор вместе с Гришей запретили приближаться к больным всем, кроме командования. У их коек кто-то постоянно дежурит.

– Но как? Почему? Неужто и нам нельзя?

– Вам, как сказал Гриша, тем более нельзя.

– Но почему?.. – растерянно повторила вопрос Гладерики. – Что я лично сделала ему плохого? Я свои лётные очки ему отдала, чтобы он от ветра защитился...

– К сожалению, никому из них ты этого не докажешь, – молвила Глаша. – Ложись спать, моя хорошая. С Алексан-

дром всё будет в порядке, ибо мы с доктором прилагаем все возможные усилия, чтобы ускорить его выздоровление.

– Да? В таком случае, ладно, – успокоилась девушка и перевернулась на спину. – Эх, Глашенька... А ведь всё так хорошо начиналось...

– Не говори глупости! Всё образуется, вот увидишь. Ничего страшного ни с тобой, ни с Александром, ни с твоим братом не сделают.

– Ты так говоришь, чтобы успокоить меня, – вздохнула Гладерика. – А что, если...

– Никаких «если»! – запричитала Глаша. – Ложись-ка лучше спать, а завтра на свежую голову ты ещё раз всё хорошенько обдумаешь. Утро вечера мудренее.

На этот раз, услышав обнадеживающие речи девицы, Гладерика действительно быстро отошла ко сну. Предстоял новый день, который станет, по её мнению, судьбоносным...

Как и говорилось ранее, аэроплан «Идиллия» той ночью втайне прибыл на аэродром. Груз принял лично Роман Иванович и Гриша Добров, предварительно убедившись в том, что никого из кандидатов на месте не было. У леса стоял самый крайний ангар, который все обитатели базы считали бесполезным. Заглянув туда однажды, Ваня Дашков с Милей обнаружили лишь обрывки канатов, пустые ящики и запах сырости. Поняв, что ничего полезного там помещаться не может, они навсегда умилили своё любопытство по отношению к этому строению. Всем остальным не так уж силь-

но и хотелось идти на самый край аэродрома через всех часовых и дневальных, поэтому не придавали тому ангару никакого значения. Именно туда, по здравому расчёту Гриши, и поместили «Идиллию», привезённую в разобранном виде. Прикрутить крылья и хвостовое оперение предстояло за один день. Роман Иванович строго наказал сохранять секретность – не шуметь и не выходить из ангара почём зря.

Весь следующий день прошёл, на удивление Гладерики, так же, как и все остальные дни до этого. Она встала по команде Гриши вместе со всеми, позавтракала, после небольшого перерыва направилась на физические упражнения... Ни у кого не было никаких подозрений. Конечно, все так или иначе обсуждали то, что до испытательного полёта осталось совсем немного времени. Девушка, впрочем, об этом почти не думала. Почти все её мысли были то об Александре, то о скором следствии и исключении из эскадрильи. Ни Ваню Дашкова, ни Милю она больше не видела. Из её друзей, обретённых на этом аэродроме, остался лишь молчаливый Стёпа Адлерберг. Он больше не заговаривал с ней первым. Смотря на него, Гладерика то и дело вспоминала те слова, что сказал он ей вечером перед полётами. И каждый раз они действовали на неё как-то ободряюще. Внутри неё будто бы становилось больше энтузиазма, больше надежды на что-то лучшее, что может уготовить ей судьба. Единственное, что было выбивающегося из привычного ритма жизни на аэродроме, это то, что на вечернем построении после объявле-

ния команды «вольно, отбой», Гриша подозвал Гладерику к себе и настоятельно порекомендовал прихорошиться к завтрашнему дню. Девушка связала это с тем, что именно завтра за ней заедет конвой и отвезёт в город. Чего Гладерика не могла подвязать под это объяснение – то, что Гриша выдал ей новенький лётный костюм. Помимо эмблемы «Золотых крыльев» на шевроне, на груди были прикреплены нашивки с надписями «Aurus» и «Кандидат-испытатель». В этих надписях она разглядела плохо скрытую насмешку, и горькие чувства вновь захлестнули её. Впрочем, она лишь поблагодарила Гришу за костюм и пошла ко своей палатке. Там её уже ждала Глаша.

– Ты долго с построения возвращаешься! – запричитала она.

– Да вот, прощальные подарки получала, – горько усмехнулась Гладерика, показав подруге идеальный синий костюм.

– И ничего он не прощальный! Вот что: я видела, как доктор Ларсен ушёл дремать в свою палатку. Пока он в ней, пообщайся с Александром. Он уже давно очнулся и чувствует себя более-менее нормально.

Гладерика взволновалась.

– Правда? – вскочила девушка и схватила Глашу за плечи.

– Разве я буду врать о таком? – улыбнулась девица.

– Спасибо тебе, моя ты хорошая, – обняла её Гладерика.

– Мне-то за что? Беги быстрее, пока доктор не проснул-

ся, – нежно отстранила от себя подругу Глашеньку.

Гладерика мигом помчалась к лазарету. Приоткрыв шторы, она увидела двух лежащих друг возле друга юношей. У одного было покрасневшее лицо, покрытое какой-то коркой, а второй лежал в белой рубашке с перебинтованными руками.

– Кто здесь? – испуганно спросил Александр.

– Это я, Гладерика, – ласково, но взволнованно ответила девушка.

– Гладерика? Вы?

– Тс-с-с, – приложила она палец к устам. – Кажется, наш друг спит. Да и нехорошо будет, если нас услышит доктор Ларсен.

– Вы правы...

– Почему мы всё время обращаемся друг к другу так, будто познакомились вчера? Давай перейдём на обычное общение, как общаются между собой ровесники.

– Хорошо, я не против, – невозмутимо прошептал Александр. – Так что привело тебя сюда?

– Некоторое обстоятельство, – неопределённо ответила Гладерика и медленно подошла к его постели. Присев на табурет рядом, она продолжила. – Как ты себя чувствуешь?

– Спасибо, с недавних пор стало значительно лучше. Боль поутихла, теперь я почти здоров.

– Нет-нет, ты лежи... Лежи, Саша, – ласково протянула она.

Александр чуть смутился и повернул голову в потолок.

– Не испытываешь ли ты нужды в чём-либо? Кормят ли тебя здесь?

– О чём ты? Конечно, кормят. И нужды я ни в чём не испытываю. Правда, общения нет никакого. Миля, бедняга, вроде как и связки обжёг, говорить нормально не может.

Гладерика с сожалением посмотрела в сторону юноши.

– Он и волос лишился, как я погляжу...

– Страшное зрелище было, когда его только доставили сюда. Волосы на голове обуглились, лицо всё опухшее и красное. Ему потом уже все эти волосы остригли. С ними-то проблем нет – новые отрастут. А вот что с лицом будет...

– Лицу добавят шрамов, – констатировала Гладерика.

– Это точно. А вот ты? Как у тебя дела?

– Всё настолько плохо, что даже какие-то мелочи воспринимаются как счастье. Скорее всего, скоро меня уже здесь не будет. Вот я и пришла поговорить с тобой.

– О чём поговорить? И как это – тебя скоро здесь не будет?

– Решительно обо всём хочу поговорить! Зачем в аэроплан полез? Почему не мог дождаться?

– Дождаться чего? Гладерика, дорогая, это ты можешь подождать, пока твой летательный аппарат отремонтируют, а затем взмыть в небо преспокойно! А я животное сухопутное, всю жизнь на этой чёртовой земле живу...

– Ну, не волнуйся ты так. И вовсе ты не животное. Скорее, ворчливый зверёк, – улынулась девушка.

Александр улыбнулся в ответ.

– А что касается самолёта, – продолжила она, – то... То я бы твой испытала, например! А потом мы отправились бы с тобой на край света. Можем полететь на нём на север, а можем и к южным морям – как нам заблагорассудится.

– Что-то ты много придумала.

– И вовсе нет! Кто нам может помешать в небе? Стая птиц? Эх, Саша... Много я бы сейчас отдала просто ради того, чтобы ты был цел, чтобы мы были на своих местах. Какая-то странная череда событий начала происходить с нами за последний год. Быть может, я бы очутилась в «Золотых крыльях» и без тебя, но ради чего тогда...

Поняв, что сболтнула лишнего, Гладерика резко замолчала. Смысл сказанного дошёл до Александра не сразу. Но едва он начал осознавать, то сразу же смущённо отвернулся уже к стене.

– Знаешь... Прости меня, – вдруг сказала девушка.

– За что?

– Просто прости, что так всё получилось.

– В чём ты виновата? Это моя ошибка.

– Нет... Не только лишь твоя. Это была наша ошибка.

С этими словами Гладерика едва прижалась к Александру, слегка приобняв его. Сильно делать она этого не стала, чтобы не причинить ему боль. Тот оторопел от такого и неподвижно лежал, затаив дыхание, прислушавшись к биению сердца.

– До свидания, милый Саша, – сказала Гладерика, освободив его из своих объятий. – А может быть – и прощай. Может, мы когда-нибудь ещё увидимся.

– Гладерика, стой! – крикнул было Александр, но девушка выбежала из палатки в сторону своей.

В глазах Гладерики заблестели слёзы. Они размывали взор, заставляли останавливаться и то и дело вытирать их. К палатке Гладерика добежала, уже рыдая. То были слёзы, копившиеся в ней не просто с момента крушения аэроплана, не просто со дня знакомства с Александром; то были слёзы, что она скрывала и носила в себе практически всю свою жизнь. Изумлённая Глаша не могла вымолвить ни слова. Гладерика уткнулась в свою постель, содрогаясь от плача.

– Я так больше не могу, Глашенька, – сквозь рыдания говорила она. – Всё в этом мире против меня. Я люблю его! Люблю!

Глаша подошла ко своей подруге и положила её голову к себе на колени.

– Он для меня значит очень многое. Да что там – многое... Всё он для меня значит! А меня разлучат с ним. Не завтра – так послезавтра! Я больше не смогу быть с ним! Зачем ему что-то говорить, в чём-то объясняться, если завтрашний день скрыт во тьме?!

– Тише, тише, моя милая, – словно заботливая мама, шептала Глаша своей подруге на ухо.

– Зачем *всё это* было? К чему? Чем я заслужила этот ис-

ход? Неужто я настолько недостойна ничего на этом свете – ни любви, ни достижения мечты? Доколе это будет так?..

Несмотря ни на что, плач постепенно прекращался. Девушка лишь всхлипывала некоторое время, а затем и вовсе перестала. Рыдания сменились равномерным посапыванием.

– Глашенька, этого я взять в толк не могу... Почему... Почему...

Остаток фразы скрылся за сном Гладерики. Она уснула у своей подруги на коленях, словно маленькая девочка. А Глаша всё продолжала её гладить, приговаривая: «тише, тише, моя милая». Солнце скрылось за горизонтом. Ветер, предвещающий начало конца летней поры, загулял по окрестностям Л-жского озера. Аэродром погрузился во мрак и безмятежность, ожидая нового дня...

Глава 11. Ввысь!

– Эскадрилья, подъём! – зазвучал как обычно ни свет ни заря голос Гриши. – Выходи строиться на утреннее построение!

Гладерика открыла глаза. Не так уж и часто ей приходилось просыпаться ровно в минуту подъёма. Солнце вновь дало о себе знать своими жаркими лучами, ударив ими прямоком в палатку. Сидящая за столом рядом Глаша пожелала девушке доброго утра, в этот раз улыбаясь чуть взволнованней. Наскоро надев спортивную форму, Гладерика побежала к умывальникам. Так же, как и всегда, вместе со всеми она умылась и проследовала к месту построения. Однако на месте возле знамени и штабной палатки всё стало иначе: откуда-то взялся флаг эскадрильи, доселе не висевший, Гриша стоял в идеально чистой белоснежной форме, но что было самым необычным – рядом с ним в таком же виде стоял Роман Иванович и два незнакомых генерала. Гриша Добров с яростью посмотрел на идущих к месту построения кандидатов в спортивных костюмах и приказал им переодеться в парадную форму. Также он подбежал к Гладерике и прошипел:

- Немедленно надень ту форму, что я тебе вчера выдал!
- Так точно, – испуганно произнесла Гладерика и стремглав побежала ко своей палатке.

Там она быстро переделалась в новенькую форму, заметив,

что она обладает огромным количеством разных карманов и петель для крепежа. Костюм был не парадным. В нём было удобно двигаться, кожа свободно дышала – по степени удобства её можно было сравнить с повседневной одеждой.

– Гладерика, Гладерика, стой, – спохватилась Глаша, увидев, что та уже готовится направиться на построение. – Надень-ка.

С этими словами девица достала из-под стола пару новеньких чёрных сапог с высоким голенищем, металлическими бляхами и небольшим каблуком.

– Ой, спасибо тебе большое, Глашенька! – поблагодарила свою подругу Гладерика. – Сейчас же их надену.

Сапоги сели на девушку как влитые, не сжимая её ноги и нигде не оставляя большого свободного пространства.

– Пойдём вместе, – сказала Глаша. – Это всеобщее построение.

Уже спустя полминуты они стояли в одной большой шеренге. Каждый из кандидатов надел парадную форму, и блики от солнца на золотистых эмблемах вновь разыгрались в резвом хороводе. Гладерика удивлялась всему, начиная с самого подъёма. Ещё больше она изумилась оттого, что рядом с ней встал переодетый в парадную форму Ваня Дашков.

– Ваня? Что ты здесь делаешь? – шёпотом спросила она.

– Освободили из-под стражи, – махнул рукой он. – Сказали, что после данного мероприятия меня отвезут в город.

– Как жаль...

– А что поделать? Сам виноват, такая история, – улыбнулся смиренно Ваня. – Хочешь быть свободным – не твори глупостей.

– Разговорчики! – громко сказал Гриша.

Все присутствующие замолчали.

– Эскадрилья, равняйся! Смирно! – скомандовал он.

Один из генералов чуть выступил вперёд:

– Здравствуйте, братцы!

– Здравия желаем, ваше превосходительство! – отрывисто прокричали кандидаты.

– Сегодня произойдёт событие, которое несомненно войдёт в историю отечественного и мирового воздухоплавания. Ровно в двенадцать часов кандидат-испытатель из вашей эскадрильи совершит первый полёт на воздушном судне нового типа под названием «Идиллия». Все вы усердно готовились к этому моменту. До последнего никто из вас не мог знать, когда пройдёт этот первый полёт и кто удостоится этой великой чести. Сейчас настала пора раскрыть все карты и огласить имя этого достойнейшего кандидата!

Все замерли в волнении, изумлении и испуге одновременно. В одночасье на них всех свалилось столько всего, что переварить всё сразу было очень затруднительно.

– Роман Иванович, вам слово, – обратился генерал.

– Спасибо, ваше превосходительство. Итак, – внимательно посмотрел он на всех кандидатов, – великая честь совершить испытательный полёт на аэроплане нового типа предо-

ставляется кандидату Дельштейн-Орловой Гладерике Дмитриевне с позывным «Аурус».

Гладерика опешила. Нет, скорее, оцепенела. Не найдётся тех слов, чтобы описать её тогдашнее состояние. Несколько секунд она стояла, не понимая и не осознавая того, что происходит вокруг неё.

– Что надо сказать? – снисходительно и с улыбкой спросил генерал.

– Есть!! – прокричала она так, что с окрестных сосен поднялся вороний крик.

– Вот и славно, – молвил он.

– Дублёром Дельштейн-Орловой Гладерики Дмитриевны с позывным «Аурус» приказом командира эскадрильи назначен Адлерберг Степан Франкович с позывным «Старгейт».

Стёпа отчего-то встрепенулся.

– Есть! – ответил он.

– Вы вдвоём после построения останетесь здесь, – сказал Роман Иванович. – Я выдам вам план полёта, проведу инструктаж. После этого вы будете вольны привести себя в порядок. По территории аэродрома не разгуливать, сидеть у нас в штабе!

«Точно как позавчера, – подумала Гладерика».

– Так точно! – вдвоём ответили Стёпа с девушкой.

– Всем остальным: направляйтесь на завтрак, в одиннадцать тридцать надо прибыть на построение по случаю запуска аэроплана. Ответственным назначается Григорий Доб-

ров. Командуйте, прошу.

– Есть! – ответил тот. – Эскадрилья, равняйся! Смирно! Все, кроме «Ауруса» и «Старгейта» – нале-во! Вперёд шагом – марш!

– Удачи! – шепнул Ваня Дашков, который оказался в конце колонны.

Генерал удовлетворённо взглянул на то, как Гриша командовал эскадрильей.

– Неплохой выходит офицер, – отметил он. – Надо бы этого молодца повесить.

Гладерика со Стёпой страдальчески переглянулись. Оба они всё ещё находились в недоумении, что только что с ними произошло, какая ответственность упала на голову. Особенно размытым это казалось девушке, которая смотрела на все эти действия, слушала все приказы – но не могла понять, к чему это.

– Пройдёмте в штаб, – пригласил их Роман Иванович.

– Так точно, – ответили они и снова зашли в штабную палатку.

– Смотреть уже не могу на эти ящики, – шепнула Гладерика на ухо Стёпе.

– Почему?

– Я на них весь день позавчера просидела.

Роман Иванович прошёл за стол, на котором было разложено множество различной документации. Внимание кандидатов привлекла большая карта с планом местности и начер-

ченными на ней линиями, исходящими из одной точки.

– Вы верно смотрите. Это – наш будущий совещательный пункт. Совещание перед полётом англичане называют «брифингом», – сказал Роман Иванович. – Это я узнал от моего хорошего друга – господина Райта. Он так же, как и я, увлекается воздухоплаванием на своей родине. Мы с ним делимся иногда всяческими открытыми новинками... Ах да, о чём это мы... Что касается плана: госпожа Гладерика, вам предстоит оторваться от взлётно-посадочной полосы, после чего плавно набрать высоту в тысячу метров над уровнем моря. Далее на этой высоте вам предстоит совершить несколько весьма занятных манёвров: вам необходимо будет полностью прокрутить аэроплан вокруг своей оси. После этого, если всё будет в порядке, взять курс на озеро и полетать над его поверхностью минут пять. Это нужно, чтобы исследовать воздушные потоки над ним.

– Поняла, – кивнула Гладерика.

– Далее вы развернётесь в сторону аэродрома и плавно начнёте снижаться. На все манёвры отведён полный бак топлива. Его должно хватить на полтора часа непрерывного полёта, однако я бы не рекомендовал находиться в воздухе столь долго. Ваш полётный лимит: тридцать минут.

– Так точно.

– На посадку заходите визуально, то есть – определяете расстояние до взлётно-посадочной полосы, ориентируясь исключительно на своё острое зрение! Однако я поспешу вас

обрадовать: на сей раз напрямик из столицы наши доблестные техники предоставили нам своё новейшее изобретение. Позвольте вам его продемонстрировать.

С этими словами Роман Иванович подошёл к ящикам и достал из них большую зелёную коробку с несколькими ручками, тумблерами и регуляторами. Гладерика со Стёпой с нескрываемым любопытством осматривали диковинный прибор.

– Это называется «радио». С его помощью можно передавать голос на многие километры вокруг! Главное иметь при себе радиоприёмник. Передаётся сигнал с помощью антенны, – сказал Роман Иванович и поднял прикрученный к корпусу длинный и тонкий металлический штырь.

– До чего же дошёл прогресс... – изумлённо молвила девушка.

– Роман Иванович, – обратился к нему Стёпа, – неужто теперь радио может передавать не только сигналы азбуки Морзе, но и человеческий голос? Это что-то наподобие телефона?

– Всё верно! Только телефоны соединяются друг с другом с помощью медного провода, а в этом устройстве всё работает на преобразовании колебаний электромагнитных волн.

– До чего интересный аппарат...

– Вторая его часть вмонтирована в приборную панель на самолёте. Летательный аппарат, благодаря мощи своего двигателя, способен генерировать электричество, которое

так необходимо для работы радиоприёмника. В общем, мы будем вам подавать команды с земли, направлять вас – а вы, в свою очередь, будете докладывать о каждом выполненном шаге.

– Так точно! – бодро ответила Гладерика.

Впрочем, бодрой она была лишь напоказ. Внутри неё всё не унималось сожаление о сказанном Александру. Это мешало ей заниматься подготовкой к полёту, настраиваться на него. Она то и дело мысленно порывалась вбежать в лазарет и, несмотря на предстоящий полёт и возмущения доктора Ларсена, увести Александра так далеко, чтобы никакие высокопоставленные чины не смогли разлучить их. Конечно, другой половиной её головушки это оценивалось как абсурд, но и она была согласна с тем, что оставить ситуацию в таком положении было бы как минимум неуважительно ко своему возлюбленному.

«Должна же я сделать хоть что-то! – думала она в этот момент». Однако, находясь в штабной палатке под присмотром Романа Ивановича и генералов, имея перед собой план полёта и находясь в эдаком положении заложницы собственных стремлений, сделать что-либо практически не представлялось возможным. Внутреннее состояние ей не удалось скрыть от пристального взгляда Стёпы:

– Тебя что-то тревожит, – твёрдо констатировал он, даже не удостоверившись на словах.

– С чего ты взял?

– Ты очень невнимательна и взгляд у тебя рассеянный.

– Да? Как странно...

– Я не из тех людей, кто будет упорно добиваться объяснений; раз уж ты решила молчать – то я не имею права вмешиваться в твоё молчание.

– Что ты такое говоришь? – удивлённо спросила Гладерика. – Разве же я скрывала когда-нибудь что-то серьёзное?

– Этого мне доподлинно неизвестно, – пожал плечами Стёпа.

– Слушай, Стёпа... – вдруг сменила тон на более серьёзный девушка. – Вот что бы ты делал, если бы твоя хорошая знакомая вдруг попросила прощения, заявив, что всё, что было построено прежде – это ошибка, и скрылась из виду? Что бы ты о ней подумал.

Юноша нахмурился.

– Нелёгкий вопрос ты мне задала. Нелёгкий и размытый. В разной ситуации можно сказать подобные слова. Мне было бы интересно, что сама чувствовала эта девушка в тот момент.

– Положим... Положим, она чувствовала безысходность своего нынешнего положения. Она осознавала, что в скором времени она может исчезнуть из жизни своего возлюбленного очень надолго, если не навсегда.

– Возлюбленного? То есть, моя воображаемая визави влюблена в меня?

– Именно так, и никак иначе. Но до этого в этой любви

она своему избраннику никоим образом не объяснялась.

– Что же, – после недолгой паузы ответил Стёпа, – в таком случае, я бы опрометью бросился к ней, добиваясь хоть каких-то объяснений.

– А если она не захочет говорить об этом? Притом, Стёпа, ты человек умный и прозорливый, тебе и объяснений никаких не надо.

– Когда дело доходит до попытки понимания взаимоотношений между мужчиной и женщиной, мой разум перестаёт действовать в привычном виде. Он становится резким, неуправляемым, заносчивым и очень ранимым. Что касается женщин – то, как по мне, они в принципе недостижимы для нашей грубой мужской логики.

– Вот как?.. – задумалась Гладерика.

Стёпа дал ей пищу для размышлений, и на долгое время она замолчала.

– Скажи, Стёпа... – резко сменила тему девушка после затяжного молчания. – Не завидуешь ли ты мне сейчас?

Вопрос застал юношу врасплох. Впервые невозмутимый и флегматичный Степан Адлерберг явно забеспокоился и занервничал.

– Кого теперь это должно волновать? – процедил он.

– К примеру, меня, – недоумевающе ответила Гладерика. – Ты – один из наиболее достойнейших кандидатов, ты безупречен!

– Безупречен, – впервые с иронией повторил Стёпа. – Ты

ведь многого обо мне не знаешь... Не знаешь, кем я был до вступления в ряды эскадрильи, не знаешь мои истинные мотивы. А что, если я скажу тебе, что всё, ради чего я стараюсь здесь – это не испытывать какое-то пьянящее чувство эйфории от полётов, а просто заработать?

– Заработать?.. Но как это сделать здесь?

– Здесь мне дают бесплатный кров и пищу, превращая меня в хорошего лётчика. После этого мне можно будет вступить в ряды вооружённых сил на весьма завидную должность, получая хорошие надбавки.

Гладерика подняла глаза вверх, соединяя у себя в уме звенья логической цепочки, данные Стёпой.

– Зачем тебе столь тяжёлый путь для заработка? Не лучше ли было в таком случае заняться предпринимательством или сразу поступить на военную службу?

– Это был полностью мой выбор... – ответил Стёпа, и глаза его вмиг опустели. – Пожалуй, тебе, как своему напарнику, дублёром которого я являюсь, я могу рассказать несколько фактов из моей биографии.

Родился я в бедной дворянской семье Адлербергов, в доме на берегу моря. Мы были столь бедны, что порой нам приходилось собирать подаяние. Хочешь – верь, хочешь – нет, но тамошние крестьяне нам подавали, кто что мог, порой даже снимая с себя собственную рубашку и отдавая свои кровные сбережения. Кто продуктов принесёт, кто по хозяйству поможет. Судьба могла отнять у нас богатство и влияние, но

не могла отнять у нас чувства достоинства и гордости. Прожив так несколько лет, мой отец решил, что так более продолжаться не может. Тогда он начал мастерить из подручных материалов всякие безделушки, а потом продавал их за бесценок. Сперва я не обращал внимания, но потом заметил, что все его поделки так или иначе связаны с небом: маленькие аэропланы, винтокрылы, даже фигурка Икара. Он грезил небом, Гладерика, но несправедливое забвение и бедность тянули его к земле – с каждым прожитым годом всё больше и больше. О чём это я... С самого детства я был приучен к тяжёлому труду, но главное – меня с младенчества отучили ныть, жаловаться и ярко выражать свои эмоции. Когда каждый день крутишься, и не такие уроки усвоишь. Впрочем, ближе к делу. Когда мне исполнилось четырнадцать, отец отдал меня в кадетское морское училище. Там я постиг основы инженерной науки и корабельного дела, окончив его в звании лейтенанта. Приехав домой, я узнал, что мой отец находится при смерти. Не помня себя от страха и отчаяния, я подбежал к его одру, хотел было его подбодрить, но последними его словами... – голос Стёпы слегка задрожал, – последними его словами были: «Покори своё небо, сынок». Даю слово, именно тогда я впервые расплакался. Мы сидели с матушкой возле него и не знали, куда себя деть, что делать дальше. Я продолжил заниматься военным делом в своём родном крае, но было всё это как-то машинально, без какого-либо желания. Казалось, скоро я отчаюсь полностью и

потеряю всякий смысл к существованию. Служба приносила копейки, выслуживаться и продвигаться по карьере вверх я не хотел... И именно в период моей полнейшей апатии, когда я серьёзно подумывал о дезертирстве, когда думал о вариантах бегства за границу – хотя бы в ту же Америку – к нам в гарнизон приехал контр-адмирал Александр Фёдорович Можайский. Смотря на наши стройные ряды, он не находил ничего примечательного, пока не взглянул на меня... Честное слово, я понятия не имею, что он заметил во мне особенного. Мне его взгляд сразу понравился: такой добрый и понимающий, будто ты его кровный внук. После смотра он вызвал меня к себе и долго расспрашивал о моём положении, о моих мечтах... Узнал он, в том числе, и о последних словах моего отца. Именно тогда он оставил моей матушке весьма солидную сумму, пообещав наладить регулярную пенсию, а меня забрал прямиком в столицу, где мне и было предложено вступить в ряды «Золотых крыльев». Таким образом я и оказался здесь, среди вас.

Гладерика всё это время слушала его рассказ, затаив дыхание. Он до глубины души тронул её сердце и вмиг заставил пересмотреть своё отношение ко всему происходящему вокруг неё.

– К чему я рассказал тебе всё это? Я хочу, чтобы ты понимала: я не гонюсь за славой, не хочу быть венценосным испытателем первого в мире самолёта нового типа. Всё, что мне нужно – это исполнить последнее наставление отца. Раз-

ве я не сделал этого? Моя «Хартия», между прочим, первой поднялась в воздух. Кроме того, на «Идиллии» дадут возможность полетать каждому, а совсем скоро, после завершения наших испытаний, данный тип аэропланов будут выпускать серийно. Разве я не исполняю этим его последнее желание? Кроме того, я хочу навеки избавить род Адлербергов от бедности. И будь уверена – с опытом, полученным в этой эскадрилье, мне удастся это сделать.

Некоторое время после его слов Гладерика молча смотрела своими глубокими синими глазами на него. Смотрела на его белую парадную форму, на потрёпанные временем пуговицы. Всмотрелась она и в его лицо – спокойное, не выражающее никаких эмоций, лишь глаза были чуть прищуренными. Она подозревала нечто подобное и раньше, но только сейчас Стёпа своими словами подтвердил собственное отречение от испытания аэроплана. Это был его манифест, с которым никоим образом поспорить было невозможно.

– Признаться честно, – неуверенно ответила она после долгой паузы, – ты ошарашил меня своим рассказом. И тем больше ты вызывал во мне уважения, чем ближе я знакомилась с твоей жизнью. Знаешь, Стёпа... Ты настоящий герой. Я бесконечно горда, что знакома с таким мужественным, правильным и благородным человеком, – сказала она теперь спокойно и твёрдо, смотря ему прямо в глаза.

– Спасибо, – ответил он. – У меня не было цели выставить себя благородным или что-то в таком роде. Скорее уж,

появилась потребность полностью подкрепить как собственную, так и твою уверенность. Тебе сейчас необходима уверенность в том, что никто не попытается урвать на последних минутах твою вожаделенную цель. Что-то мне подсказывает, что тебе необходим этот полёт вовсе не из-за славы или чувства собственного достоинства. Твои цели тоже благородны, не так ли?

Гладерику с ног до головы окатило мурашками.

– Это правда! О, Стёпа, как я рада, что ты понимаешь меня! Но вот скажи: как лично тебе добавляет уверенность твой рассказ?

– Это моя исповедь. Именно она и вселяет уверенность в сердце. Впрочем, мы можем поговорить не о ней, а о предстоящем испытании.

– Как пожелаешь, – улыбнулась девушка.

Оставшееся до торжественного построения время они провели в праздных беседах. Впервые Стёпа был разговорчивым – конечно, не в такой степени, каковыми были те же Миля с Ваней Дашковым, но раньше из него нельзя было вытащить и лишнего слова. Так, например, Гладерика узнала, что Стёпе нравятся те же оперетты, что и ей, хотя в остальном их вкусы заметно различались. Из таких разговоров Гладерика сделала вывод, что он был обыкновенным молодым человеком со своими привычками, странностями и предпочтениями; то, что так отличало его от ровесников, шлейфом тянулось из детства, когда в минуты горя и страданий он

прятал свои мальчишьи слёзы от своих измученных родителей. Гладерика твёрдо решила, что с таким человеком нельзя разрывать приятельских отношений, пусть даже он будет за многие тысячи километров от неё. Уже после того, как их позвали на построение, она сказала:

– Помнится, ты согласился со мной, что мы останемся друг для друга вечными недругами, несмотря на прожитое вместе. Однако быть врагом тебе – это предательство самой себя.

Стёпа улыбнулся. Улыбка его была сдержанной, но тёплой и обнадеживающей. Гладерика ответила тем же.

– Что ж... С Богом! – сказали они друг другу.

Это построение проводилось не у штабной палатки, а у ангаров – до него ещё необходимо было дойти. По дороге они заметили, что людей на аэродроме стало куда больше: везде то и дело сновали солдаты, лакеи и благородные господа с пышными усами и в серых деловых костюмах. Придя на место, они обнаружили большую делегацию, в числе которых были и министры, с которыми у Романа Ивановича на днях проходило совещание, и генералы, и чиновники. Рядом с воротами стоял грузовой автомобиль с большим красным крестом на корпусе. Масштаб события стал ясен, когда на территорию строевым шагом прошла рота солдат с музыкальными инструментами в руках. Гладерика смотрела на всё это – и не могла никак осознать, что всё это происходит взаправду. Вот кандидаты выстроились в одну шеренгу,

вот зазвучал приветственно и громко оркестр, вот вынесли знаменосцы флаг страны и эмблему эскадрильи. И всё было столь торжественно, столь радостно, будто бы и не было до этого дня никаких горестей и слёз, с которыми пришлось столкнуться девушке. «Вот бы Александр видел то, что вижу я... – подумала она». Вновь он появился ярким образом в её голове. Вновь увидела она его недоумевающее лицо, и вновь горечь норвила пробраться сквозь заслоны радости. Гладерика твёрдо решила, что после успешного полёта первым делом побежит к нему в лазарет и наконец-то во всём признается, полностью откроется. Твёрдая решимость вспыхнула в её глазах – и, прежде понурая, девушка гордо вскинула голову, засияв ослепительным блеском золотистых своих волос. Солнце обдало её горячим потоком своих лучей, когда она гордо встала в шеренгу ко всем остальным. На неё смотрели её товарищи – кто с изумлением, кто с восхищением, а кто старался спрятать свой завистливый взор. С этого момента время замерло, и никто больше не пытался заговорить с ней. Все стояли, боясь лишней раз шелохнуться. Даже Гриша Добров – и тот перед лицом высшего командования постеснялся отвешивать замечания и делать резкие движения в сторону кандидатов. Он покорно, как зелёный рядовой, стоял сбоку по стойке «смирно» и смотрел суровым взглядом куда-то в облака. Гладерика со Стёпой последовали его примеру, тем более, что повод для этого был самым насущным – уже спустя минуту, когда музыка стихла, а все высшие чи-

ны столпились перед построением, Роман Иванович, будучи впереди стоящим, громко, чётко и с нотками гордости в голосе скомандовал, растягивая некоторые звуки:

– Эскадрилья, равняйся! Смир-р-рно! Равнение нале-во! Головные уборы – снять!

Береты оказались у них в руках.

– Государственное знамя – внести!

Оркестр исполнил гимн страны. Звучал он куда более мощно и торжественно, чем на их обыденных построениях. Оно и понятно – аккомпанемент пению в этот раз составляли тромбоны, литавры, трубы и барабаны, усиливающие звучание в разы. Гимн был спет, а посередине строя выступили знаменосцы, держа в руках длинные флагштоки с реющими на концах полотнами. Прозвучала следующая команда:

– Смир-рно! Головные уборы – надеть!

После этого оркестр исполнил отрывок из какого-то известного марша. Роман Иванович развернулся лицом к Сергею Юльевичу Витте, который стоял сразу позади него.

– Ваше высокопревосходительство! Эскадрилья «Золотые крылья» по вашему приказанию построена! Лиц, незаконно отсутствующих – нет. Командующий эскадрильей полковник Корнилов.

– Вольно, – ответил Витте.

– Вольно! – передал команду кандидатам Роман Иванович.

В шеренге, наконец, можно было немного расслабиться.

– Здравствуйте, дамы и господа кандидаты! – поприветствовал их Витте.

– Здравия желаем, ваше высокопревосходительство! – громким хором ответили стоящие в шеренге.

Вновь прозвучал отрывок из военного марша, после чего Витте начал свою речь:

– Дамы и господа кандидаты! Отныне в жизни нашей страны наступает новая эпоха. Я не буду неправ, если скажу, что эскадрилья, созданная общими усилиями руками таких же мечтателей, как и вы, для нашей необъятной Родины является поистине уникальной. Пройдут недели, месяцы и годы, но ваш труд и труд вашего командования будет навсегда запечатлён на страницах истории, служа примером целеустремлённости и упорства для всех наших будущих поколений. Под своим крылом – золотым крылом – вы собрали как талантливейших инженеров со всех уголков нашей страны, так и достойнейших кандидатов на роль воздухоплателей. Эта область жизни является практически неизведанной – и какова же моя гордость оттого, что именно мои соотечественники первыми покорят небесные выси, окажутся там, где пару веков назад мало кто и мечтал. В это мгновение хочется обратиться к тем, кого на нашей земле больше нет. Великий Дедал и сын его Икар, мастер да Винчи Леонардо, братья Монгольфье, родной наш Александр Фёдорович! Видит Бог, – поднял голову к небу Витте, – мы – достойные ваши последователи. Ваше дело вечно, и никогда не забудется. Ура!

– Ура! Ура! Ура-а-а! – прокричали кандидаты.

– Сегодня ваши нагрудные значки блестят особенно торжественно, – отметил Сергей Юльевич. – Первый полёт на аэроплане, разработанном инженерами Стефенссоном Александром, Орловым Иваном Николаевичем, Кирсановым Николаем Андреевичем и Одинцовым Сергеем Михайловичем, совершит воспитанница эскадрильи, достойнейший кандидат – Дельштейн-Орлова Гладерика Дмитриевна!

– Я!! – крикнула девушка из шеренги. Это было немного комичным, поскольку от волнения голос её повысился до тонов её подруги Глашеньки. Витте едва заметно улыбнулся.

– Дублёром госпожи Дельштейн-Орловой назначен другой достойный кандидат – Адлерберг Степан Франкович!

– Я, – громко и твёрдо отозвался Стёпа.

Гладерика рыскала глазами по толпе. Каково же было её удивление, когда среди почтенных господ она увидела стоящих в парадных костюмах Ваню, Колю и Серёжу! Девушка широко улыбнулась своему двоюродному брату, и тот ответил ей тем же.

– Аэроплан, что создали наши инженеры, носит имя «Идиллия». Пусть же будет данное имя отражением сущности нашей страны!

Речь его на этом была закончена. Послышались громкие аплодисменты, а затем снова заиграл марш. Далее говорили другие высокопоставленные чины, от генералов и до чиновников разных рангов. Все они желали удачи и успешно-

го полёта. Такое долгое стояние под палящим солнцем утомило, пожалуй, не только кандидатов, но и гостей. Наконец, наступил самый торжественный, интригующий и захватывающий момент дня: под громкие фанфары ворота дальнего ангара распахнулись, и на всеобщее обозрение выкатили совершенно новый, сияющий на солнце идеально чистым фюзеляжем, аэроплан. В отличие от тренировочных своих собратьев, он был намного большего размера, с четырьмя лопастями на пропеллере; но главное – ярусов у крыльев было два, что создавало объёма этому чуду инженерной мысли. Ко хвосту извне были протянуты тросы. Машина создавала впечатление тяжёлого, но надёжного аппарата. Гладерика заворожённо глядела на неё. Внимание обратил на себя Роман Иванович:

– Эскадрилья, равняйся! Смирно! Госпоже Дельштейн-Орловой Гладерике тоекратное...

– Ура! Ура! Ура-а-а! – вновь проскандировали кандидаты, а вместе с ними – и все гости данного мероприятия.

– Вольно! «Аурус», остаёшься с нами, – сказал командир эскадрильи. – «Старгейт», тоже находишься рядом.

– Есть! – ответили оба кандидата.

– Остальным – вольно, разойтись!

– Вольно, разойтись! – повторил команду Гриша Добров.

Расходиться, впрочем, впервые никто не захотел. Все проследовали по лётному полю – поближе к новому аэроплану.

– Оно совсем близко... – едва слышно молвила Гладери-

ка.

– Небо? – спросил, взглянув вверх, Стёпа.

– Оно, Стёпа. Такое глубокое, будто бы и на ладони, но в то же время – загадочное, а порой и грозное.

К ним подошёл Роман Иванович, недавно закончивший разговор с министрами:

– Как настроение?

– Боевое, – хором ответили кандидаты.

– Это прекрасно! Госпожа Гладерика, настроены ли вы лететь?

– Так точно!

– Вот и славно! А вы, господин Адлерберг, готовы в случае чего незамедлительно подать госпоже руку помощи?

– Так точно, – кивнул Стёпа.

– Вот и замечательно, мои дорогие, – сказал Роман Иванович, а затем перекрестил их, Стёпе пожал, а Гладерике поцеловал руку. – Всё будет хорошо, не волнуйтесь.

Гладерика растрогалась от такого. Ей было, из-за чего волноваться, но вдруг она осознала, что все эти проблемы – земные по своей сути, что в небесах они её не достанут. Это придало ей уверенности в себе.

– Пора... – тихо сказал Роман Иванович.

– Одну минуточку! – вдруг раздался оклик со стороны гостей.

К ним бежал человек с приятной представительской внешностью, аккуратной бородкой и закрученными усами,

держа в руках коричневую коробку на трёх ножках и с линзой посередине.

– Позвольте сделать памятную фотографию, – попросил он.

– Отчего же и нет? – пожал плечами Роман Иванович. – Дети мои, встаньте рядом со мной. Гладерика, давайте справа. Степан, давайте слева.

Быстро установив оборудование, фотограф поднял над собой подобие металлического гребня с насыпанным внутрь белым порошком.

– Зафиксируйте-с своё положение, – сказал он, копошась за покрывалом. – Сейчас данный объектив покинет птица.

Гладерика недоумённо посмотрела на линзу. Раздалась ослепительная белая вспышка – так сгорел магний в руке у фотографа. Она рефлекторно зажмурилась.

– Отлично! – сказал фотограф. – Уверяю вас, это будет замечательно! Благодарю вас за то, что смогли найти для меня время.

– И вам спасибо, – ответил Роман Иванович. – Ну, дорогая, – обратился он к Гладерике, – в добрый путь! Я подойду чуть позже. Степан Франкович, пройдёмте со мной в штаб.

Девушка закусила губу и посмотрела на юношу.

– Стало быть – до встречи? – неуверенно сказала она.

– До скорой встречи, – поправил её Стёпа.

– Ах, ну да, – рассмеялась Гладерика. – Обнимемся на прощание?

Стёпа вздохнул и подошёл к девушке, слегка приобняв её за спиной.

– Всё пройдёт успешно, – улыбнулся он. – Вернёшься – и всё в подробностях расскажешь нам, хорошо? Ты, наконец, вступишь в наш клуб.

– Конечно, – ответила она и помахала ему рукой.

Стёпа ответил тем же жестом и, не оборачиваясь более, ушёл вместе с Романом Ивановичем.

Гладерика, оставшись в одиночестве, направилась к «Идиллии». С близкого расстояния она показалась ей ещё больше. К фюзеляжу уже была приставлена лестница, а рядом с ней стоял уже знакомый ей Трофим. Подойдя ближе и узнав его, девушка всплеснула руками.

– Вот так неожиданность, – с иронией в голосе произнесла она. – Господин Трофим собственной персоной, Его Высочество, не пожелавшее работать. Что же вас сподвигло в этот раз заняться полезными делами?

– И вам доброго здоровья, барышня, – вскинув брови, ответил он. – Неужто вы и на этой машине полетите?

– Представьте себе, – фыркнула девушка.

– Вы просто-таки образец для подражания.

– А пусть даже и так! Ну, докладывай, что на этот раз сломалось в аэроплане.

– Кстати, о поломках, – почесал он в затылке. – В общем-то, дело нехитрое, но ткань на крыльях уж совсем прохудилась. Манёвр – и её сорвёт.

– Да? – посерьёзнела Гладерика и внимательно осмотрела обшивку. – И какую вероятность ты этому дашь?

– Быть мне дураком, если я скажу, что это случится в любом случае. Я скажу так: вероятность примерно пятьдесят процентов.

– Пятьдесят... – пробормотала девушка.

Крылья с первого взгляда казались чистыми и исправными, однако оснований не верить Трофиму у неё всё же не было. Предстояло для самой себя принять нелёгкое решение: лететь ли с этой неисправностью, или вновь отложить свой вылет, подведя многих здесь присутствующих.

– Это единственная поломка?

– Так точно, всё остальное в совершенном порядке.

Девушка напряглась и заволновалась. Однако, приняв во внимание отсутствие других неисправностей, выбор её склонился в пользу немедленного вылета.

– Не говори никому о неисправности, – сказала она Трофиму. – Нам важно совершить этот полёт именно сегодня. Все риски и ответственность я беру на себя.

– Да я не особо и против, – пожал плечами мужик. – Мне главное, чтобы ко мне не возникло позже никаких претензий.

– А к тебе их и не будет. Будут претензии ко мне и к инженерам – модель-то новая. В общем, благодарю за содействие.

К самолёту вскоре подбежали инженеры. Ваня Орлов тут же бросился в объятия своей двоюродной сестры.

– Наши родители будут гордиться нами, – восторженно сказал он. – Сестричка, большой удачи тебе, чтобы на взлёте тебе дул встречный ветер, а непосредственно в небе – попутный!

– Спасибо, братик, – засмеялась Гладерика. – Спасибо тебе, что приложил столько усилий, чтобы создать это чудо!

– Да брось, я лишь был ведомым нашим руководителем – Александром Стефенссоном. Эх, не зря мы тогда встретились на набережной! Хорошим он оказался человеком. Я был бы очень рад, если бы... – на этих словах он запнулся. – Если бы мы все вновь устроили прогулку по столичным улицам.

– Поддерживаю! – воскликнул стоящий позади него Коля. – Это было бы великолепно.

– Надеюсь, надеюсь, – смущённо молвила Гладерика, смахнув прядь золотистых волос со лба. – И вам спасибо, добрые молодцы!

– Кстати, ведь имя нашей птичке придумал я, – самодеvolmente произнёс Ваня Орлов. – Даже смысл вложил!

– Сперва «Солидарность», потом «Цитадель», теперь «Идиллия», – засмеялась вновь девушка. – И с каждым разом устройства всё сложнее!

– А то, – подбоченился Ваня. – Не будь я из нашей семьи, всё было бы иначе!

– Правда! Орловы – лучшие в мире!

Кузены засмеялись, чем вызвали лёгкое недоумение со

стороны остальных. Люди продолжали приближаться к аэроплану, стараясь рассмотреть его со всех сторон. Наконец, ко Гладерике подбежал Роман Иванович и Гриша Добров. Последний держал в руках кожаный шлем и очки для защиты от ветра.

– Надевай, – сказал он и протянул ей это обмундирование.

Гладерика повиновалась и вскоре стояла перед лестницей в полном лётном костюме. Ей подали рюкзак с парашютом, который она упаковала чуть ранее, и, надев его на плечи, девушка дополнительно пристегнула его карабинами за петли. Всё было готово. Толпа ликовала, смотря на неё. Поднялись оживлённые возгласы. Гладерика взглянула на окружающих её людей. Там были все: министры различных дел, генералы, чиновники, командиры, её товарищи, чуть поодаль стояли доктор Ларсен с Глашей. Прибыл и Герр Фридрих Браун. Находясь в самой толпе, он не прекращал смотреть на аэроплан, внимательно оценивая его. Этот взгляд не понравился девушке. Он будто бы что-то подозревал, искал изъяны – это поторапливало девушку.

– Роман Иванович, – обратилась она ко своему командиру, – разрешите обратиться.

– Разрешаю.

– Кандидат Дельштейн-Орлова Гладерика Дмитриевна с позывным «Аурус» готова к вылету. Ожидаю ваших указаний.

– Понял, «Аурус». Приказываю занять своё место в аэро-

плане.

– Есть! – бойко ответила она, приложив руку к козырьку. – Разрешите выполнять?

– Разрешаю, – вздохнул Роман Иванович.

Впрочем, было несколько человек, которые по тем или иным обстоятельствам отсутствовали в скоплении людей. Не было Стёпы, поскольку он должен был находиться в штабной палатке до особого распоряжения; не было Мили, ибо состояние у него было плачевным. Но самое главное – на лётном поле не было Александра. То ли ему стало плохо, то ли его просто не предупредили о сегодняшнем мероприятии. Чего уж говорить, если саму Гладерику уведомили об этом только рано утром. Именно это обстоятельство беспощадно тянуло девушку к земле, не давало сделать и шагу по лестнице на борт. Она стояла, надеясь на то, что Александр в последний момент подбежит к ней, обнимет её и с нежностью посмотрит на взмывающий в воздух аэроплан. Роману Ивановичу пришлось окликнуть её, чтобы вывести из оцепенения. Вдобавок он вручил ей маленький блокнот и карандаш, наказав спрятать их в один из карманов. Делать было нечего: Гладерика начала медленно карабкаться вверх. Одна, вторая, третья... Она мысленно насчитала пять ступенек, прежде чем оказалась на достаточной высоте, чтобы запрокинуть ноги. Пару движений – и вот она уже в кабине. Поёрзав немного, она расположилась с максимально возможными удобствами, утрамбованным рюкзаком уткнувшись в

спинку кресла. Оно было куда мягче и удобнее, чем в «Виктории». Отличительной особенностью данной кабины было наличие зелёного металлического ящика в ногах, из которого в сторону торчала антенна, а воздухоплавателю были отведены наушники с микрофоном.

– Включай радиоприёмник! – скомандовал ей Роман Иванович.

– Есть! – ответила Гладерика, а затем, нащупав на ящике тумблер, щёлкнула им.

– Теперь надень наушники!

Шлем был шит таким образом, что не закрывал уши. Наушники прекрасно выполнили эту функцию. Надев их на голову, Гладерика услышала в них беспросветные помехи и какие-то шумы. Звуки окружающего мира для неё стали казаться чем-то потусторонним и приглушённым. Новые ощущения полностью захватили её, и ей потребовались некоторые усилия, чтобы вернуться в реальность. На поле техник жестами показывал ей команду «запуск двигателей». Рычаг впрыска, подача топлива, зажигание, прокрутка лопастей... Гладерика что есть мочи крикнула:

– От винта!!!

В одно мгновение мотор запыхтел, но запыхтел по-новому – не так, как на предыдущем аэроплане. Он работал куда стабильнее. Его гул стал доноситься сквозь шум из наушников. Незвестная ранее сила овладела телом и сознанием Гладерики. Она ощутила себя грозной повелительницей стальных

машин и летательных аппаратов. Роман Иванович вместе с техниками, тем временем, отгонял всех присутствующих на безопасное расстояние. Те нехотя перемещались. Её товарищи по эскадрилье стояли отдельной группой. С высоты аэроплана она увидела, как к ним подбежал Гриша и приказал выстроиться в одну шеренгу на кромке рулѐжной дорожки. Они встали так, что руки их оказались за спинами. Слегка удивлѐнная этим жестом, Гладерика продолжила проверку. Внезапно шум рассеялся, помехи улеглись, и до неё донѐсся голос:

– «Аурус», «Аурус», это «Старгейт», как слышно, приём?

– «Старгейт», это «Аурус», слышу тебя! – воскликнула

Гладерика.

– Всегда, как заканчиваешь говорить, сообщай словом «приём».

– Поняла, приём.

– Так точно. По окончании сеанса надо говорить «конец связи».

Голос его противно искажался, но это было какой-то немыслимой диковинкой: его было слышно без провода за сотни метров!

– Поняла, приём.

– Сейчас сюда подойдёт Роман Иванович. Он будет следить за твоим полѐтом и связываться с тобой, приём.

– А ты куда, приём?

– Я останусь в палатке, приём.

– Хорошо, приём.

– Конец связи.

– Конец связи!

Настал момент истины, к которому Гладерика готовилась весь предыдущий год. Он настал до того неожиданно, перед ним произошли столь горькие события, что девушка никак не могла поверить в происходящее. Внутри себя она заключила некую сделку: всё, что будет с ней дальше происходить, она осмыслит чуть позже, стоя на твёрдой земле в тишине и спокойствии. Пока лишь – в путь, ввысь! Техник жестом показал, куда выруливать. Гладерика подняла большой палец вверх, сигнализируя о готовности начать движение. Девушка чуть подвинула рычаг управления двигателем...

«Идиллия» сдвинулась с места. Робко, словно младенец, она проехала свои первые полметра. Однако с каждым последующим разом машина набирала скорость. «Ласковая ты моя, – снова персонифицировала аэроплан девушка, – ты обязательно справишься!». Повернув в сторону рулѐжной дорожки, она всмотрелась в кандидатов, что стояли на краю шеренгой. Проехав мимо них, она увидела, как все они – в том числе и Гриша – поочерѐдно отдали ей честь. Она в ответ не поскупилась на такой же жест. За ней вздымались клубы пыли, которые обдали стоящих за ней, поэтому они сразу предпочли покинуть данное место, заняв более выгодные места для наблюдения. Аэроплан был необычайно проворен и отзывчив, реагируя на любые движения ручкой и педаля-

ми, что несказанно радовало девушку. Спустя несколько поворотов «Идиллия» оказалась на полосе. Гладерика сбавила обороты и приготовилась ко взлёту. Мысленно она дала себе десятисекундный отсчёт.

– Пять... Четыре... Три... Два... Один... – сделала небольшую паузу Гладерика, а затем воскликнула, – земля, прощай! – и потянула от себя рычаг до упора.

Такой силы она не чувствовала никогда прежде. Что-то совершенно неведомое с силой вдавило её в кресло, и аэроплан, по-зверски заревев, стремительно стал набирать скорость. Первые сто метров он проехал по поверхности, но на второй сотне тряска вдруг ослабла. Шасси и мотор больше не поднимали пыль – аэроплан благополучно оторвался от земли. Гладерика взглянула направо и увидела тень от летательного аппарата, который постепенно набирал высоту. Помня обо всех многочисленных инструкциях, она смотрела на приборы и оценивала обстановку визуально. Однако ощущения её были в тот момент на грани возможного. Она одновременно ощущала и эйфорию, и дикий страх, но ещё более диким было ощущение вседозволенности и подлинной свободы. Да, она была скованной ремнями, а держалась в воздухе исключительно благодаря законам физики, но от того её чувства не успокоились. Они горели ярким пламенем внутри её сердца, и всё вместе смешивалось в одно пьянящее и всеобъемлющее чувство – чувство бесконечного восторга. Набрав первоначальную высоту в пятьсот метров, она связа-

лась с Романом Ивановичем и отчиталась о полёте. Предстояло набрать высоту в тысячу метров над уровнем моря, однако уже с более низкого эшелона девушка могла наблюдать простирающиеся на многие мили вокруг поля и леса. Слева от неё блестело и играло рябью Л-жское озеро. Уже здесь ветер ощущался куда более сильным, чем на земле. Он беспощадно задувал лицо Гладерике. Кроме того, на воздушных потоках «Идиллия» порой резко подпрыгивала. Предстоял затяжной этап набора нужной высоты...

Тем временем, Александр лежал в жаркой и душной палатке лазарета. Ему было велено никуда не вставать и ничего не делать. Всю ночь и всё утро его терзали мучительные догадки о Гладерике. Всё ли с ней хорошо? В безопасности ли она? Что, если с ней что-то случилось? Что её сподвигло сказать то, что она говорила вчера? А он просто лежит здесь, не в силах ничего сотворить... Вдруг с дальней стороны аэродрома он услышал гул. В мгновение ока он перебрал у себя в уме все варианты, что за шум это мог быть. Вспомнив, что утром он слышал оркестровые марши, а также то, что ни доктор Ларсен, ни Глаша не навещали их с самого утра, к нему пришло очень горькое осознание нынешнего его положения. Этот гул – это шум мотора самолета. Самолета, который был разработан им! И теперь он не может даже посмотреть на полёт своего же творения! С таким раскладом событий он мириться не собирался. К тому же, снаружи можно было

если не отыскать Гладерику, то хотя бы узнать о том, где она. Собрав остатки своей решимости, Александр резко встал с койки. Тотчас закружилась голова, в глазах потемнело, грудную клетку в области ключицы свело острой болью, от которой юноша начал задыхаться. Он никак не отреагировал на это; встав на ноги и опираясь на изголовье койки, он сделал шаг. От него сразу отдало в ключицу.

– Чёрта с два я теперь отступлю, – прошипел Александр и отрывисто прошёл к выходу.

Прихватив по дороге одиноко валяющуюся палку, он пошёл, опершись на неё. Гул мотора нарастал с каждой секундой, что заставляло его ускоряться всё больше и больше. Несмотря на боль и неудобство, спотыкаясь, он бежал ослабленными ногами по пыльной земле. Взглянув на аэроплан, он увидел, что тот остановился на взлётно-посадочной полосе. Остановился и Александр, вперил взгляд в машину, стоящую в ожидании. Затем шум от мотора разнёсся по всему аэродрому, эхом отражаясь от каждой травинки, от каждой палатки, ящика или деревца. Летательный аппарат проехал сотню метров, оставляя за собой густой пыльный шлейф, а затем оторвался от земли. Тело Александра покрылось мурашками. Если бы не травма, он бы прыгал от радости и восторга, переполнявших его сердце и голову в тот момент. Краем зрения он заметил, что волосы у испытателя, сидевшего в кабине, подозрительно отдавали золотистым блеском. Нахмурившись, Александр направился в штабную палатку.

Вновь в его голове молнией блеснула, но тут же испарилась догадка, подтверждение или опровержение которой он надеялся получить у командиров. В тот миг ему было совершенно наплевать, что ему скажут высшие чины. Дневальный, видя, что Александр упорно движется, не сворачивая, прямо ко входу, перегородил ему путь.

– Пусти! – грубо воскликнул Александр.

– Не велено, – отрезал дневальный.

Однако из палатки донёсся юношеский голос:

– Пусть войдёт.

Дневальный вздохнул, однако пропустил напористого молодого человека внутрь. Александр зашёл и увидел, что за радиоприёмником сидит его ровесник и напряжённо держит руку над кнопкой.

– Не помешаю? – спросил Александр.

– Никак нет. Ты ведь Александр Стефенссон, верно?

– Так точно.

– Значит, правильно я тебя запомнил. Мы встречались ещё в городе, когда я вместе со всеми приезжал к вам в гости. Я – Степан Адлерберг, позывной «Старгейт». Твой позывной как?

– Мой позывной – «Эдельвейс». А что ты здесь, собственно делаешь?

– Стерегу эфир.

– Какой ещё эфир?

– Эфир – тот, в котором происходит обмен радиосообщениями.

ниями. Скоро «Аурус» должна выйти на связь...

Стёпа хотел было что-то сказать, но Александр вдруг встрепенулся и судорожно задышал, а затем закашлял.

– Тебе нехорошо?

– Там... Гладерика? – сквозь кашель спросил юноша.

– Да... Значит, мои догадки верны. Недаром она так рвалась в небо, – тихо молвил Стёпа.

В палатку внезапно вошёл Роман Иванович. От неожиданного гостя из лазарета он был, мягко, говоря, не в восторге.

– Александр, тебе же было велено лежать. Почему покинул свой пост? Степан, почему пропустил его?

Стёпа ответил не сразу:

– Кто как, но лично я не собираюсь чинить препятствия на пути к двум пылающим сердцам.

Роман Иванович посмотрел на него исподлобья.

– Что ты такое говоришь? Какие препятствия? Каким сердцам? Александр, быстро на выход.

– Я... Не могу... – прерывисто сказал он. – Там... Гладерика... Там... «Идиллия»!

– Молодой человек, вы не в себе, – сказал Роман Иванович. – У нас скоро сеанс связи с «Аурусом».

– Мне нужно связаться с «Аурусом»!

– Глядите-ка: хочется ему. Дневальный! – воскликнул командир. – Проводи нашего жаждущего в палатку.

– Есть, – ответил он и обратился к Александру, – пройдем на выход.

Однако тот оставался на своём месте.

– Александр, чёрт возьми! Это неподчинение приказам командира! Вы знаете, что за это полагается?

– Прекрасно об этом знаю, – в сердцах отрезал Александр. – Но если я не прослежу за полётом моей «Идиллии» и моей... и за полётом Гладерики, последствия будут намного хуже.

Роман Иванович обессиленно опустил на ящики.

– Ох, Господи, и за что мне такое наказание? Дневальный выведи его под руки, раз он не хочет сам.

Тот исполнил приказ. Александр был очень слаб, и сопротивляться у него не было никаких сил, поэтому спустя несколько мгновений он очутился на территории возле штаба. Никого из кандидатов не было: все наблюдали за полётом с лётного поля. Стоя в одиночестве, слыша, как говорят между собой Гладерика и Роман Иванович, на глаза у него наворачивались слёзы. Он закрыл голову руками.

Рядом с ним в этот миг проходил Гриша Добров.

– Кто таков? – спросил он у него.

Александр тут же открыл глаза.

– Александр Стефенссон.

– Стефенссон? Так это ты? Почему не в лазарете? – вдруг строго посмотрел Гриша на него.

– Мне нужно поговорить с Гладерикой.

– А чего ещё тебе нужно? В палатку шагом – марш!

Александр не сдвинулся с места.

– Мне нужно поговорить с Гладерикой. Я не знаю, почему вы не позволяете главному конструктору поговорить с испытателем летательного аппарата, но это просто абсурд!

– Может, не тебе решать, что абсурд, а что – нет? – уже не так уверенно спросил Гриша. – Конечно, в твоих словах есть здоровое зерно. Однако я не могу позволить тебе войти и вмешаться в строго регламентированный радиоэфир просто по факту того, что ты являешься главным конструктором аэроплана.

– Знаете, что? – в тот момент Александр вёл себя совсем как капризный ребёнок. Аргументов больше у него не было. Вдруг дикое отчаяние овладело его разумом, и он, как покорная кукла, взял свою палку и хотел было направиться во-свояси. Однако из палатки в тот момент вышел Стёпа.

– Я саботирую радиопереговоры, – отрезал он.

Александр ошарашенно посмотрел на него. Адлерберг был полон решимости. Его глаза строго и холодно смотрели на изумлённого Романа Ивановича и не менее удивлённого Гришу.

– Ах ты... – начал было Роман Иванович, но вдруг Гриша переменился в лице:

– Роман Иванович... Всегда, сколько вы меня помните, я выступал за здоровые и полезные инициативы. И именно в этот момент я ходатайствую за Александра Стефенссона. Прошу вас пропустить его к радиоприёмнику и позволить ему вести радиопереговоры.

Роман Иванович полностью обомлел, а затем глубоко вздохнул:

– Вы, должно быть, все сговорились. Ну, а что я могу поделать с вами? Делайте, что хотите, – процедил сквозь зубы он и зашагал прочь.

Александр взглянул на Гришу с благодарностью.

– Спасибо тебе...

– Ненавижу, когда передо мной рассыпаются в благодарностях. Теперь ты можешь вести переговоры.

– Так точно! Стёпа, соедини меня, пожалуйста, с Гладерикой.

– Конечно, – кивнул тот и проследовал в палатку.

Из приёмника послышался шум, а затем Стёпа жестом пригласил Александра начать говорить. Тот, не медля, громко заговорил:

– Гладерика! Гладерика, как слышно? Это «Эдельвейс».

Сквозь ветер и помехи донёсся удивлённый голос девушки:

– Саша? Но как?

– Не ожидала, да? – рассмеялся Александр. – Всё-таки подпустили меня наблюдать за полётом моей птички. Как самочувствие, капитан?

– В норме, – уже спокойным голосом ответила Гладерика.

– Назови эшелон, Гладерика.

– Эшелон два-три. Как тебе такое, «Эдельвейс»?

– Да вы умнички! И ты, и «Идиллия»!

Голос её успокаивал, лечил вскрытые ранее душевные раны. Впрочем, в тот же миг в палатку вновь ворвался Роман Иванович и заговорил:

– «Эдельвейс», довольно болтать. Не трать заряд рации. «Аурус», бери два-шесть, затем по спирали на снижение.

– Так точно, Роман Иванович, – ответила ему Гладерика. – Связь по глиссаде?

– По глиссаде. Конец связи.

– Конец связи.

– Смотри не свались, птичка! – крикнул из-за спины командира эскадрильи Александра.

– Так точно, «Эдельвейс»! – воскликнула девушка. По голосу её было件нятно, что она была безумно рада слышать своего друга. Впрочем, приёмник вновь зашипел и замолчал.

Стёпа с Александром переглянулись.

– Теперь остаётся только ждать посадки. Пока полёт проходит в штатном режиме. Никаких повреждений или изъянов не выявлено, – констатировал Роман Иванович. – Что же, Александр, я должен признать, что ты создал действительно уникальный аэроплан. За это тебя следует поблагодарить. Однако приказы командования нарушать – дело наказуемое, ведь ты и сам это прекрасно понимаешь.

– Понимаю, – ответил Александр.

Он был искренне рад тому, что ему удалось, пусть даже пару десятков секунд, но всё же поговорить с Гладерикой. Он убедился, что там, на высоте в один километр, она жива

и здорова. Она летит – и летит благодаря ему. Данная мысль чрезвычайно грела его сердце. На пару минут он забылся и стал представлять, каково девушке там – среди бешеных потоков и невероятных пейзажей.

Молчание в эфире продолжалось несколько минут, пока приёмник вновь не зашипел:

– Роман Иванович! «Эдельвейс»! Приём!

– «Аурус», Роман Иванович на связи, – ответил стоящий рядом командир эскадрильи.

– Внештатная ситуация. Предположительно – помпаж. Эшелон – два-два.

Холодок пробежал по спине Александра. Руки его задрожали, а лоб покрылся потом. «Как? Но почему? Что произошло с мотором? – вертелись беспорядочные мысли в его голове».

– «Аурус», сохраняй спокойствие. Держи курс ровно, избегай сваливания. Продолжай снижение по плану, – ответил ей Роман Иванович.

Александр рванул к радиоприёмнику. Протиснувшись между Стёпой и Романом Ивановичем, он случайно сбил микрофон, отчего в эфир ворвался стук. Но затем, поставив его на место, он быстро заговорил в него:

– «Аурус»... Гладерика! «Эдельвейс» на связи. Доложи о самочувствии.

– Самочувствие в норме.

– Давление?

– В норме.

– Принято, – отрезал он. – Следуй инструкциям Романа Ивановича. Помпаж исправляется повторным запуском мотора. Попробуй дёрнуть ручку стартера.

Повисло мучительно долгое молчание, во время которого девушка пыталась решить проблему.

– Не работает, – доложила она.

– Не переживай, в крайнем случае аэроплан рассчитан на приземление без мотора. В таком случае следует плавно вести его на воздушных потоках вплоть до глиссады. Как слышно?

Однако эфир, издав пару помех, намертво смолк.

– «Аурус», Гладерика! – кричали в приёмник все трое.

Однако даже после третьей попытки восстановить связь эфир был в гробовом молчании.

– Чёрт! – выругался Александр. – Господа, карту! Дайте мне карту!

Роман Иванович достал из ящика план полёта и раскрыл его на столе.

– Рассуждаем логически, – дрожащим голосом говорил юноша. – Взлёт был произведён в двенадцать часов дня. Сейчас 12:14. Скорость аэроплана – сто пятьдесят узлов. Значит... За данное время она пролетела не более 60 километров. Делаем поправку на вертикальную скорость, потоки воздуха и круги, которые нужно было сделать – получаем вот такой радиус поиска, – изобразил он на карте довольно об-

ширную окружность. – Господа, если через пять минут она не объявится в эфире, нужно будет немедленно её искать.

– Да, – подтвердил Роман Иванович.

Так и получилось: девушка не выходила на связь ни через две, ни через три, не через пять минут. Тогда Роман Иванович вызвался дежурить у радиоприёмника, а Стёпе и Александру приказал выдвигаться. Точнее, Александра он хотел загнать обратно в лазарет, но тот упёрся всеми своими конечностями, что ни при каких обстоятельствах не бросит Гладерику на произвол судьбы. На такое упорство Роман Иванович лишь пожал плечами и приказал снаряжать автомобиль. Им послужил медицинский грузовик, пригнанный к воротам базы. Стёпа буквально вырвал Глашу и доктора Ларсена из светской беседы, погрузил их в машину вместе с аптечкой, а сам сел за руль. Александр уселся рядом. Заведя мотор, все четверо выехали на поиски.

Грунтовые дороги после недавно прошедшего дождя размокли и превратились в месиво из грязи. Автомобиль трясло – порой так сильно, что сидящих внутри подбрасывало чуть ли не до потолка. Вскоре дороги совсем закончились. Александр в качестве штурмана увёл Стёпу в поля. Автомобиль поехал напрямую через пшеницу, сминая её своими покрышками. Качка и тряска усилились, и грузовик начал подозрительно скрипеть. Они смогли проехать ещё около километра, прежде чем мотор, издав протяжный гул, а затем защёлкав и застрекотав, отключился, а из-под капота пова-

лил белый дым. Стёпа немедленно остановил машину. Закусив губу, он смотрел на дымящийся двигатель.

– Плохо дело, – сообщил он. – Запасных деталей у нас нет. Дальше мы никак не поедём.

– Получается, дальше – только пешком? – спросил Александр.

– Выходит, что так, – пожал плечами Стёпа.

Данное известие было воспринято всеми участниками полевой операции с тревогой и недовольством. Пшеница не была высокой, но идти по ней было крайне затруднительно из-за сырой и рыхлой почвы. Глаша с доктором Ларсеном и вовсе были обуты в нежные туфли и постоянно вязли. Движение было медленным и изнурительным. Стояла необычайная для тех широт жара, пусть даже и было начало августа. Кругом не было ни души, ни одного поселения или крестьян. Приходилось идти, ориентируясь по солнцу. Впрочем, карту они захватить с собой всё же успели. Александр то и дело поправлял их курс, пальцем показывая нужный маршрут. Так они прошли полтора часа.

Уже спустя такой отрезок времени Глаша почувствовала головокружение. Она была единственным человеком, кто шёл по полю с непокрытой головой, ибо захватить свою шляпку из палатки ей просто не дали. Девушка сообщила о своём недомогании всем остальным. Стёпа с Александром приняли решение остановиться.

– Что будем делать? – спросил Александр. – Прошло уже

очень много времени.

– Ты прав, но и заставлять Глашу идти в таком состоянии нельзя, – ответил Стёпа.

Он внимательно посмотрел на свой парадный мундир. У доктора Ларсена была чёрная жилетка, под которой находилась белая рубашка. Тот поймал на себе внимательный взгляд и мигом понял, чего хотел от него юноша.

– Sure²⁵, – сказал он, расстёгивая жилетку.

Спустя минуту его белая рубашка была повязана на голове Глаши. Та с благодарностью взглянула на него. Недомогание девицы немного спало, поэтому было принято решение продолжить путь. Группа поднялась на ноги, отряхнулась и пошла в северо-восточном направлении. Они уже были в области поисков, и им предстояло оказаться в центре условной окружности, двигаясь от неё по спирали. По расчётам Александра, путь до центральной точки должен был занять не больше сорока минут. Чемодан с медикаментами было решено нести по очереди. За всю дорогу они практически не обмолвились и словом. Всё так же стояла жара, хотя ближе к шести часам вечера должно было хоть немного похолодать. Всё, что делали путники – это шли. Шли, не останавливаясь. Шли сквозь колючие колосья. Шли, порой увязая по щиколотку в грязи. Однако никто и не думал останавливаться или сворачивать. Все их мысли, а более всего – мысли Александра – были направлены на поиски Гладерики.

²⁵ Конечно (англ.)

Ведь, думалось им тогда, ей может быть во сто крат хуже, чем им самим. Именно во время этого длительного перехода внутри Александра что-то будто бы зашевелилось. Он перебирал в памяти все те мгновения, когда ему улыбалась удача побыть с Гладерикой вместе. Ему и впрямь стало казаться, что каждая минута, проведённая с ней – это одно из самых ценных сокровищ в его жизни. Чем сильнее было это осознание, тем больше он начинал винить самого себя в той неудаче, которая постигла девушку на пути к её мечте. «Плохой я инженер, – думал про себя Александр. – Определённо плохой. Как я буду смотреть ей в глаза после такого? Впрочем, в любом случае надо её найти». Изнурительный и долгий путь по безлюдным полям, казалось, начал терять свой смысл. На мгновение Александру показалось, что вся эта затея бесполезна с самого начала. От жары он вдохнул воздух чуть сильнее, чем обычно... И что-то в нём его насторожило. Воздух был не то просто спёртым, не то с примесью дыма. Александр жестом остановил группу и принялся.

– Вы чувствуете это? – спросил он, резко раз за разом вдыхая воздух.

– Что мы должны чувствовать? – спросил Стёпа, однако тоже насторожился.

– Никак дымом пахнет, – предположила Глашенька.

– Именно, это дым, никак иначе! – воскликнул Александр.

– Может, где-то листья жгут? Или поле загорелось где? –

предположил Стёпа, но по всему было видно, что он не хочет верить в эти предположения.

– Я не думаю. Листья жгут в сентябре и октябре, а сейчас только начало августа. К тому же, если бы горело поле, запах был бы намного выразительнее. А так мы его заметили только сейчас.

– Ты прав, – согласился Стёпа. – Там, где дым – там и огонь. Если огонь не от травы, не от колосков и не от листьев – то он от чего-то рукотворного. Если он от чего-то рукотворного в этой пустоши, то он, скорее всего, от аэроплана.

– Стройно выходит, – закивала Глаша.

– А если огонь от аэроплана, – продолжил его цепочку размышлений Александр, – то он уже давно лежит на земле. Если он лежит на земле – значит, потерпел крушение. Если потерпел крушение – значит, он падал. Если он падал, то Гладерика... Она должна была предпринять все действия для спасения из него. Если предприняла, то она где-то в окрестностях. Словом, братцы и сестрицы, нам нужно искать источник дыма, – сказал Александр. – Если мы не увидели столб, значит, он уже рассеялся, но всё ещё присутствует в воздухе. Значит, пока ветер окончательно не разнёс этот запах, нам надо ориентироваться именно по нему.

Все согласились с его выводами и продолжили путь – уже намного более воодушевлённо. Запах дыма и впрямь усиливался с каждым пройденным десятком метров. В конце концов, они набрали на небольшую выжженную поляну, по-

середине которой были разбросаны многочисленные обломки «Идиллии». Зрелище было жутким. Александр медленно подошёл к обуглившимся деталям.

– Вот и всё, что осталось от «Идиллии»... – молвил он. – Впрочем, дамы и господа, надо найти хоть что-то, что указывало бы на то, что Гладерика... Что она... В общем...

Смысл сказанного был понятен и без окончания. Все принялись тщательно рыскать среди обломков. Глаша, забравшись под самый остов кабины, достала оттуда что-то маленькое и подняла это над головой.

– Смотрите, братцы! – пропищала она. – Это блокнот!

– Позволь взглянуть, – протянул руку удивлённый Александр. – Глаша, да ты умница!

Как ни странно, но сами листы во время пожара не пострадали. Александр пролистал блокнот до последней записи. Она гласила:

«12:13. Достиг. Выс. 2600 фт. Скор.: 143 уз.».

Прочитав, Александр передал находку всем остальным.

– Значит, необходимую высоту она, всё же, преодолела? – задумался Стёпа.

– Выходит, что так. Прошу вас, сохраните этот блокнот. Он в будущем очень понадобится. Больше никто ничего не нашёл? – спросил Александр у всех.

– Но²⁶, – коротко ответил доктор Ларсен. – видимо, она спрыгнула в другую сторону.

²⁶ Нет (англ.)

Александр со Стёпой призадумались. Но затем, посоветовавшись немного, обратились к медикам:

– Давайте сделаем так: вы вдвоём остаётесь здесь, а мы отправляемся на поиски в разные стороны. Гладерика может быть сейчас где угодно, но в пределах одного километра. Едва мы найдём её – сразу же сообщаем вам, а потом мы придумаем, как выбираться отсюда. Хорошо?

– Ладно, – ответили доктор Ларсен с Глашей.

– Мы скоро, – коротко сказал Александр и направился налево.

Стёпа, вслед за ним, ушёл в противоположную сторону. Они скрылись от поля зрения друг друга. Теперь всё зависело от их зоркости и внимательности. Александр неспешно шёл по колючим сорнякам, которые росли между колосков пшеницы. Ключица дала о себе знать и начала ныть – слабо, но докучливо. Всё время пути – не только от обломков аэроплана, но и ранее – юноше не давало покоя маленькое одиноко стоящее деревце. Он его заметил ещё за полкилометра до места крушения, но сейчас, когда оно оказалось практически на его пути, он решил его осмотреть. Что-то неестественное было в его листве даже с далёкого расстояния. Будто бы дерево вдруг стало монолитного тёмно-зелёного цвета – так, если бы его рисовал маленький ребёнок. С приближением эта иллюзия не исчезала. Наоборот, чем яснее были видны листья, тем лучше Александр стал понимать, что это – вовсе не они, а большое полотно, накрывшее дерево свер-

ху. И тут до него дошло... Он со всех ног бросился к нему. Ну конечно! То, что раньше казалось листвою, стало выглядеть как купол тёмно-зелёного парашюта. Вот дерево стало совсем близким. Раскидистая крона создавала тень, в которой не всё было видно. Стали проглядываться белые стропы, на которых, опустив голову, висело тело человека.

Вдруг внутри Александра что-то ёкнуло. Сердце его бешено заколотилось, а он вновь начал задыхаться. Гладерика висела перед ним в запутавшихся стропях. Они не перетягивали ей шею и не слишком впивались в её тело, но она всё равно была без сознания. Недолго думая, Александр голыми руками принялся распутывать стропы, высвобождать ослабевшие руки девушки. Через несколько минут ему удалось ослабить узлы. Он стянул с неё рюкзак и, хоть сам испытывал жуткую боль, взвалил её к себе на грудь и аккуратно усадил на землю, оперев на ствол дерева. Александр взглянул Гладерике в лицо: вся перемазанная в копоты, с царапинами на щеке, бледная, она всё равно была прекрасной. И выражение её лица было спокойным и умиротворённым, будто она погрузилась в безмятежный сон. Юноша потрогал руку Гладерики и нащупал пульс. Тот был слабым, но Александр облегчённо вздохнул и от этого.

– Ох, Гладерика... – снова вздохнул он. – Если бы ты знала, как мы все волновались из-за тебя.

Подул свежий ветерок, и жара немного спала. В тени дерева и вовсе было прохладно.

– А ведь я наконец-то понял, что ты имела в виду, – подняв глаза к небу и держа её руку в своих ладонях, сказал Александр. – Я понял, за что ты извинялась, к чему ты говорила об ошибке. Только вот... Что бы ни произошло ни тогда, ни сейчас, ни после – вовек не соглашусь я с этим! Не было ничего ценнее в моей жизни, чем те мгновения, когда мы с тобой мирно беседовали, когда делились своей мечтой. Пойми, милая Гладерика – кроме тебя, никто больше не разделит со мной моих чаяний. Ни Коля, ни Ваня, ни Серёжа. Все они преследуют свои цели, и на протяжении всего того времени, что я состою в «Золотых крыльях», было множество поводов в этом убедиться. И потом: разве могут они заменить тебя? Чем? Как бы то ни было, ты остаёшься моей путеводной звездой, самой прекрасной девушкой, которую я когда-либо встречал...

Гладерика молчала. Выходило так, что словам Александра вторил лишь блуждающий по пшеничным полям ветер.

– Я более не представляю жизни без общества с тобой. Стоит признать, что жизнь всё расставила на свои места. Никакой я не талантливый инженер, раз позволил тебе упасть. Никакой я не благородный, раз рассказываю всё это тебе сейчас. Да! Я – существо слабое. Но я люблю тебя, Гладерика! Люблю так, как не любил до этого на свете ни одного человека. И, несмотря ни на что, я буду продолжать тебя любить. Хватит глупых оправданий... Я готов буду повторить это те-

бе тогда, когда ты придёшь в себя. Вставай, Гладерика. Вставай!

Александр немного потрепал девушку по плечу. Вновь к нему подбиралось отчаяние. Он уже было хотел крикнуть своим товарищам о том, что поиски завершены, но вдруг заметил, как губы Гладерики дрогнули, а затем, пусть и на мгновение, остановились в улыбке.

– Гладерика! – вновь дрожащим голосом обратился Александр. – Гладерика, ты меня слышишь?

– Слышу, – едва прошептала Гладерика и приоткрыла глаза.

– Слышишь! Ты слышишь! – обрадовался юноша.

– И до этого слышала всё, что ты мне говорил, – сквозь силу молвила девушка. – Я... Я тоже люблю тебя, милый Александр.

Осознание её слов до Александра дошло не сразу. Вдруг Гладерика вытянула руки вперёд и, схватив его за обе щёки, притянула к себе. Губы их соприкоснулись в едва различимом, нежном поцелуе. Александр покраснел и смутился до крайней степени. Всего мгновение – но какое же оно было длинное... Когда всё закончилось и губы их вновь разомкнулись, Александр, ничего не отвечая, с полными трепета глазами посмотрел на Гладерику, которая так же смотрела на него. И так и молчали бы они вечно, если бы не вспомнил Александр о том, что все остальные с нетерпением их ждут.

– Скажи, – после долгого молчания обратился он, – что

у тебя болит?

– Кажется, нога.

– Шевелить можешь?

– Ай! – воскликнула она и застонала от боли. – Похоже, что-то серьёзное.

Александр, не мешкая, стал звать всех остальных на помощь. Вскоре Стёпа, Глаша и доктор Ларсен подбежали ко Гладерике, стали расспрашивать, как она себя чувствует и что случилось. Она рассказала, как при попытке сделать поворот обшивка аэроплана порвалась, и машина потеряла управление. Спускаясь с парашютом, стропы её запутались, поэтому она очень жёстко приземлилась на дерево, повиснув на нём. Все стали утешать её и обнадеживать, говоря, что все травмы временные и что скоро она сможет вернуться к полётам. Глаша и доктор Ларсен принялись сооружать шину из ветки, которую они сорвали с дерева и удалили все листья, и рубашки. Александр, тем временем, молчал. На горизонте возникла следующая серьёзная проблема: как дотащить Гладерику хотя бы до грузовика, не причинив ей слишком много боли? Осознание бедственности их положения уже подступал к сердцу и заставлял сильно волноваться, но вдруг они услышали гудки от машины. К ним подъезжали два грузовика, из которых высыпали инженеры, Роман Иванович, Гриша Добров и несколько солдат. Кто-то тащил носилки, кто-то просто подбегал и с нескрываемыми эмоциями норовил подробно расспросить о случившемся. Всё перемешалось и

стало походить на балаган, но ясно было одно – все были спасены. Уже в грузовиках их напоили водой и дали всей группе отдохнуть в спокойствии. Дерево с повисшим парашютом и обломки аэроплана уносились за горизонт, а вместе с ними – все переживания от того, что произошло за этот длительный и напряжённый день.

Глава 12. Новые горизонты.

Красно-алые лучи закатного солнца языками пламени обдавали повернутые к ним кроны деревьев, скользя резвыми зайчиками по глади великого озера. Последний лагерный костёр отдавал честь заходящему светилу, что когда-то давным-давно подарило людям огонь. Сентябрьский лес вторил закату, преумножая горячие оттенки в сотни и тысячи раз мириадами листочков. На посиневшем небосклоне загорались первые звёзды – предвестники тёмной ночи. Облака на горизонте сливались в причудливые формы самых разных предметов. Одно плыло грозным слоном, другое же напоминало волшебный летучий корабль с громадными и величественными алыми парусами. В этих объятых тёплыми красками, среди душистых трав и ромашек, лежали Александр и Гладерика.

– Теперь мы с тобой – раненые птицы, – улыбнулась девушка, рисуя пальцем в воздухе загадочные символы.

– Интересно, пустят ли нас когда-нибудь ещё полетать? – тихо спросил Александр.

– Не переживай. Мы рано или поздно поправимся и обязательно полетим ещё раз.

Александр на мгновение задумался. Смотря на небо, он увидел проплывающее облако, в котором достаточно ясно вырисовывался фюзеляж, крылья и мотор огромного ало-ро-

зового самолета.

– Поправимся, говоришь... Как твоя нога?

– Жить буду. Лучше скажи, как твоё самочувствие?

– А мне-то что? Я в норме, – убедительно отчитался юноша. – Перелом ключицы – не смерть!

Гладерика засмеялась и, прижавшись к его телу, положила голову ему на левую руку.

– Смотри... Что это за звёздочка? – указала девушка пальцем на только что загоревшееся светило.

– Это Капелла из созвездия Возничего.

– Какая одинокая... И не страшно ей там одной?

– Я надеюсь, у неё нет чувств.

– Я согласна с тобой! Прожить целую вечность и не встретить рядом никого – вот настоящее горе, и лучшим исходом для маленькой и одинокой звёздочки будет лишиться всяких переживаний...

– Это трогательно, милая Гладерика, – закрыл глаза юноша, вдыхая влажный вечерний воздух.

– Неужели вашему благородию захотелось плакать? – ехидно спросила девушка, подняв голову. – А что будет, если вместо далёкой и едва зримой звезды главной героиней будет несчастная и хрупкая девушка?... – увидев забавную физиономию Александра, которую тот скорчил после её реплики, она звонко рассмеялась и уткнулась носом ему в левое плечо.

Солнце практически зашло, оставив малозаметную крас-

ную четвертинку своего диска. Со стороны озера повеяло холодом. Александр с Гладерикой лежали в своих синих уставных пижамах, начисто наплевав на какие бы то ни было правила в отношении них. Они наконец-то почувствовали свободу. Свободу от навязчивой ворчливости Романа Ивановича, от строгости молодого лейтенанта – их сверстника Гриши Доброва, от пытливого взора Вани и от постоянных тренировок. Теперь, когда их здоровье отдано в руки доктору Йоханнесу и медсестре – их ровеснице – Глаше Поляковой, у них появился вольный распорядок дня. Они могли часами проводить на аэродроме, наблюдая за тренировочными полётами своих товарищей. Взявшись за руки, они провожали друг друга до разных мест в лагере. А усевшись где-нибудь в тени раскидистых дубов, они проводили время наедине друг с другом вплоть до того, как их не начинали звать испуганные Йоханнес с Глашей. Словом, потянулись беззаботные деньки. Вот и сегодня они в очередной раз пренебрегли правилами и отправились провожать закат над Л-жским озером.

– Я хочу поговорить о будущем, – вдруг серьёзно сказала Гладерика. – Как о нашем с тобой будущем, так и о будущем человечества.

– Сама ты оставаться в воздухоплавании не сможешь. Да и одну тебя этому грозному зверю я на съедение не оставлю, – сказал Александр. – Ты же позволишь...

Гладерика мигом покраснела и смутилась до крайней степени.

– Что... Позволю?

– Я его носил с собой. Берёг до нужного момента, – с этими словами Александр достал из кармана своей пижамы маленький футлярчик, оббитый замшей. Повернувшись набок к Гладерике, он раскрыл коробочку. Внутри, среди красной ткани, лежало изящное золотое кольцо, по бокам отделанное тончайшими серебряными крыльями. – Не вставай, прошу, не тревожь почём зря твою бедную ногу. Гладерика... Согласна ли ты выйти за меня замуж?

Сердечко Гладерики ёкнуло так, что казалось, будто бы оно сейчас вылетит из груди. Она лежала, глядя на раскрасневшееся лицо Александра. Ей казалось, что перед ней во все не он – Александр Стефенссон, её милый друг и превосходный инженер. Именно так ей и представлялся тот самый принц, которого сулили ей детские сказки и рассказы пожилых *madames* в Смольном.

– Я... Боже мой, как же ты меня смутил, Саша, – попыталась отшутиться Гладерика. – Но знаешь что... Мне... В общем... Я согласна. Я согласна быть с тобой, мой милый Саша! – радостно воскликнула она и, приподнявшись на согнутом локте, поднесла свою руку к руке Александра. – Позволишь взглянуть на кольцо?

– Конечно, – улыбнулся он и надел кольцо на безымянный палец Гладерики.

Девушка тут же принялась рассматривать его. Тонкие, словно у пчёл, крылышки обрамляли золотое основание

кольца. Они были изготовлены с такой точностью, что все крохотные пёрышки на нём казались реальными.

– Какая красота! – воскликнула Гладерика. Потянувшись к Александру, она нежно поцеловала его в щеку.

– Отныне оно твоё. Я безумно счастлив, что ты приняла моё предложение. Что касается будущего нашего человечества...

– Оно будет – и будет счастливым и долгим! – заявила Гладерика. – Пока есть ты, пока есть моё счастье – оно будет и у всего человечества. Мы не только полетим высоко-высоко в небо. Мы полетим ко звёздам! Мы, люди! Мы первыми из живых существ ступим на поверхности Луны и Марса. Мы запустим наши корабли с двигателями Циолковского к Солнцу и ко всем восьми планетам Солнечной системы! Мы зароемся в самые недра нашей планеты, разгадаем все тайны морей и океанов, арктических и антарктических льдов... Мы... Мы всё сможем, Саша. Ведь мы – люди! Божьи существа, венец Его творения! Пока я с тобой, нам подвластно всё... – сказала Гладерика и обняла лежащего вновь на спине Александра.

– Это правда, – загорелся он. – Мы преодолели птичий полёт – преодолеем и полёт космических камней. Только представь, сколько таких же мечтателей по всей нашей планете – таких же, как и ты, Гладерика; таких же, как и я; таких же, как Коля и Ваня, Гриша с Милей и Серёжей. Да хотя бы Роман Иванович... Он же тоже своего рода мечтатель! И только

представь, – продолжил Александр, – сколько таких же мечтателей во Франции, в Британии, в Америке, Италии, Японии, Швеции... Их тысячи! Тысячи «Золотых крыльев».

– Да, да, да! Именно такие люди, как мы – с горячим сердцем, жаждущею душой и чистым разумом – сможем создать лекарство, что вылечит все болезни, остановить горькие кровопролитные войны, полететь ко звёздам. И я верю – так же, как веришь и ты – что нас тысячи и тысячи.

– Одно меня тревожит, – заметил Александр. – Как сказал некогда Томас Карлейль, «Всякую революцию задумывают романтики, осуществляют фанатики, а пользуются её плодами отпетые негодяи». С техническим прогрессом, как подсказывает мне моё критическое нутро, произойдёт то же самое. Человек – такой себе созидатель. Берётся за сотворение, и только на первых порах получается что-то путное.

– Мы же с тобой не социалисты, – рассмеялась Гладерика. – Мы верим лишь в силу человеческого разума, но не в силу человеческой воли. Я бы очень хотела лишь парить в облаках – с тобой; чтобы меня не касались ни революции, ни войны, ни катастрофы. Просто летать в небесах...

– Кто же вспомнит тогда о нас, если мы – лишь простые мечтатели?

– Я просто уверена – кто-то обязательно напишет о нас книгу, – загадочно улыбнулась Гладерика. – Мы с тобой – истинные герои новеллы.

– Ты думаешь?

– Этот некто – дай помечтать! – будет жить за сто лет после нас. Только представь, в каком новом мире родится этот счастливчик! На чём будет построено его вдохновение? Раз он пишет о нас – вероятно, его будет так же сильно интересоваться воздухоплавание. Наверное, в его времена у каждого человека будет по аэроплану. Возможно, даже отпадёт потребность в перемещении по земле...

– В какие же ты дебри зашла, моя милая Гладерика, – усмехнулся Александр. – А ведь мы пока что просто лежим среди ромашек...

– Тсс... – нежно приложила Гладерика свой пальчик к устам Александра. – Я не окончила мечтать. В мире сто лет спустя у людей отпадёт потребность в живой музыке, ибо везде будут стоять граммофоны. А ещё... А ещё почти всё будет электрическим. Вот увидишь!

– Гладерика, я вряд ли доживу до ста лет, – рассмеялся Александр.

– ...А любовь?.. Неужто люди будущего будут вести переписку электрической почтой с электрическими письмами? Неужто удастся им передать чувства и эмоции сквозь электричество? Только подумай – электрическая любовь. Ах, как же я мечтаю это увидеть! Как же я мечтаю до этого дожить, Саша! Неужели не судьба? Неужели возраст – единственное, над чем не властен человек?

– Я бы не был столь поспешен в выводах. Пройдёт время, люди вскроют собственное естество, разгадают тайну смерти

– и научатся ею управлять. Будет ли это во благо нам? Не знаю... Но знаю и верю я, что это рано или поздно произойдёт!

Вместо ответа Гладерика, словно котёнок, прижалась к Александру, обняв его за шею. Солнце уже окончательно скрылось за горизонтом, оставив холодающую природу наедине. Взошла Луна, осветив серебряной дорожкой чарующий путь по великому озеру. Какой странник рискнёт пройти по такой тропе? Лишь волны, гонимые северным ветром, безмятежно играли с холодной белизной. Звёзды, пусть даже на северном небе, стало видно гораздо ярче и выразительнее. Александр и Гладерика, почувствовав сильный порыв ветра и боясь захворать, поддерживая друг друга, сбивчивыми шагами направились к лагерю...

Эпилог.

Война действительно началась. Началась неожиданно для всех. Прежние кандидаты были вызваны в генеральный штаб, где им вручили новую форму военно-воздушных сил и пересадили на аэропланы, нёсшие в себе не человеческую мечту о покорённых небесах, а бомбы и пулемёты. Все одиннадцать воздухоплателей резко сменили комфортные условия на жизнь в прифронтовых районах. Кто-то жалел об этом, а кто-то предвидел – но от своей мечты не отказался.

Степан Адлерберг, благодаря железной дисциплине, смог выбиться в лидеры эскадрильи и дослужиться до полковника Императорской армии. Получив ранение в ходе одной из операций на фронте, был уволен из эскадрильи и переехал к себе на малую родину. Там он посвятил себя помощи собственной матери, фронту и раненым солдатам. Благо, в средствах он вплоть до глубокой старости более не испытывал нужды.

Инцидент с ночными полётами высшее руководство предало забвению – очень уж страна нуждалась в подготовленных лётчиках, чтобы отправить в заключение таких ценных воздухоплателей, как Иван Дашков и Милорад Друцкий. Они продолжили совершенствовать свои навыки и к середине войны получили капитанские погоны. К сожалению, война была беспощадной – оба товарища погибли, выполняя

очередное задание. Позже они были награждены посмертно.

Война принесла в страну голодные времена, нестабильность и разруху. Совсем скоро грянула революция, а ещё через полгода – кровавая гражданская война. Кто-то предпочёл покинуть страну, кто-то – принять новую власть и остаться. Будучи некогда боевым братством, спустя несколько лет многие оказались по разные стороны баррикад.

Впрочем, были и хорошие моменты. Иван Орлов эмигрировал из страны в самом начале, а за рубежом продолжил дело своей жизни. Он занимался разработкой отнюдь не только летательных аппаратов, но и автомобилей, морских судов, а порой даже некоторых сооружений. Там его талант признали и оценили по достоинству. Его наработками пользовались все, поскольку те были очень ценными и полезными.

Николай Кирсанов нашёл любовь всей своей жизни – Глашеньку Полякову. Они обручились вскоре после знакомства, и, по воспоминаниям их знакомых и друзей, не было четы столь крепкой и любящей. В отличие от своих друзей, они никуда не уехали даже после смены власти. Ничто не могло убедить их сорваться с места и убежать – даже крайняя бедность, что постигла их после гражданской войны. В беспокойные годы Глаша продолжала заниматься делом своей жизни – лечением больных и обустройством для них хороших условий в стенах лазаретов. Её наставник доктор Ларсен предпочёл уехать, однако регулярно вёл с ней переписку о делах нынешних и делах грядущих.

Среди покинувших страну была и юная супружеская чета Стефенссонов – Александр и Гладерика. Весь опыт воздухоплавания и инженерного искусства они смогли приспособить на чужбине. Дети их переняли любовь к небу, и спустя некоторое время в истории родилась династия лётчиков. Прогрела одна война, прогремела и вторая – и от неё не получилось убежать. Вместе Александр и Гладерика стали помогать союзническим силам в борьбе против мировой угрозы. Пригодился и инженерный талант Александра, и умения Гладерики. Своим образом жизни они завоевали уважение и доверие своих новых соотечественников. Впрочем, супруги всегда безмерно тосковали по родному дому, а некоторые их дети переселились на родину и там внесли свой вклад в развитие авиации.

Прошла эпоха. Сменились государства, режимы, технологии. Аэропланы становились с каждым годом всё более диковинными, а жизнь снова налаживалась. Пожалуй, только от Гладерики и Александра в те поздние послевоенные годы можно было услышать слова «воздухоплавание», «воздухоплаватель» и «аэроплан». Они и не заметили, как все вокруг стали говорить «авиация», «пилот» и «самолёт». Да и сами воздушные суда совсем скоро преодолели звуковой барьер. Наступала эра реактивных самолётов – гигантских авиалайнеров и юрких истребителей. И даже в глубокой старости, когда у Александра с Гладерикой появились дети, затем внуки, а позже и первые правнуки, они всё так же нежно смот-

рели друг другу в глаза, находя в них отражение тех далёких, но незабываемых дней, проведённых в эскадрилье «Золотые крылья», когда перед ними был открыт целый мир с его несметными неосвязаемыми сокровищами.

Спасибо за чтение и понимание!

Ваш Глеб Пономарёв.

Ярославль, 2023 год.